ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 43-й

№ 20 (4358)

17 мая 1972 г. СРЕДА

СОВЕТСКОЙ ПИОНЕРИИ — 50

Фото Б. ЕЛИНА (АПН)

19 мая в городах и селах зазвучат пионерские горны, рассыплется дробь барабанов — пионерия Страны Советов встанет в строй своей юбилейной линейки. От первых отрядов, созданных при 16-й типографии Краснопресненского района и ремонтных мастерских Октябрьской железной дороги Сокольнического района столицы, до сегодняшней двадцатитрехмиллионной армии ленинской пионерии лежит славный путь в 50 лет. В постановлении ЦК КПСС «О 50-летии Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина» говорится: «История советской пионерии неотделима от героической истории нашего народа и ярко подтверждает ленинскую мысль о том, что организация детей — лучший путь воспитать коммунаров. Летопись детского движения богата примерами патриотизма, самоотверженности, подлинного героизма». История пионерии — это детство не одного поколения советских людей. Вот почему праздник юных ленинцев — это праздник всех в нашей стране. И помня призыв «К борьбе за дело Коммунистической партии будьте готовы!», мы все вскинем руки в пионерском салюте: «Всегда готовы!»

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Реваз МАРГИАНИ

СВЕТ ЛЮДЯМ

Мне кажется очень символичным, что в 9-й пятилетке так много внимания уделяется повышению энерговооруженности моей республики.

Строки пятилетнего плана читаются как поэтические метафоры: вводятся мощности Ингурской ГЭС — свет людям! Строится каскад Варцихских ГЭС — свет людям! Начинается сооружение Жинвальского гидротехнического комплекса — вода полям, свет людям!

Ингурская ГЭС. Сложнейшие гидростроительные работы. Уникальные проекты, миллионы кубометров грунта, уложенных в огромное тело плотины. С горных высот Сванетии несется бурная, непокорная Ингури. Там, в селе Мулахи, у подножия Главного Кавказского хребта, — очаг отца и деда моего. Сванетия — древнейший край Грузии, край снежных вершин и песен...

Мулахи — большое село. Прямо на него глядят с высоты белый Тетнульд и двуглавая Ушба, с которых берет начало множество рек и речушек, впадающих в Ингури, несущих свои воды к Черному морю. Много веков глядят бессловесные вершины на эти края, много бед и набегов видали здешние крепости и башни, много песен слышали небо и земля Сванетии. Но того, что увидела Сванетия за десятилетия Советской власти, не бывало дотоле никогда. Суровый горный край, который прежде из-за бездорожья был по полгода оторван от мира, теперь связан со всей Грузией, со всей огромной нашей страной автомобильными дорогами, трассами самолетов и вертолетов. Ленинский свет преобразил жизнь горного края. Там, где раньше жили только охотники и скалолазы, теперь появились свои ученые, врачи, педагоги, писатели.

Сейчас здесь строится сложный комплекс гидроэлектростанций.

Сванетия всегда была источником моей поэзии — от первого стихотворения «Мирангула» до совсем недавно написанных стихов. Есть среди них одно — «Письмо к Кайсыну Кулиеву», где я приглашаю своего давнего друга и собрата по перу в мои родные места. Ведь огромный Кавказский хребет не в силах разделить народы, если их связывают искренняя дружба, свет ленинских идей. Этой осенью мы ждем к себе в Грузию писателей, представляющих все народы нашей страны. Они смогут увидеть, чем живет сегодня моя республика, встретятся с читателями, побывают на стройках.

Многие наши литераторы — и маститые, и молодые — очень часто бывают сегодня на наиболее интересных и важных предприятиях и стройках республики, пишут о славных делах наших современников.

Примеров активного вмешательства писателей в жизнь немало.

Листаю газетные подшивки за последний месяц. Здесь активные публицистические выступления Константина Лордкипанидзе, Георгия Натрошвили, Тины Донжашвили, Нодара Думбадзе и многих других литераторов Грузии.

Такая связь с жизнью народа благотворно сказывается на творчестве. Ибо писатель своим трудом тоже должен нести свет — свет, который так необходим людям.

ТБИЛИСИ

Сергей БАРУЗДИН:

БУДУЩИМ КОСМОНАВТАМ И СТРОИТЕЛЯМ

— Все мы — и те, кто представляет мое поколение, — сказал нашему корреспонденту Сергей Алексеевич Баруздин, — переходящие сегодня пятидесятилетний рубеж или же приближающиеся к нему, и наши дети, и внуки наши — прошли (или проходят) Школу Великой Страны Пионерии. Пионерии, предшествовавшей комсомолу, с самых ранних лет учившей нас быть настоящими людьми, учившей мужеству и стойкости в дни суровых для Родины испытаний, твердости в достижении намеченной цели — всем лучшим качествам, которыми обладает наш человек.

— Сергей Алексеевич, а что привело вас в высокий «клан» детских писателей? Как вы стали им?

— Когда я был мальчишкой и занимался в литературной студии Дома пионеров, то писал очень серьезные, «взрослые» стихи и рассказы. Но когда вернулся с войны, понял, что если мне и суждено стать писателем, то только детским... Все эти годы я писал для пионеров — или будущих, или настоящих, или бывших...

— Как нам известно, к 50-летию пионерии выходит ваша книга «Сказка о Лесном царе и Пионерском царстве»...

— Кстати, на подходе еще одна книга, которая также обращена к пионерам. В ней — речь о нашем многонациональном братстве, о комсомоле, о Советской Армии. Называется она «Страна, где мы живем». И я буду рад, если книга эта поможет вырастить будущих космонавтов и слесарей, строителей и колхозников...

— А как часто вам приходится встречаться с пионерами?

— «Часто» — не то слово. За многие годы у меня уже образовались постоянные связи. Например, с пионерами средней школы № 2 города Пологи Запорожской области. Лет десять назад делегация этой школы приехала ко мне в гости. Как-то вечером раздается звонок в дверь, и в квартире у меня появляется довольно большая группа ребят. Более двадцати. Не так-то просто было мне их разместить. Но ничего, все устроились; пробыли они некоторое время в Москве, и тесное общение с ними в течение нескольких дней принесло мне много пользы. Такие же контакты у меня налажены со школьниками города Кологрива Костромской области, юными читателями Черниговской детской библиотеки и библиотеки города Бологое Калининской области. Они же, кстати, и мои первые критики. Каждую только что выпущенную книгу я отсылаю им в первую очередь.

— Вы были пионером тридцатых годов. Как отличаются интересы пионеров тех лет от интересов нынешних ребят? Собираетесь ли вы написать об этом?

— Сложный вопрос. Мы были такими же страстными натуралистами, зоологами, филателистами, нумизматами, что и сегодняшние пионеры. Нынешние ребята разыскивают героев Отечественной войны, а мы разыскивали героев гражданской. И вместе с тем качественное отличие большое. Во-первых, неизмеримо вырос уровень знаний, жизнь стала другой. Если в мои годы юные радиолюбители собирали лишь примитивные детекторные приемники, то сейчас пионеры конструируют уже радиоуправляемые роботы, строят действующие модели ракет и луноходов. Да это и не удивительно в эпоху научно-технической революции... Но это обширная тема, ее можно раскрыть лишь в книге. И я думаю обязательно написать такую книгу.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Рудя Н. Д. орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Рудя Николая Даниловича орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
6 мая 1972 г.

ПОД ДЕВИЗОМ «ТРУЖЕНИКИ ЗЕМЛИ»

Ленинградские писатели — частые гости мелиораторов и лесорубов, животноводов и земледельцев Лодейнопольского района области.

Недавно бригада Ленинградской писательской организации — О. Шестинский, А. Чепуров, Л. Хаустов, а также заведующая сектором литературы отдела культуры Ленинградского обкома КПСС Р. П. Игошина — выезжала в Лодейное Поле для заключения договора о содружестве между трудящимися района и литераторами города на Неве.

Этот договор о содружестве предусматривает, в частности, проведение смотра-конкурса на лучшее произведение на сельскую тему.

Итоги смотра-конкурса, проходящего под девизом «Труженики земли» и посвященного 50-летию образования СССР, будут подведены к празднику урожая.

ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Итоги Всесоюзного конкурса 1970–1972 гг.

Президиум ВЦСПС и секретариат правления Союза писателей СССР подвели итоги Всесоюзного конкурса на лучшее произведение художественной прозы о советском рабочем классе. В конкурсе приняли участие писатели, журналисты, рабочие, инженеры, техники, педагоги...

Как говорится в постановлении президиума ВЦСПС и секретариата правления Союза писателей СССР об итогах конкурса, он показал возросший интерес писателей к созданию новых высокохудожественных произведений о человеке труда. В лучших произведениях, представленных на конкурс, художественными средствами отображены ведущая роль рабочего класса в нашем обществе на различных этапах его развития и коммунистического строительства, нерушимая дружба народов многонационального Советского государства.

Президиум ВЦСПС и секретариат правления Союза писателей СССР присудили:

ПЕРВУЮ ПРЕМИЮ — писателю Иванову Анатолию Степановичу за роман «Вечный зов».

ВТОРЫЕ ПРЕМИИ — писателю Андрееву Александру Дмитриевичу за роман «Спокойных не будет»; писателю Файзи Рахмату за роман «Его величество Человек».

ТРЕТЬИ ПРЕМИИ — рабочему Гудову Ивану Ивановичу за книгу «Судьба рабочего»; писателю Колесникову Михаилу Сергеевичу за повесть «Право выбора»; писателю Рыбасу Тарасу Михайловичу за роман «Красный снег».

Семь поощрительных премий присуждены:

писателю Бежанишвили Ростому Титиковичу за повесть «Последний перегон»; инженеру Власенко Ольге Борисовне за документальную повесть «Горизонты»; писателю Кабдулову Зейнулле за роман «Пламя»; писателю Савицкому Александру Ануфриевичу за документальную повесть «Сверяю жизнь по времени»; писателю Сизову Николаю Трофимовичу за роман «Наследники»; писателю Тельпугову Виктору Петровичу за повесть «Все по местам!», писателю Щербановскому Олегу Сергеевичу за роман «Ловцы трепангов».

За активное участие в организации и проведении конкурса Почетной грамотой ВЦСПС награждены члены жюри — председатель правления издательства «Советский писатель» Н. В. Лесючевский (Москва), писатель Джубан Мулдагалиев (Алма-Ата), Герой Социалистического Труда Н. Н. Русаков (Ленинград), писатель В. Н. Собко (Киев).

Итоги Всесоюзного конкурса ВЦСПС и Союза писателей СССР на лучшее произведение художественной прозы о современном советском рабочем классе — большое событие в литературной жизни страны.

В этом большом творческом соревновании участвовали авторы 83 книг, 137 рукописей и многочисленных журнальных публикаций. Среди участников конкурса — представители литератур почти всех братских республик, что особенно знаменательно в связи с предстоящим историческим событием — 50-летием образования СССР.

Результаты конкурса свидетельствуют о том, что магистральная тема нашей многонациональной литературы — жизнь рабочего класса — привлекает все более пристальное внимание советских писателей. Отрадно также и тот факт, что наряду с романами и повестями профессиональных литераторов на конкурс поступили произведения, написанные людьми, непосредственно связанными с производством. Лучшее из этих произведений — книга ветерана рабочей гвардии, одного из зачинателей стахановского движения Ивана Гудова «Судьба рабочего» — удостоено третьей премии.

«Литературная газета» сердечно поздравляет лауреатов конкурса на лучшее произведение о рабочем классе и желает всем его участникам дальнейших успехов.

Публикуемые сегодня итоги конкурса ВЦСПС и Союза писателей СССР дают все основание полагать, что последующий, уже начавшийся, его этап поможет созданию новых произведений, ярко повествующих о героическом труде рабочего класса Советского Союза.

СЕВЕРНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ «ЛГ»

Как обживать Север? Устраиваться ли с комфортом в каждой промышленной точке или жизненные удобства сосредоточить в крупных центрах, а остальную территорию рассматривать как сырьевую базу и осваивать ее при помощи «вахтенного способа», перевозя рабочую силу издалека? Позиции спорящих разделились...

Горноправдинск не подозревал, что вскоре станет сильным аргументом в полемике. Поселок жил, строился и располагался с комфортом посреди тюменских болот. Он возводил удобные и основательные жилые дома, школы, детские сады и ясли, клуб, кафе. Он выращивал в теплицах овощи. Он собирал болельщиков в собственном Дворце спорта. Он стал маленькой столицей сибирских нефтеразведчиков. Своим существованием он возражал против «вахтенного способа» освоения «трудных широт».

Ну, а когда кончится разведка нефти, когда уйдут геологи, что станется с Горноправдинском? Здесь будут жить другие: рабочие промыслов, охотники, рыбаки...

стр. 10

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

ПРОЗА
Глава из новой повести Константина Симонова
стр. 7

ИСКУССТВО
Разговор о кинокомедии
стр. 8

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ
«Круглый стол» ученых и писателей социалистических стран в Софии
стр. 14–15

АЛЬФРЕДО ВАРЕЛА
ЛОНРОТИНКАТУ, 25-А, 6
ХЕЛЬСИНКИ, 18
ФИНЛЯНДИЯ

Советские писатели направляют самые горячие поздравления по поводу присуждения международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» нашему дорогому другу, прекрасному писателю, несгибаемому коммунисту Альфредо Варела. Знаем и любим Ваше творчество, знаем и высоко ценим Вашу деятельность на благо самого прекрасного на земле — мира. Желаем Вам, дорогой друг, доброго здоровья и много новых успехов. Всегда рады видеть Вас в нашем Союзе писателей в Москве. С сердечным приветом

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ВРУЧЕНИЕ НАГРАД

16 мая в Кремле большой группе товарищей были вручены ордена и медали.

Среди награжденных писатели Константин Федин и Валентин Катаев.

К. А. Федину был вручен орден Ленина, В. П. Катаеву — орден Октябрьской Революции.

Вручивший награды Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный тепло и сердечно поздравил награжденных и пожелал им новых успехов в деле коммунистического строительства.

Выступая от имени награжденных, К. А. Федин и другие горячо поблагодарили ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Советское правительство за высокую оценку их труда и заверили, что отдадут все свои силы для успешного претворения в жизнь решений XXIV съезда КПСС.

— Всем понятно то глубокое волнение, — сказал, в частности, К. А. Федин, — которое у человека вызывает акт его награждения родным Советским государством. Я думаю сейчас не столько о себе, сколько о том внимательном отношении к труду литератора, к призванию художника, к литературе и искусству, которое так поощряется Центральным Комитетом партии, Президиумом Верховного Совета СССР, Советским правительством.

От ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР

ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР с глубоким прискорбием извещают, что 14 мая 1972 года после тяжелой продолжительной болезни скончался выдающийся советский драматург, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, Председатель Верховного Совета Украинской ССР, заместитель председателя Советского комитета защиты мира, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», лауреат Государственных премий СССР, Герой Социалистического Труда, академик, секретарь правления Союза писателей СССР **Александр Евдокимович КОРНЕЙЧУК.**

Центральный Комитет КПСС | Президиум Верховного Совета СССР | Совет Министров СССР

ПИОНЕРИИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

- ИНТЕРВЬЮ С ДЕТСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ
- В ИЗДАТЕЛЬСТВАХ ВЫХОДЯТ...
- ВСПОМИНАЯ ПЕРВЫЙ СЛЕТ

Агния БАРТО:

САМЫМ ЮНЫМ ЮБИЛЯРАМ

Часто бывает так — на торжественном собрании вдруг зазвучат пионерские горны, и в зал входит детство. Взрослые взволнованно встают.

Однажды я слышала, как объясняют дети это радостное волнение взрослых.

— Почему, когда мы вошли, они сразу все встали? — спросил у своего ровесника паренек с октябрятской звездочкой на рубашке.

— Потому что мы — нынее будущее, — ответил тот.

Дорого, что сами дети понимают смысл пионерской организации.

В последние годы жизнь пионерии стала более разнообразной, я бы сказала — более романтичной. По всей стране двинулись ребята в походы с рюкзаками, скатанными палатками, с закопченными котелками. Неуемное детское любопытство влечет их к природе, к истории своего края. В этих походах, полных неожиданностей, нередко проявляют пионеры ту самую инициативу, которой ждут от них вожатые.

Известно, что тысячи отрядов организованно проходят по маршрутам боев, пионеры разыскивают могилы героев, сообщают о них родным. Мне думается, очень важно, что у ребят чувство патриотизма возникает именно в этом поиске. Два мальчика, например, нашли в Аджимушкайских каменоломнях старый солдатский медальон. Время стерло запись на пожелтевшем клочке бумаги, остались только отдельные буквы. Мальчики прислали мне этот медальон с горячей просьбой передать его тому, кто может восстановить запись, — они хотят найти родных солдата и сообщить им, где он погиб за Родину.

Но случается, что взрослые, сами того не желая, мешают непосредственному проявлению чувств детей, глушат инициативу. И тогда появляется совсем иное письмо, похожее скорее на канцелярский документ, не хватает только исходящего номера — сухой рапорт, присланный в редакцию тоже десятилетней пионеркой. В письме есть всего одна живая, неотредактированная фраза: «Писала Катя и мой папа». Правильнее было бы поставить только три слова: «Писал мой папа».

Недавно я еще раз убедилась в том, какой огнеопасный народ — дети! Две подруги по телефону уговаривались написать в своих сочинениях, что Татьяна Ларина — «не положительная, а наоборот — отрицательная». Родители всполошились, услыхав, что бедную Татьяну ждет такой печальный жребий, и начали было переубеждать дочек. Но выяснилось, что те не «против Татьяны». Почему же тогда они ополчились на нее? Да потому, что их учительница чересчур настойчиво и скучно твердила о достоинствах пушкинской героини.

Пламень детских душ надо умело и осторожно направлять в нужную сторону, делая это по самым разным поводам. Как-то в одном из районов Москвы прохожие увидели, что пионеры выносят из многоквартирного дома все новые и новые сетки и мешки с макулатурой. Оказалось, что изобретательный вожатый придумал — опустим в почтовые ящики очень вежливые личные письма домашним хозяйкам и попросим собрать ненужную бумагу к определенному дню. Хозяйки, которых обычно такая просьба застает врасплох, растроганные вежливой деловитостью пионеров, проявили необыкновенное рвение. Между прочим, я видела, как, сидя на скамейке во дворе, юные сборщики увлеченно читали обрывки старого журнала «Пионер», только что вытащенного ими из пачки макулатуры. Может быть, это были истинные книголюбы? А их становится все больше и больше в пионерских отрядах, и все чаще проводятся сборы книголюбов, городские слеты книголюбов.

С уважением и гордостью смотрим мы на наших самых юных юбиляров, которые по праву уже в десять лет празднуют свое славное пятидесятилетие.

ЛЮДИ И КНИГИ

Юрий СОТНИК:

КОГДА СМЕЮТСЯ РЕБЯТА

— Юрий Вячеславович! Расскажите, пожалуйста, с чего началась ваша писательская деятельность для детей.

— Первый, на мой взгляд, удачный рассказ «Архимед» Вовки Грушина» был напечатан в 1939 году. А первый сборник рассказов вышел сразу после войны, в 1946 году. И все было написано в юмористическом ключе.

— Значит, с вашими первыми рассказами для детей выросли папы и мамы сегодняшних пионеров. И по сей день вы не изменяете юмористическому жанру?

— Сразу после войны, когда наши дети вместе со взрослыми пережили столько горя — и голод, и бомбежки, и потерю близких, мне очень хотелось помочь вернуть нашим пионерам, проявившим столько мужества и героизма в военные годы, смех, улыбку.

Счастливая жизнь пионерии немыслима без звонкого, заразительного смеха. Но тем же смехом зачастую расправляются ребята и со всем, что противно их жизни, — с ленью, зазнайством, лживостью, отсутствием любознательности, эгоизмом.

По своему многолетнему писательскому опыту я знаю, что темы, подсказанные смешными ситуациями из детской жизни, поистине неисчерпаемы. А если рассказ, повесть получились, если мои читатели-пионеры смеются, я и сам чувствую себя счастливым человеком.

— Праздник пионерии — праздник и детских писателей, а чем вы его встречаете?

— В этом году в издательстве «Детская литература» вышел сборник новых рассказов — «Как меня спасали». Недавно получила специальную премию ЦК ВЛКСМ пьеса «Дружеское плечо, или В детском саду свинка». А сейчас я пишу новую пьесу.

— Комедию?

— Да, об одном мальчишке, который пожелал себя выдать не за того, кем являлся на самом деле. Естественно, это привело его к смешным и даже плачевным ситуациям. Буквально на днях я закончил первый акт.

— Итак, вся ваша писательская биография связана с юмористикой для детей?

— Не совсем. Вот уже третий год я езжу в Сибирь. В результате этих путешествий была написана книга «Как здоровье, тайга?», о лесопатологах — ученых, которые изучают заболевания леса и лечат их. Сейчас я готовлю новую книгу, она будет посвящена труду лесопожарников. Ленинградские ученые придумали оригинальный способ тушить пожары в тайге, используя природные особенности. Над тайгой — мощнейшим источником испарений — на огромной высоте всегда собраны кучевые облака. К этим облакам подбирается самолет-зондировщик и обстреливает их, вызывая искусственную грозу. Труд этих людей требует настоящей самоотверженности. Такая работа по силам лишь героям-энтузиастам, как, например, Михаилу Евгеньевичу Сахарову — старейшему летчику нашей страны, человеку, который в свое время нашел самолет «Родина» и спас Раскову, Осипенко и Гризодубову. Сейчас ему 62 года, а он работает на самолете-зондировщике.

Меня эти люди увлекают прежде всего потому, что в их работе есть все те элементы героизма, самоотверженности, любви к Родине, заботы о родном крае, о которых так мечтают сверстники моих книг — пионеры.

«РАЗЛЕЙСЯ, ПЕСНЯ-МОЛНИЯ...»

Конец августа 1929 года. В Москве проходит Первый Всесоюзный слет пионеров. Свыше семи тысяч мальчишек и девчонок в красных галстуках съехались в столицу из самых отдаленных уголков страны. Здесь юные сибиряки, ленинградцы, москвичи, посланцы Дальнего Востока, Средней Азии, Закавказья...

На стадионе «Динамо» в тот день царило необычное оживление. В центре футбольного поля — импровизированная трибуна. В правительственной ложе появляются почетные гости юных ленинцев — Н. К. Крупская, Е. М. Ярославский, А. М. Горький, один из руководителей Коммунистической партии Германии Макс Гельц, друг и соратник Э. Тельмана. Мы с сердечной теплотой встретили их, повязав на шею каждого почетного гостя алый щелковый галстук.

И вдруг по рядам пролетело: «Маяковский! Владимир Маяковский!»

Дикторша объявила:

— Дорогие ребята! Вас пришел приветствовать новыми стихами поэт Владимир Владимирович Маяковский. Предоставляем ему слово.

Из десятков репродукторов, установленных в разных концах стадиона, раздался мужественный, сильный, как набат, голос:

За моря синевоянов,
за сто земель
и вод
разлейся, песня-молния,
про пионерский слет.

Затаив дыхание, мы слушали стихотворение, посвященное нам, юным ленинцам, делегатам первого всесоюзного пионерского форума. Когда же Владимир Владимирович прочитал строки:

Вперед,
отряды сжатые,
по ленинской тропе!
У нас
один вожатый —
товарищ ВКП,

— весь стадион встал в едином порыве. Долго не утихали аплодисменты.

После окончания торжественной части Владимир Владимирович пришел и уселся среди нас, самых младших москвичей и ленинградцев.

Высокий, широкоплечий, он сидел, положив на колени свои большие руки. Белую сорочку его оттенял шелковый пионерский галстук.

...Закончился праздник. В трамваях и автобусах, на бульварах, скверах еще долго не умолкали звонкие ребячьи голоса. Владимир Владимирович ехал вместе с нами в трамвае и, как мы, шутил, смеялся, пел.

Таким он запомнился мне с детства на всю жизнь...

Борис ИРТЫШСКИЙ,
делегат I Всесоюзного слета пионеров

ЛЕНИНГРАД

КРУПНЕЙШЕЕ В МИРЕ

В беседе с нашим корреспондентом главный редактор издательства «Детская литература» Г. ПЕШЕХОДОВА рассказала:

— Крупнейшее издательство нашей многонациональной литературы для детей и юношества выпускает 160 миллионов экземпляров книг в год! Тираж наших книг составляет сегодня 80 процентов тиража всей детской литературы, выходящей в Российской Федерации. А к 1975 году предусмотрено увеличить всероссийский выпуск детской литературы до 310 миллионов экземпляров в год.

650 — столько наименований книг было выпущено нами только в прошлом году.

Год 1972-й — знаменательный в жизни нашего издательства. Близится дата, которую с большим волнением ждем мы, работники «Детской литературы». 19 мая вся страна будет отмечать полувековой юбилей нашей славной пионерской организации.

Издательство «Детская литература» постаралось подготовить для детворы к этому празднику ее любимые книги.

Во второй раз мы выпускаем расширенное и дополненное издание «Библиотеки пионера» в двенадцати томах. Первое такое издание было посвящено 40-летию пионерской организации и его команда». В этом году мы решили переиздать «Сказку о военной тайне» — самое первое произведение А. Гайдара, выпущенное нашим издательством, с чудесными иллюстрациями В. Конашевича. Интересны цифры: впервые эта книга вышла в год рождения издательства — в 1933 году. А к нынешнему дню «Детская литература» выпустила произведения А. Гайдара общим тиражом пять миллионов экземпляров.

С этого года мы открыли новую серию художественно-публицистических книг, которые расскажут пионерам о том, как развивается народное хозяйство нашей Родины, об открытиях и завоеваниях социалистической науки. Среди авторов этой серии — известные ученые, писатели, журналисты. Новая рубрика подсказана издательству решениями XXIV съезда партии. Первой в новой серии вышла книга Марии Прилежаевой «На Двадцать четвертом съезде».

Специально для пионеров мы выпустили созданную сотрудниками «Комсомольской правды» книгу очерков об истории комсомольского движения, которая называется «Эпоха в лицах».

В постановлении Центрального Комитета КПСС «О 50-летии Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина» говорится: «История советской пионерии неотделима от героической истории нашего народа... Летопись детского движения богата примерами патриотизма, самоотверженности, подлинного героизма».

Понимая всю важность этой темы, мы особое внимание уделили книгам, которые рассказывают о героической истории пионерской организации. В серии «Военная библиотека» будет переиздана повесть Л. Кассиля и М. Поляновского «Улица младшего сына», О возникновении первых пионерских отрядов расскажут такие книги, как повесть В. Дмитриевского «Бей, барабан», «Пионерские были» Л. Подвойского, сборник «Орлята», состоящий из рассказов о ленинградских пионерах, героях Великой Отечественной войны. 50-летию пионерии посвящен и последний выпуск «Круглого года».

К празднику мы выпустим также «Жизнь Ленина» Марии Прилежаевой, «Разговор с сыном» Сергея Михалкова, «Неизвестный солдат» Анатолия Рыбакова — книги, любимые нашей детворой.

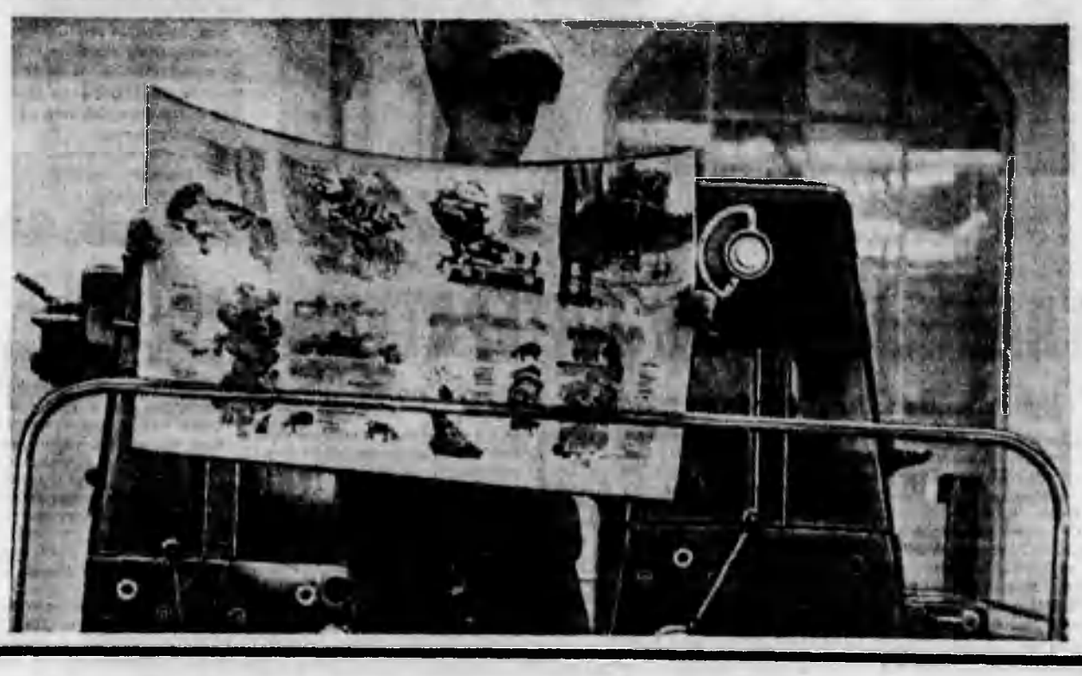
Уверена, что заинтересуют ребят и новые повести Зои Воскресенской, Анатолия Алексина, Владислава Крапивина.

А теперь вернемся к тому, с чего начали, — к цифрам. Прежде всего хочется сказать, что наше издательство самое крупное в мире по количеству выпускаемых книг. Каждое произведение в серии «Мои первые книжки» выходит тиражом 1 миллион 750 тысяч. Другая массовая серия — «Для маленьких» издается тиражом 1 миллион 200 тысяч экземпляров каждая. Это сегодня. Завтра, как я уже говорила, цифры станут еще внушительнее.

Первая фабрика детской книги в Москве обязана своим рождением Алексею Максимовичу Горькому. Именно он почти сорок лет назад предложил выделить для нужд созданного в те годы издательства детской литературы специальную типографию.

Ежедневно двести тысяч книг сходят с конвейера фабрики. В них — труд детских писателей, художников, редакторов, наборщиков и печатников. Каждая книга, от самой маленькой до ярких, нарядных томов,— произведение большого искусства.

ФОТОРЕПОРТАЖ АЛЕКСАНДРА УЗЛЯНА



СИГНАЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

БЕССТРАШНЫЕ

Только вдруг сорок первый
Ударил огнем,
Подпоясал мальчишек
Солдатским ремнем...

— В издательстве «Молодая гвардия» выходит книга «Подвигу жить». Она посвящена 50-летию Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, — сказала корреспонденту «ЛГ» заведующая редакцией пионерской литературы Надежда ШАШЕРИНА.

— В книге рассказывается о самых прекрасных подвигах на земле — о подвигах советских детей в суровые для Родины дни. Рассказывается скупо, коротко. Только факты. По достоверные, взятые из жизни, порой в две строки. И каждый из них мог бы стать сюжетом повести, поэмы.

Когда начинается война, взрослые прежде всего стремятся оградить от нее детей. Но обстоятельства оказываются сильнее людей. И в военные дни маленькая Люся Герасименко «сидела» перед домом и заплетала косички. Если правую косичку плетет — все спокойно, если левую — опасность. А если запела: «Баба сеяла горох, прыг-скок, прыг-скок» — значит, на улице появились фашисты и подпольщики должны расходиться. А потом гитлеровцы схватили Люсю и зверски пытали...

Про героев обычно говорят — бесстрашные. Неужели не страшно было Коле Молчанову из деревни Барановка, когда он по лесу вел фашистов, чувствуя за спиной пистолет и каждую секунду ожидая выстрела?

Просто все эти маленькие герои смогли победить, превозмочь свой страх. Они совершали подвиги ради великой цели, великого чувства любви к Родине, к людям, к жизни.

Вот почему в дневнике одного из фашистских солдат появилась такая запись: «Мы никогда не победим русских потому, что даже дети у них сражаются и погибают, как герои».

В книгу «Подвигу жить» вошли очерки, рассказы, стихи С. Михалкова, Л. Ошанина, З. Воскресенской, Н. Сурвилло, М. Родичевой. Составили сборник Е. Волк и М. Филиппова.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ РАССКАЗОВ

МАЙСКИЙ НОМЕР «СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

«25 рассказов советских писателей» — значится на обложке майского номера журнала «Советская литература», выходящего на пяти иностранных языках. Это один из специальных номеров, которые редакция посвящает великой дате — пятидесятилетию образования Союза Советских Социалистических Республик. (Первый номер, которым редакция открыла юбилейный год, познакомил зарубежных читателей с литературой народов Северного Кавказа, до Октября не имевших даже собственной письменности.)

Майская книжка представляет собой своеобразную антологию советского рассказа. Редакция уже имела опыт выпуска подобной антологии. 5 лет назад, когда праздновалось 50-летие Октябрьской революции, был выпущен сборник лучших русских рассказов советского времени. Этот номер имел громадный успех за рубежом, и редакция получила множество писем с просьбой повторить подобное издание.

Антология нынешнего года превосходит прошлую по широте охвата: в ней представлены авторы, пишущие на русском, украинском, белорусском, армянском, грузинском, узбекском, киргизском, татарском, молдавском, латышском, литовском и эстонском языках. В сборник включены лишь рассказы последнего десятилетия.

Особенностью антологии является то, что наряду с такими признанными мастерами, как Вера Панова, Константин Лордкипанидзе, Леонид Первомайский, Сергей Антонов, Пауль Куусберг, Янка Брыль, Рафаэл Арамян, Юрий Нагибин и другие, здесь выступают молодые авторы, чьи первые произведения увидели свет в 60-х годах: украинцы Владимир Дрозд и Григор Тютюнник, латыш Алберт Бэл, узбек Уткур Хашимов, русские Алексей Леонов и Виктор Лихоносов, армянин Грант Матевосян.

Разнообразные по тематике, рассказы, вошедшие в номер, дают представление о богатстве творческих индивидуальностей советских новеллистов, о своеобразии их художественного почерка и интонации.

Автобиографические рассказы о прошлом Янки Брыля и К. Лордкипанидзе соседствуют здесь с романтической сказкой Владимира Дрозда, исполненное мягкого юмора повествование Гранта Матевосяна — с зарисовками-миниатюрами Веры Пановой и Алберта Бэла, философские раздумья и лирические пейзажи Сергея Никитина, Юрия Нагибина, Юрия Казакова — с бытовыми очерками и психологическими портретами Чингиза Айтматова, Сергея Антонова, Василя Быкова, Иона Друцэ, Алексея Леонова.

При всем различии авторских голосов их объединяет, придавая цельность сборнику, любовь к Советской стране, глубокий, истинно гуманистический интерес к человеку, строящему коммунистическое общество, к его внутреннему миру, широта писательского горизонта.

Номеру предпослана вступительная статья Юрия Лукина.

Премии Министерства обороны СССР

Давняя и традиционная дружба связывает литераторов с Советской Армией — уже многие годы.

Приказом министра обороны СССР Маршала Советского Союза А. А. Гречко в день Праздника Победы были присуждены премии Министерства обороны СССР за лучшие произведения художественной литературы на героико-патриотическую тему, выпущенные Воениздатом за последние два года. Премии в 1972 году удостоены М. Колесников, А. Плотников и Н. Романов.

Поощрительными дипломами отмечены книги прозаиков А. Беляева, А. Кирьева, П. Федорова, поэтов В. Фирсова, А. Коваля-Волкова и Б. Дубровина.

12 мая в Воениздате состоялось вручение дипломов и наградных знаков.

Торжественную церемонию открыл начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал армии А. А. Епишев. Лауреатов поздравили также председатель Комитета по печати при Совете Министров СССР Б. И. Стукалин, секретарь правления Союза писателей РСФСР М. Алексеев и начальник управления Воениздата генерал-лейтенант авиации А. И. Копытин.

Со словами благодарности от имени награжденных выступил М. Колесников.

ХРОНИКА

На 41 языке народов СССР издавались книги чехословацких писателей в нашей стране за годы Советской власти. Произведения Ю. Фучика, Я. Неруды, Б. Немцовой, А. Ираска, Я. Гашека, К. Чапека, М. Пуймановой, М. Майеровой пользуются у нас большой популярностью.

На днях в Комитете по печати при Совете Министров СССР открылась декада книги Чехословацкой Социалистической Республики, приуроченная к 27-й годовщине освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков и второй годовщине Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ЧССР. На открытии выступили председатель комитета Б. Стукалин и посол ЧССР в Советском Союзе Я. Гавелка.

Декада книги Чехословакии пройдет во многих городах.

■

Стали известны имена лауреатов Государственной премии Азербайджанской ССР 1972 года в области литературы, искусства и архитектуры. В их числе — известный азербайджанский писатель Ильяс Эфендиев. Он удостоен награды за пьесу «Песня осталась в горах», поставленную в Театре имени М. Азизбекова.

Александр Евдокимович КОРНЕЙЧУК

14 мая 1972 года после тяжелой продолжительной болезни умер Александр Евдокимович Корнейчук. Наша партия и Родина потеряли своего верного сына, выдающегося художника, чей яркий талант и кипучая энергия были беззаветно отданы строительству коммунистического общества, благородному делу укрепления мира между народами.

Александр Евдокимович Корнейчук родился 25 мая 1905 года в поселке Христиновка Черкасской области в семье железнодорожника.

Рабочий ремонтных мастерских, Александр Евдокимович по комсомольской путевке с 1923 года учится на рабфаке, в 1929 году заканчивает литературный факультет Киевского института народного образования.

В том же году Киевский театр рабочей молодежи ставит первое произведение молодого автора «На грани». С тех пор вся жизнь писателя была неразрывно связана с драматургией. В период первых пятилеток он выступает с пьесами «Гибель эскадры», «Платон Кречет», «Правда», «Богдан Хмельницкий», «В степях Украины», которые вошли в золотой фонд многонационального советского искусства.

Во время Великой Отечественной войны А. Е. Корнейчук был в Советской Армии на партийно-политической работе. Созданные им в эти годы пьесы «Фронт» — смелое, новаторское, ставшее всемирно известным произведением о войне, — «Партизаны в степях Украины» ярко раскрывали героический подвиг советского народа в борьбе с фашизмом.

Широкое признание получили его послевоенные пьесы: «Приезжайте в Звонковое», «Макар Дубрава», «Калиновая роща», «Страница дневника», «Мои друзья», «Память сердца». Они пользуются горячей любовью у советских зрителей, поставлены на сценах театров многих стран мира. Его перу принадлежит ряд киносценариев, критических и публицистических работ.

В произведениях Александра Корнейчука самобытно и ярко воплотились непоколебимый дух, величие и красота строителей новой жизни, отображены славные страницы летописи деяний и подвигов наших современников.

Страстное, глубоко партийное, неразрывно связанное с народной жизнью творчество Александра Корнейчука явилось крупным вкладом в развитие литературы социалистического реализма.

Для писателя-коммуниста Александра Евдокимовича Корнейчука напряженная творческая работа была всегда неотделима от большой общественно-политической деятельности. На протяжении многих лет он был председателем правления Союза писателей Украины и секретарем правления Союза писателей СССР.

В 1943—1944 годах А. Е. Корнейчук — заместитель народного комиссара иностранных дел СССР и народный комиссар иностранных дел УССР. В 1944—45 годах он назначается председателем Комитета по делам искусств при Совете Народных Комиссаров УССР, в 1953—54 годах — первым заместителем Председателя Совета Министров УССР.

Александр Евдокимович Корнейчук на XIX, XX, XXII, XXIII и XXIV съездах партии избирается членом Центрального Комитета КПСС, а на XVI, XVII, XVIII, XXI, XXII, XXIII и XXIV съездах КП Украины — членом ЦК КП Украины, в 1953—54 годах — членом Президиума ЦК КП Украины.

А. Е. Корнейчук был депутатом Верховного Совета СССР и Верховного Совета УССР всех созывов. С 1967 года и до последних дней своей жизни он был Председателем Верховного Совета УССР.

Являясь заместителем председателя Советского комитета защиты мира и членом президиума Всемирного Совета Мира, А. Е. Корнейчук принимал активное участие в международном движении борьбы за мир.

А. Е. Корнейчук был избран действительным членом Академии наук СССР и Академии наук УССР.

За выдающиеся заслуги перед Родиной Александру Евдокимовичу Корнейчуку присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. Он награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени, Красной Звезды, многими медалями. Он удостоен международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», пяти Государственных премий СССР и Государственной премии УССР имени Т. Г. Шевченко.

От нас ушел пламенный коммунист, неповторимый художник, писатель-гуманист, один из создателей нового, социалистического искусства, неутомимый борец за мир и прогресс во всем мире, человек большой, щедрой души.

Имя Александра Евдокимовича Корнейчука, его светлый образ навсегда останутся в памяти советских людей.

Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, Д. А. Кунаев, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, П. Е. Шелест, В. В. Щербицкий, Ю. В. Андропов, П. Н. Демичев, П. М. Машеров, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Б. Н. Пономарев, Г. Ф. Сизов, А. П. Ляшко, И. К. Лутак, М. П. Георгадзе, Е. А. Фурцева, В. Ф. Шауро, А. А. Епишев, М. В. Келдыш, Е. М. Тяжельников, А. А. Титаренко, Н. Т. Кальченко, А. Ф. Ватченко, Г. И. Ващенко, В. И. Дегтярев, Н. М. Борисенко, Ф. Д. Овчаренко, Я. П. Погребняк, В. А. Сологуб, И. С. Грушецкий, С. Е. Стеценко, П. Т. Тронько, П. М. Федченко, В. М. Цыбулько, А. П. Ботвин, Г. Г. Абашидзе, А. Т. Алимжанов, Т. Аскаров, Н. П. Бажан, А. П. Беляускас, В. Э. Бэкман, П. П. Боцу, А. Т. Гончар, М. А. Ибрагимов, Г. М. Марков, В. П. Козаченко, Л. М. Леонов, С. В. Михалков, С. С. Наровчатов, Л. И. Новиченко, А. Д. Салынский, К. М. Симонов, М. Танк, Ю. К. Смолич, А. А. Сурков, И. С. Тихонов, Э. С. Топчян, М. Турсун-заде, К. А. Федин, А. Б. Чаковский, М. А. Шолохов, Р. М. Эсенов, А. И. Янсонс, К. Яшен, Л. А. Кулиджанов, Н. А. Пономарев, Н. В. Попова, Т. Н. Хренников, М. И. Царев, А. Н. Гиренко, Ю. Н. Ельченко, Б. Е. Патон, И. М. Ужвий, А. В. Головко, Ю. О. Збанацкий, И. Л. Ле, П. И. Панч, И. С. Рыбак, М. А. Стельмах.

Правление Союза писателей СССР с глубоким прискорбием извещает о смерти выдающегося советского драматурга, члена ЦК КПСС, депутата Верховного Совета СССР, Председателя Верховного Совета Украинской ССР, заместителя председателя Советского комитета защиты мира, секретаря правления Союза писателей СССР, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», лауреата Государственных премий СССР, Героя Социалистического Труда, академика

Александра Евдокимовича КОРНЕЙЧУКА,

последовавшей 14 мая после тяжелой и продолжительной болезни, и выражает соболезнования семье покойного.

СОХРАНИТСЯ В НАШИХ СЕРДЦАХ НАВСЕГДА

Сегодня мы склоняем головы в глубокой печали.

Александр Корнейчук был выдающимся сыном нашего великого столетия. Он явился среди блестящего созвездия многочисленных талантов родной Украины, и годы революционного расцвета дали силу и блеск его многостороннему дарованию.

В его лице мы имели талантливейшего мастера советской драматургии, крупного государственного и общественного деятеля, славного борца за мир, большого гражданина нашей Советской Родины, доброго, отзывчивого человека, настоящего советского гуманиста, верного боевого товарища, испытанного друга.

Долгие годы он, до самого конца своей жизни, был в передовом ряду создателей советской драматургии, ее силой и гордостью. Иные его пьесы, как, например, «Фронт», приобрели особое, всенародное звучание. Он был широко известен и популярен.

Мы слышали его вдохновенное слово во времена, полные драматических событий, переживаемых советским народом, и это было слово писателя-коммуниста, боевое слово, находившее живой отклик в народном сердце.

Мы знали его долгие годы на широком фронте борьбы за мир. Начиная с Вроцлава, с Всемирного конгресса в Париже, где было провозглашено это историческое международное движение, Корнейчук стоял десятилетия рядом с такими выдающимися борцами за мир, как незабвенный Фредерик Жолио-Кюри и профессор Бернал. Он был членом Президиума Всемирного Совета Мира.

Его неутомимая блестящая работа была достойным образом оценена. Он был лауреатом международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», он имел Золотую медаль мира имени Жолио-Кюри, был заместителем председателя Советского комитета защиты мира. На всех мировых конгрессах и конференциях звучал его убедительный голос...

Его жизненный вклад велик. Во многих областях советской культуры он оставил глубокий памятный след.

Он был смелым человеком, участником Великой Отечественной войны, был добрым товарищем. Он очень ценил настоящую дружбу, и у него были большие друзья во всех республиках и краях Советского Союза.

Его многочисленные поездки в близкие и далекие страны в интересах защиты мира приобрели ему много друзей среди выдающихся представителей общественности, искусства, литературы, среди простых людей — сторонников мира разных народов.

Память о нем останется навсегда в сердцах людей доброй воли.

Смерть Александра Евдокимовича Корнейчука — большая, горестная потеря для всей советской культуры, для дела борьбы за мир.

Светлая память о нем всегда будет жить в нашем сердце!

Николай ТИХОНОВ

ПРОЩАЙ, ДРУГ

Телефонный звонок, как тяжелый удар, обрушился на меня. Умер Александр Корнейчук, большой писатель, друг многих советских литераторов, большой мой друг. Мы с ним одногодки. Через несколько дней собирался я поздравить его с днем рождения. А его уже не стало...

Я знаю Александра Корнейчука — чудесного драматурга, политического и общественного деятеля, с молодых лет, с начала его творческого пути. Помню Александра Евдокимовича и в годы Великой Отечественной войны. Мы часто встречались в той тяжелой, тревожной обстановке, и я всегда восхищался его мужеством, его целеустремленностью.

Для нас, людей одного поколения, Корнейчук — наш дорогой Саша, наш товарищ, который каждому приходил на помощь, всегда мог дать хороший совет.

Еще в начале 30-х годов он проявил себя как молодой, талантливый драматург, и с тех пор его пьесы, проникнутые чарующим юмором, огромным жизнеутверждающим оптимизмом и убежденностью, триумфально шествуют по всему Советскому Союзу и далеко за рубежами нашей Родины.

Яркие, запоминающиеся, самобытные, как будто выхваченные из самой жизни герои населяют его произведения. «У жизни... нужно учиться, но учиться не просто, а быть политиком, ощущать те проблемы, которые стоят перед народом», — не уставал повторять Корнейчук. Обращаясь к актуальным, животрепещущим вопросам современности, он ранее других умел подметить тенденции, которые только еще зарождались в нашей жизни.

Александр Корнейчук был большим другом наших корифеев—Янки Купалы и Якуба Коласа. Вместе с Павлом Тычиной, Максимом Рыльским и всеми лучшими украинскими писателями он горячо любим нашим народом. Начиная с 30-х годов все его пьесы шли и идут с большим успехом в лучших театрах Белоруссии.

Многое мне хотелось бы сказать о незабвенном Александре Евдокимовиче, да трудно, когда слезы застилают глаза. Не хочется верить, но ведь правда — суровая правда...

Прощай, дорогой и любимый друг! Мы никогда не забудем тебя!

Петрусь БРОВКА

МУЖЕСТВЕННЫЙ БОРЕЦ ЗА МИР

Я знал Александра Корнейчука по совместной работе во Всемирном Совете Мира. Его голос всегда был слышен на наших заседаниях и конгрессах. И мы чувствовали, что этот мужественный, преданный общему делу человек говорит от имени всего советского народа.

Кончина Александра Корнейчука — не только невосполнимая утрата для движения борцов за мир, но и личная трагедия для каждого из нас. Он был верным другом, умным наставником. И теперь я вспоминаю с теплотой те минуты, когда мне доводилось работать вместе с ним. Последний раз я видел его на Ассамблее Всемирного Совета Мира в Будапеште. Он привез добрые вести — в своей речи говорил о программе мира, принятой на XXIV съезде КПСС.

Когда мне предложили почетную миссию — пост генерального секретаря Всемирного Совета Мира, я колебался. И именно Александр Корнейчук убедил меня отказаться от своих планов ради общего дела. В самые трудные минуты он всегда приходил мне на помощь. Он отдавал свои силы делу мира и прогресса.

Среди моих соотечественников у Александра Корнейчука было много преданных друзей. Болезнь помешала ему приехать в Индию, но его книги будут всегда любимы у меня на родине. Они помогут сберечь благодарную память об этом талантливом писателе, мужественном борце за мир, прекрасном человеке. И не только моим соотечественникам. Но многим, многим людям...

Ромеш ЧАНДРА,
генеральный секретарь Всемирного Совета Мира

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ЛЮДЯМ

Так уж случилось, что с Александром Евдокимовичем Корнейчуком свиделись мы впервые за рубежом, на Вроцлавском конгрессе защитников мира. Впрочем, «свиделись» — не то слово. Узнал я впервые Корнейчука-человека во Вроцлаве, узнал и полюбил... И опять скорбь не дает подобрать нужное слово. Не только Корнейчука-человека, но Корнейчука — общественного деятеля, борца за мир на нашей планете.

Почему-то мне вспомнились встречи с Александром Евдокимовичем именно на конгрессах борцов за мир. Может быть, потому, что именно на этих международных форумах ярче всего проявились его темперамент коммуниста, его закалка рабочего и сына рабочего. Им руководило сознание первостепенной важности дела, которому он служил всю жизнь — за писательским столом, в своей партийной и общественной деятельности.

В последние наши встречи Александр Евдокимович несколько раз задавал один и тот же вопрос: «Не правда ли, Мирзо, мы неплохо прожили свою жизнь?»

Я, грешным делом, отмалчивался, — дескать, какие наши годы, успеем еще подвести итоги. Этот вопрос отдается сейчас у меня болью в висках...

Неплохо? Не то слово, Александр Евдокимович! Твоя яркая жизнь достойна коммуниста: тебя не однажды избирали членом ЦК КПСС и членом ЦК Компартии Украины. Достойна государственного деятеля, которого народ называл своим депутатом в Верховный Совет СССР восьми созывов подряд с самого первого. Достойна общественного деятеля международного масштаба, члена президиума Всемирного Совета Мира. И наконец, твоя жизнь достойна писателя, чьи выдающиеся произведения вошли в золотой фонд многонациональной советской драматургии наравне с «Оптимистической трагедией» Вишневского и «Любовью Яровой» Тренева, достойна звания Человека на земле, человека среди людей и для людей...

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

ОН БЫЛ НАСТОЯЩИМ КОММУНИСТОМ

Невыразимо тяжко сознавать, что ушел из жизни такой жизнелюбивый человек. Я пишу это, еще не придя в себя от потрясшего всех нас известия. Мы знали, что неизлечимая болезнь смертельной угрозой нависла над ним. И все равно эта смерть явилась неожиданностью — хотелось верить в чудо...

Совсем молодым человеком пришел Александр Корнейчук в молодую советскую литературу. Я хорошо помню первые шаги Сашка Корнейчука, сразу выдвинувшие его в число самых видных советских драматургов. Не одно десятилетие Александр Евдокимович являлся достойным представителем советской литературы — высокоидейной, партийной, народной, отображающей человека нового, социалистического общества.

Лучшие пьесы Александра Корнейчука вошли в золотой фонд советской драматургии, и многие театры страны обязаны ему своими художественными успехами. Пьесы его всегда были актуальными в лучшем смысле этого слова, и никогда не были одноплановыми. Они отражали сложные процессы становления характера нашего современника, отличались высоким социальным звучанием. Быть может, секрет этой острой социальной значимости его произведений следует искать в той огромной, поистине неутомимой общественной и государственной деятельности, которую он всю жизнь так счастливо умел сочетать с творческой работой. Я не помню какого-либо периода в жизни Александра Евдокимовича, когда он занимался бы только чисто литературными делами. Нет, творческая и общественная работа переплеталась у него теснейшим образом, взаимно дополняя и обогащая друг друга.

Талантливый писатель, он был настоящим коммунистом, активным борцом за мир, человеком, для которого смысл всей жизни заключался в верном служении идеям коммунизма.

Таким он и останется в нашей памяти.

Юрий СМОЛИЧ

ПИСАТЕЛЬ, ПАТРИОТ, ГРАЖДАНИН

Нет слов, чтобы выразить скорбь, которую вызвало у меня и моих товарищей по перу, азербайджанских писателей, известие о смерти нашего общего учителя, выдающегося писателя современности, крупного деятеля партии и государства Александра Евдокимовича Корнейчука. Это невосполнимая потеря для всей нашей многонациональной литературы, всей советской драматургии.

С тех давних пор, когда «Гибель эскадры» и «Платон Кречет» впервые начали свой долгий и триумфальный путь по сценическим подмосткам, образ их автора, тогда еще совсем молодого Корнейчука, навсегда запал в мое сердце, как образ творца человеческой красоты. Да он и сам был красив, как может быть красив человек и писатель с большой буквы, художник глубокого и широкого дарования. Он был могуч, как может быть могуч человек страстного партийного убеждения, который жаром своих эстетических воззрений, подвижническим трудом всю жизнь не уставал принимать сердцем и вдохновенно воспевать наш невиданный новый мир. И делал он это всегда с чувством радости за свой народ, с чувством гордости за свою партию, образ создателя и учителя которой — В. И. Ленина он одним из первых воссоздал в украинской литературе. Именно этой радостью, этой гордостью, как и большевистской нетерпимостью к недостаткам, и, уж конечно, непередаваемым, глубоконациональным корнейчуковским юмором, улыбкой он полновластно входил в душевный мир миллионов читателей и зрителей. Входил в часы самых больших побед и самых больших испытаний, принося с собой то, что делало читателя и зрителя сильнее, мужественнее, добрее.

«Мы были, есть и будем оптимистами», — говорил он постоянно на собраниях литераторов, имея в виду в первую очередь оптимизм нашего социального строя и рожденной им литературы. И еще он говорил так: «На нас лежит великая миссия воспеть нашего трудолюбивого человека во всей драгоценной россыпи его духовных богатств... Трех жизней не хватит, чтобы со всей полнотой отобразить сегодняшнюю жизнь вокруг нас!». Корнейчук прожил мало, но больше, чем три писательские жизни.

Имран КАСУМОВ

ТЯЖКАЯ УТРАТА

Смерть, увы, неотвратима и не заботится о том, чтобы предупредить нас о надвигающейся беде. Горше того, жизнь бойца, как правило, обрывается внезапно. Александр же Корнейчук был настоящим бойцом и никогда не покидал боевых рубежей в неутихающей битве двух противоборствующих миров. В борьбе этой он отдал всю страсть горячего своего сердца, всю силу прекрасного дарования. У него была мягкая, добрая улыбка, но она предназначалась нам, его товарищам по оружию. При встрече с неприятелем взгляд его ожесточался — писатель готов был принять бой и принимал его.

Тяжко от мысли, что никогда уж более не услышать его, не почувствовать на своей руке его руки.

Утешением может служить разве лишь то, что могучая драматургия А. Корнейчука остается с нами и с теми, кто придет в эту жизнь нам на смену. Бойцы коммунистического фронта навечно зачислят его в списки своих интернациональных бригад, а милые его сердцу дети Украины долго еще будут слышать дивный голос своего вдохновенного певца.

Михаил АЛЕКСЕЕВ

ВЫДАЮЩИЙСЯ ХУДОЖНИК

Александр Корнейчук — писатель жизнерадостный, жизнелюбивый, жизнеутверждающий... Произведения его лучисты, солнечны. В их оптимизме — наша социалистическая эпоха, несгибаемый дух нашего героического народа, непоколебимая вера в торжество высоких ленинских идеалов. В творчестве Александра Корнейчука многогранно и ярко отражены исторические судьбы и духовный облик украинского народа. Произведения выдающегося художника слова, глубоко партийные по своей проблематике и идейной направленности, обогатили всю советскую литературу.

В литературном творчестве и общественной деятельности А. Е. Корнейчук всегда был пламенным борцом, и вне борьбы его невозможно представить, как невозможно представить его без улыбки, теплого остроумного слова и искренней любви к людям, ко всему прекрасному в жизни. И потому, слово «был» по отношению к нему представляется совсем невероятным.

Александр Корнейчук всегда в делении, в водовороте жизни. И вот — ошеломляющее известие...

Советская Украина, вся необъятная Советская страна прощается с крупнейшим драматургом, одним из лучших сыновей своих, который любовно вплел в венок ее славы прекрасный и неувядаемый цветок своего могучего творчества. В последний путь мысленно провожают своего любимого писателя, драматурга читатели и зрители во всех уголках нашей Родины...

Но великие идеи дружбы и единства народов в борьбе за мир и социализм, светлые идеи революционного социалистического гуманизма, которые были жизненной сердцевиной его большого и самобытного таланта, всей его многогранной деятельности, будут жить вечно.

Александр ЛЕВАДА

ЩЕДРОСТЬ ТАЛАНТА

Ушел из жизни талантливый советский драматург, крупный общественный деятель, человек редкой одаренности Александр Евдокимович Корнейчук. Известие о его смерти потрясло меня.

Последние десять лет я был тесно связан с А. Е. Корнейчуком подлинной творческой дружбой: он передал мне как режиссеру три свои последние пьесы. Прославленное имя Корнейчука знал я и раньше. Вспоминаются годы Великой Отечественной войны, когда мой отец Рубен Николаевич Симонов ставил пьесу «Фронт», печатавшуюся на страницах «Правды» как партийный документ. Вахтанговцы старались найти строгую форму спектакля, чтобы ни одно слово автора не пропало. Высокий патриотизм Александра Евдокимовича, его гражданская целеустремленность прозвучали в спектакле в полную силу. Театр ставил спектакль с беспредельной верой в победу над гитлеровскими захватчиками, темпераментная мысль и слово Корнейчука выражали в этом произведении думы и чаяния всего советского народа.

Многие московские театры называют Александра Евдокимовича своим драматургом. И это действительно так. Мы знаем, какое большое значение имела для Московского Художественного театра постановка пьесы «Платон Кречет» с Борисом Добронравовым в центральной роли; пьеса, написанная молодым Корнейчуком, не стареет с годами, и проблемы, поднятые автором, по-прежнему волнуют зрительный зал. Я это воочию наблюдал на спектакле в Театре на Малой Бронной.

Артисты Малого театра превосходно играли пьесы Александра Евдокимовича. Мне посчастливилось осуществить на сцене этого старейшего русского театра пьесу «Страница дневника» с Михаилом Жаровым в роли Иллариона Грозы. Корнейчук принимал непосредственное участие в работе...

В истории вахтанговского театра роль А. Корнейчука чрезвычайно велика. Это и спектакль «Фронт», и «Макар Дубрава», и «Приезжайте в Звонковое». Александр Евдокимович передал вахтанговцам и свою прекрасную пьесу «Память сердца», произведение глубоко человечное и доброе.

25 мая мы будем играть сотое представление последней пьесы А. Корнейчука «Память сердца». Неделю назад вахтанговцы послали Александру Евдокимовичу письмо, поздравляя его с юбилейным спектаклем.

Выдающаяся роль А. Корнейчука в истории и становлении советской драматургии будет по достоинству оценена в будущих книгах о нем. Но и сейчас уже очевидно, что талантливые, ясные и воистину патриотические пьесы Александра Евдокимовича будут долгие и долгие годы жить на сценах советских театров.

Евгений СИМОНОВ

Б. ГОНЧАРОВ, Л. ТИМОФЕЕВ

ОБОГАЩЕНИЕ ИЛИ ОБЕДНЕНИЕ?

К СПОРАМ О СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ПРИРОДЕ СТИХА

«ВСЯКИЙ талант неизъяснимо, — писал Пушкин в «Египетских ночах». — Каким образом ваятель в куске каррарского мрамора видит сокрытого Юпитера, и выводит его на свет, резцом и молотом раздробляя его оболочку? Почему мысль из головы поэта выходит уже вооруженная четырьмя рифмами размеренная стройными однообразными стопами?»

Сколько-нибудь общепринятые ответы на эти вопросы не найдены до сих пор.

В последнее время весьма решительно заявляет о себе стремление найти ключ к решению проблемы содержательной формы в поисках самостоятельной смысловой значимости отдельных элементов стихотворной речи. «Стиховое построение, — считает, например, М. Гиршман, — ...само предстает как материализованное, опредмеченное содержание и обладает специфической значимостью и смысло-выразительными функциями» («Стих и смысл или стих как смысл?», «Вопросы литературы», № 6, 1971). Некоторые исследователи говорят об изобразительном значении синтаксических форм, об автономном художественном смысле расстановки ударных гласных в стихотворении.

Правда, Пушкин иначе представлял себе пути ответа на свой вопрос. Он писал о «том благодатном расположении духа, когда мечтания явственно рисуются перед вами, и вы обретаете живые, неожиданные слова для воплощения видений ваших, когда стихи легко ложатся под перо ваше, и звучные рифмы бегут навстречу стройной мысли».

Но наука идет вперед, и, может статься, рассматривая стих как «опредмеченное содержание», мы и в самом деле обогатим свое представление о художественном творчестве?

В книге «Анализ поэтического текста» (издательство «Просвещение», Л., 1972) Ю. Лотман в стихотворении А. Блока «Анне Ахматовой» стремится определить художественный смысл расстановки ударных гласных. По его мнению, в этом стихотворении «ударное «а» прошивает, как нитью, ряд слов, образуя цепочку понятий». При этом Ю. Лотман замечает: «надо было бы сопоставить эти данные с соответствующими статистическими показателями по *всей* (курсив не наш. — Б. Г. и Л. Т.) лирике Блока (таких подсчетов пока не имеется) и со средними статистическими данными распределения гласных в русской непоэтической речи». Если следовать логике исследователя, то надо было бы еще добавить такие же данные по всей лирике других поэтов, иначе мы не сумеем определить индивидуальные черты именно Блока в расстановке ударных гласных.

Задача, как видим, грандиозная. Но дело даже не в ней. Ведь есть еще художественная проза. Не понадобится ли нам просчитать «Войну и мир» с точки зрения расстановки ударных гласных в авторской речи или, скажем, в речи Наташи Ростовой?

Конечно, нам скажут, что *проза — не стих, и это верно*. «В прозе словесная форма, — считал Б. Томашевский, — не является в такой степени ощутимой материальной сущностью искусства, как в поэзии. В поэзии же ощутима самая плоть слова, и она-то и служит материалом искусства» («Стих и язык», издательство «Художественная литература», М.—Л., 1959).

Не забывая о специфических законах стиха, отличающих его от прозы, мы тем не менее выступаем, во-первых, против абсолютизации его звуковых особенностей, когда стих изымается из системы художественной литературы в целом, и, во-вторых, против искусственного навязывания любому мельчайшему элементу стиха «смысло-выразительных функций», особого значения, отвлеченного от общей направленности поэтического произведения.

Да и так ли уж непереходима грань, разделяющая стих и прозу в отношении к слову? Вспомним о пословицах и поговорках в народной речи, о том, как легко сочетаются в пределах одного произведения стих и проза у Пушкина в «Послании к Дельвигу», у Державина в описании потемкинского праздника или в «Двойной жизни» К. Павловой, какую роль играет проза в «Возмездии» Блока, как размышлял Лермонтов о том, выбрать ли стих или прозу, начиная работать над «Демоном», обратимся к такой переходной форме, как «Стихотворение в прозе» Тургенева, или к современной лирической прозе, или к свободному стиху, чтобы понять, что вопрос о судьбе слова в стихе и в прозе не может быть решен *однозначно*.

И опять-таки главное еще не в этом. Все было бы очень просто, если бы поэт мог заново создавать язык для каждого своего стихотворения. Тогда он мог бы прошивать текст нужными ему гласными во всех направлениях. Но, как и в прозе, поэт имеет дело со словами, уже данными ему языком, и он не может менять их звукового состава. Более того, слово — не только звуковое явление, и выбор его может быть определен не метрическими или фонетическими соображениями. Пушкин в строке «И ты доволен им, божественный художник» последовательно заменяет эпитет «божественный» на «увенчанный», «разборчивый» и, наконец, на «взыскательный», переставляя при этом слова в начале строки («Ты им доволен ли»). Метрика тут не меняется, а то, что в строке появилось два «ы», не требует обращения к статистике (сколько «ы» в русской непоэтической речи?), поскольку перестройка строки Пушкиным определялась явно не звуковыми соображениями.

В письме к П. Вяземскому (14. VIII.1825) Пушкин советовал ему изменить строку «Сердитой влаги властелин» (о водопаде): «Вла Вла звуки музыкальные, но можно ли, напр., сказать о молнии **властительница небесного огня**? Водопад сам состоит из влаги, как молния сама огонь. Перемени как-нибудь, валяй его с каких-нибудь стремнин, вершин и тому подобное». Это пишет **поэт о поэзии**, хотя, по словам Е. Эткинда, переносить «на стихи привычки, усвоенные при чтении прозы», — нелепость (Е. Эткинд, «Разговор о стихах», издательство «Детская литература», М., 1970).

Не только звук и не только метр «опредмечивают содержание». Это легко наблюдать, анализируя черновые редакции художественных произведений, где ясно видно, чему поэт отдает предпочтение. В строке «Евгения Онегина» «И отвечает: Агафон», где грубоватое, прозаическое имя явно комически контрастирует с романтическими чувствами гадающей о суженом девушки, Пушкин перебирает аналогичные имена — Харитон, Мирон, Парамон, не обращая внимания на то, что их прошивает, так же как в черновике сна Татьяны он перебирает в строке «Там ворон в голубой ливрее» и петухов, и крыс и суетливого ежа, не заботясь о гласных. Здесь звуковые повторы не были в центре его внимания. А вот когда мы читаем «Медный всадник» или «Евгений Онегин», мы сразу чувствуем их перезвон, здесь Пушкину нужен был звуковой курсив, и поэт к нему обращался, ничего, впрочем, не «опредмечивая». Слово многосторонне, и не может быть однозначного к нему подхода.

Рассматривать слово в стихе нельзя, не учитывая закономерностей, которые проявляются и в опыте других литературных жанров, присущих художественному слову в целом.

В драматургии, например, отчетливо видны те условия, которые влияют на выбор слова писателем. Оно неразрывно связано с персонажем, мотивировано его характером и движением этого характера, то есть теми сюжетными ситуациями, которые на него воздействуют, определяя индивидуальный строй и своеобразие его речи (не говоря о крайностях типа «драматургии абсурда»). Своеобразие это чаще всего в основе своей связано с социальным или психологическим его складом, хотя и в речи персонажа мы обнаруживаем те или иные прошивающие ее повторы и т. п. Когда Аким во «Власти тьмы» Л. Толстого говорит: «Опять ты, значит, старуха, не таё, и все ты не таё, все, значит не таё», и далее: «Да что ж, уж, видно, таё, коли так, значит, видно, уж таё», а у Акулины мы заметим даже хорей: «Пес ты, дьявол, вот ты кто! Дьявол, пес, пес, дьявол!» — то нам не надо определять частотность «таё» или «пса» в русской драматургической или недраматургической речи: нам очевидна их роль в создании образа в данной конкретной обстановке, определившей характер их речи.

В прозе эта связь столь же очевидна. «Точка зрения персонажа, — говорил А. Толстой, — абсолютно необходимая вещь для писания... Когда вы пишете фразу, вы должны знать и сознавать совершенно ясно, кто это смотрит, чьи это глаза видят, потому что «вообще» писать невозможно». Персонаж выступает, говорит он далее, «с той именно расстановкой слов, с тем именно выбором слов, с той именно ритмикой, которые соответствуют... его душевному состоянию в данный момент». Язык персонажей включен в авторскую речь, за которой опять-таки стоит точка зрения, требующая определенного индивидуального строя, выбор которого в свою очередь — сложная художественная задача: хрестоматийный пример — «Преступление и наказание», где Достоевский заново переписал ряд начальных глав в поисках нужного «тона» повествования.

Во всем этом неисчислимом разнообразии речевых форм, в сложнейшем пересечении характеров и ситуаций, вызывающих к жизни все новые и новые стороны выразительности слова в данном художественном контексте во всех его оттенках, включая сюда и его звуковую ритмическую и грамматическую формы, — нам открывается разностороннее участие этого слова в создании органического единства содержания и формы художественного произведения.

Почему же, обращаясь к поэзии, мы должны пройти мимо всего ее художественно-словесного богатства, обнаруживающегося во взаимодействии всех сторон художественного творчества, и отыскивать смысл в таких частных оттенках слова, как расстановка ударных гласных или антитеза коротких и длинных предложений (передающая, по Ю. Лотману, «разобщенность вещного мира и единство одухотворенного»)? Придавая им непомерное смысловыразительное значение, отрывая от речи в целостном ее развитии, мы на самом деле крайне упрощаем и обедняем анализ.

Опыт прозы и драматургии важен и для анализа поэзии. В ней перед нами образ-переживание, состояние характера, в художественном воплощении которого участвуют и эстетическая концепция поэта, и его представление о человеке — носителе переживания, и жизненная ситуация, его формирующая, и речь, отвечающая ему своей структурой, как это происходит и в драме, и в прозе. «...Пришло бы место, где моя мысль потребовала бы больше сжатости, силы, законченности, и вышли бы стихи...» — заметил Л. Толстой. И в этих словах и проведена грань между стихом и прозой и в то же время показана их внутренняя связь, их единство в отношении к слову.

В поэме Маяковского «Облако в штанах» лирический герой страстно ненавидит существующий общественный строй, который лишает его всего дорогого в жизни, отнимая даже любимую. Смятение и отчаяние лирического героя воплощены в отвечающем им строе речи — в слове, в интонации, в звуке, в рифме, во всей их неразрывной связи:

Глаза наслезненные
бочками выкачу.
Дайте о ребра опереться.
Выскочу! Выскочу!
Выскочу! Выскочу!
Рухнули.
Не выскочишь из сердца!

И дело не в том, что мы можем пересчитать здесь прошивающее эти строки семь раз повторенное «ы» и, сравнив со статистическими данными о встречаемости его в русской поэзии и в русском языке*, определить «опредмеченное» в нем содержание. На самом деле перед нами — целостное переживание, нашедшее в речевом гиперболизме адекватную себе форму, которую нельзя оторвать от нарастающей волны чувств героя, от жизненных ситуаций, ее вызвавших.

«Разменяв» это переживание на множество маленьких смыслов, извлекаемых якобы из отдельно взятых звуков, размеров или грамматических форм, мы попросту растратим содержание художественного произведения.

Поучительна в этом отношении попытка установить непосредственную связь стихотворного ритма и тематики, предпринятая американским исследователем К. Тарановским и встретившая поддержку некоторых наших теоретиков. Он указал на то обстоятельство, что размер пятистопного хорея часто сочетается с «глаголами движения» и «мотивом пути» («Выхожу один я на дорогу»), включая сюда и творчество Есенина, Блока и Маяковского, и выдвинул предположение о «синэстезической связи между ритмическим движением русского пятистопного хорея и ритмом человеческого шага».

Очевидны разительные натяжки этой теории. И «глаголы движения» и «мотив пути» легко найти во всех размерах стиха («Что ты жадно глядишь на дорогу», «Автомедоны наши бойки», «Наш путь — стрелой татарской древней воли пронзил нам грудь»), так же как и пятистопный хорей в «беспутных» стихотворениях («Не жалею, не зову, не плачу»). «Мотив пути» широко представлен у Пушкина, а пятистопного хорея у него нет ни одного. Если бы действительно существовала связь размера и ритма, то она не могла бы проявиться только применительно к пятистопному хорею и «мотиву пути», а обнаружила бы себя и в других размерах, и в связи с другими мотивами. Однако примеров этого до сих пор не обнаружено, так как найти связь между небольшим числом размеров и бесконечным разнообразием мотивов, конечно, невозможно, так что самая постановка вопроса о взаимоотношении размера и тематики совершенно неправомерна.

Конечно, произведение такого масштаба, как «Выхожу один я на дорогу», может вызвать в поэзии последующего времени длительные отклики (как в свое время, например, их вызвал «Евгений Онегин»), но это историко-литературное явление, которое не дает оснований для теоретических обобщений.

Дело, однако, не в этом. В этой теории перед нами опять-таки пример крайнего упрощения содержания художественного произведения. Почему ритм шага близок к ритму пятистопного хорея, скажем, строк «Словно я весенней гулкой ярью проскакал на розовом коне» (Есенин)?

Как можно общим, до предела расплывчатым понятием «мотива пути» объединять стихотворения о любви матери и сына (Есенин), о кипящих жизненных силах (Лермонтов) и о том, что «Выходила на берег Катюша»? Очевидно, что эта схема лишена реального содержания. И сам К. Тарановский усугубляет этот вывод, стремясь ко все большему расширению схемы и включая в «мотив пути» и поэму В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин», где он находит «путь международного пролетариата, путь русской революции, жизненный путь Ленина...». От старушки, выходящей на дорогу в старомодном ветхом шушуне, до пути международного пролетариата — дистанция поистине велика, для того чтобы можно было говорить о «смысло-выразительной функции» пятистопного хорея в русской поэзии.

Рассмотренные нами примеры анализа стиха как «сложно построенного смысла» убедительно свидетельствуют, что попытки найти эстетическую автономность и смысловую самостоятельность отдельных его сторон — звуковых, метрических, грамматических — подменяют анализ его целостного содержания рассмотрением частных и мнимых смыслов, мешают восприятию его как художественного целого и не могут положительно сказаться и на теории стиха, и на поэтической практике, не помогают решению задачи сближения теории стиха с наукой о литературе.

Современное состояние науки о литературе, переживающей процесс усвоения опыта, накопленного в ряде смежных научных областей, требует настойчивого поиска, неизбежных накладных расходов, проверки хотя бы и спорных, но еще не до конца изученных положений. Важно только, чтобы эти положения не принимались на веру, не абсолютизировались, не преподносились как бесспорные успехи. Вряд ли выиграет стиховедение, и литературоведение в целом, если во имя нередко спорных новаций мы станем отбрасывать то, что сохранило свое значение, отстоялось в научном опыте.

* Мы отнюдь не выступаем против подсчетов там, где они нужны.

Книги — дипломанты Всесоюзного конкурса по художественному оформлению и полиграфическому исполнению: Н. А. Некрасов, «Кому на Руси жить хорошо» (издательство «Детская литература»); Я. Райнис, «Вороненок» (издательство «Лиесма»); А. Твардовский, «Стихотворения. Поэмы» (издательство «Художественная литература»).

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

НЕ С ТОЙ СТОРОНЫ ЗАЕХАЛ...

«ПЛЫВУТ алые облака» — так называется произведение, напечатанное во втором номере журнала «Звезда» за 1972 год. Мы с интересом его прочитали. В нем встречаются довольно-таки занимательные места, содержится немалый познавательный материал.

Однако побудило меня взяться за перо не это. Не будем касаться в целом содержания и художественных достоинств этой публикации — пусть этим займутся критики. Нас затронуло другое. Автор очерка (а на мой взгляд, это произведение очеркового характера, хотя жанр его в журнале и не обозначен) Михаил Шургин был у нас в Мордовии и, судя по всему, рассказал в своих «Алых облаках» о некоторых впечатлениях от этой поездки. Оговорюсь: я не отождествляю героя этого произведения с автором. Но дело в том, что позиция героя, от лица которого ведется повествование, неотделима от позиции автора. Нигде ни словом, ни намеком автор не дает понять, что его собственное отношение к изображаемым явлениям иное.

Мы всегда радуемся, когда к нам едут литераторы. Общественность Мордовии тепло принимала у себя многих известных мастеров художественного слова — Леонида Соболева, Николая Рыленкова, Сергея Михалкова, Анатолия Софронова, Людмилу Татьяничеву, Сергея Баруздина и других. Все они на встречах с трудящимися республики, с жителями ее столицы с искренним восхищением, с сердечной откровенностью говорили о нашем обновленном крае, о его расцвете, о его богатствах.

Лауреат Ленинской премии известный поэт Александр Прокофьев в одну из своих поездок провел более месяца в тех местах, которые описал М. Шургин, и вдохновенно воспел наш край.

Мы находимся в творческой дружбе со многими писателями Москвы и Ленинграда. Плодотворно сотрудничают с нашими мордовскими литераторами Николай Богданов, Георгий Максимов, Николай Старшинов, Владимир Павлинов, Сергей Поделков, Павел Железнов, Николай Сидоренко, Семен Ботвинник. Благодаря их стараниям произведения мордовских писателей стали и становятся достоянием всесоюзного читателя. Совсем недавно, во втором номере журнала «Москва», например, в переводе Михаила Алексеева опубликован роман нашего писателя А. Мартынова «Дети своих отцов». Мы высоко ценим такое внимательное отношение к культуре, духовным ценностям нашего народа.

Но то, что написал о Мордовии М. Шургин, вызывает у нас удивление и чувство обиды.

Приезд своего героя на мордовскую землю автор описывает следующим образом: «В шесть утра вышел в Рузаевке из мягкого вагона экспресса «Свердловск — Москва». Было холодно, и вокзальный ресторан был закрыт. В Саранске, куда прибыл грязным рабочим поездом, тоже было холодно, и столовые тоже оказались закрытыми...»

Не ходят по территории Мордовии «грязные поезда». И давно уже. От Рузаевки до Саранска мы добираемся электричкой, а не «грязными поездами».

А пункты общественного питания не открываются в шесть часов утра не только в Саранске, но и в других городах, и я знаю, это не вызывает нареканий.

Жаль, что герой очерка, а вместе с ним и М. Шургин ничего другого не заметили в Саранске. Не следовало бы писателю спешить с выводами. Походил бы по городу, посмотрел на него, побывал в гостях у наших литераторов. Они бы о многом интересном рассказали. Столица Мордовии является одним из крупных экономических и культурных центров страны.

Писатели — народ наблюдательный. И при желании, находясь на железнодорожной станции Саранск, автор мог бы увидеть контейнеры с промышленными грузами, отправляемые из нашей столицы. На этих контейнерах можно прочесть интересные адреса отправления и пунктов назначения: «Саранск—Москва», «Саранск — Ленинград», «Саранск — Варшава», «Саранск — Прага», «Саранск — Будапешт»... Электрические приборы и осветительные лампы, экскаваторы и полупроводники, кабель и самосвалы, стальное литье и пенициллин — сколько разнообразной продукции выпускает наша промышленность!

В братском союзе с другими народами нашей многонациональной Родины мы добились значительных достижений и на культурном фронте. Одним из них является открытие в Саранске Мордовского государственного университета. Подумать только: в бывшем захолустье, на земле «инородцев» — университет! Более 17 тысяч учащихся — представителей самых различных национальностей нашей страны — обучаются в этом высшем учебном заведении, настойчиво овладевают знаниями. Здесь работают свои ученые — еще совсем молодые кандидаты наук и убеленные сединами профессора. В лабораториях университета, оснащенных новейшим оборудованием, делаются научные открытия, представляющие важное значение для народного хозяйства всей страны.

В Саранске есть картинная галерея, где выставлены работы всемирно известного скульптора, славного сына мордовского народа Степана Эрьзи.

Да мало ли в Саранске удивительного, достойного пера художника слова! Но герой М. Шургина прошелся по городу словно с закрытыми глазами.

Горько читать его слова: «Натощак тронулся в Ичалки. Старенький разболтанный автобус выбрался из негостеприимного города и взял курс на север...» Горько читать такое потому, что наш город гостеприимно встречает приезжих.

А вот как писатель рассказывает о прибытии своего героя в Ичалки: «Автобус остановился возле мрачной заиндевелой церкви, и вокруг расцвел ичалковский быт. Тут же, у остановки, две закутанные в шали бабы продавали из ивовых плетюх озябших, слабо повизгивавших поросят. На мордовках наверчено по три разноцветные шали, верхняя, самая большая, распущена, чтобы легче было объясняться с покупателями. Лица у баб красные.

Напротив церкви возвышалось старое-престарое, гнилое-прегнилое здание педагогического училища. «Немалым запасом оптимизма надо обладать, чтобы преподавать в нем», — подумал я».

Но это ли главное в облике районного центра? «Старое-престарое, гнилое-прегнилое...» К чему такие эпитеты? Ведь здесь же, в Ичалках, завершается строительство нового здания педагогического училища!

В тексте находим: «Ичалки — село хоть и районное, но глухое и старомодное». Да неправда же это! Современные Ичалки — крупный районный центр. Люди здесь живут в светлых и просторных домах, обставленных современной мебелью. Они имеют радиоприемники и телевизоры, личные библиотеки...

Ичалки — село сплошной грамотности. Из этих краев вышли наши выдающиеся деятели литературы и искусства: народный певец Н. М. Яушев, доктор филологических наук, профессор Мордовского госуниверситета В. В. Горбунов, заслуженный деятель искусств Мордовской АССР художник В. Д. Илюхин, писатели И. П. Кривошеев, Н. Н. Прончатов, И. Е. Шумилкин и другие.

В Ичалках построены прекрасные здания средней школы, Дома культуры, кинотеатра, больницы, сельскохозяйственного техникума, в котором готовят специалистов различных профилей для сельского хозяйства республики. Есть где проводить ичалковской молодежи и спортивные мероприятия: в ее распоряжении великолепнейший спортивный зал. В райцентре имеется богатая библиотека, построены хорошие магазины. По инициативе заслуженного работника культуры Мордовской АССР художника П. Ф. Рябова, земляка ичалковцев, в райцентре открыта картинная галерея.

На всю страну славится ордена «Знак Почета» Ичалковский конезавод. Развита в Ичалках и промышленность. Большим спросом у населения пользуется, например, продукция мебельной фабрики. К числу крупных предприятий республики можно отнести также Ичалковский лесокомбинат и маслозавод.

Ичалковские земли издавна славятся плодородием, дают высокие урожаи. В лучшие годы здесь снимают с гектара по 50 центнеров зерна. Имена многих ичалковских хлеборобов хорошо известны в республике. Расположенные при слиянии двух рек — Писары и Алатыря, здешние места восхищают человека редкой красотой. Сюда приезжают проводить свои отпуска люди из многих районов страны. Рядом с Ичалками в окружении могучих сосен на живописных полянах расположены многочисленные пионерские лагеря.

Через Ичалки проходит железная дорога, которая связывает их с Саранском, Горьким и другими крупными городами страны. Село связано с соседними райцентрами республики шоссейными дорогами.

Как же можно утверждать, что Ичалки — село глухое и старомодное?.. Да, еще услышишь в этом селе собачий лай и петушиное пение, о чем справедливо пишет писатель. Но ведь это село, а не район промышленного города. Да и не расценивают ичалковцы наличие петушиного племени как свидетельство старомодности и отсталости. В одном ичалковском совхозе-техникуме сейчас строится промышленный птицеводческий комплекс, который будет давать стране до трех миллионов яиц ежегодно. Как же тут без петухов и квочек?

Мордовия, как и другие братские автономные республики, в единой дружной семье народов нашей страны прошла славный путь развития. За успехи, достигнутые в области экономики и культуры, Мордовская АССР награждена орденом Ленина. Этот путь служит ярчайшим выражением всемирно-исторических побед ленинской национальной политики Коммунистической партии. Возрождение мордовского народа, его участие в строительстве новой, счастливой жизни — это результат победы Великой Октябрьской социалистической революции, убедительного воплощения ленинского учения о возможности перехода отсталых народов к социализму. Бывшая темная, забитая Мордовия сегодня превратилась в цветущий край и вместе со всеми братскими народами нашей Родины готовится как величайший исторический праздник отметить 50-летие образования СССР.

Уважаемый Михаил Алексеевич Шургин! Приезжайте к нам снова. Мы Вас отлично встретим, покажем все, что у нас есть, чего добился наш народ. Въезжайте в нашу столицу, в наши города и села смело, через главные, центральные ворота Жизни, пройдя через которые, Вы наверняка увидите обновленный мир, край социалистической нови. Будем считать, что Ваш герой заехал в нашу республику не с той стороны.

Н. ЧИНЯЕВ,
секретарь Мордовского обкома КПСС

САРАНСК

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

Й. К. АВИЖЮСУ — 50 лет

Литовскому писателю Й. К. Авижюсу исполнилось 50 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по литовской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Горячо поздравляем Вас, одного из мастеров литовской советской литературы, лауреата Республиканской государственной премии Литовской ССР, со славным пятидесятилетием!

Более четверти века возделываете Вы ниву родной словесности, верно служите литературному делу, теснейшими узами связаны с трудами и днями нашего народа.

Пахарь и солдат в битве с фашизмом, комсомольский работник и партийный журналист, Вы пришли в литературу в трудные годы борьбы литовского народа с буржуазными националистами и громко заявили о своей позиции первыми же появившимися в печати очерками.

Ваши рассказы и повести сыграли видную роль в становлении литовской советской прозы. На многие языки переведен Ваш прекрасный роман «Деревня на перепутье», где ярко и психологически убедительно изображается социалистическая новь литовского села, сложный процесс перестройки сельского хозяйства республики в середине 50-х годов. А совсем недавно мы с большим интересом и удовлетворением прочли в журнале «Дружба народов» Ваш новый роман «Потерянный кров» — волнующее повествование в судьбах народных на сложном повороте истории, в суровые годы Великой Отечественной войны. Роману этому, безусловно, суждена долгая и счастливая жизнь.

От души желаем Вам здоровья, успехов, новых славных свершений на благо родной советской литературы».

■

В литературу он пришел прямо с фронта, как только смолкла канонада Великой Отечественной войны. В республике происходила жестокая классовая борьба, и восстановлению звали сожженные, разрушенные города, деревня прокладывала новые пути — создавались первые колхозы. И Йонас Авижюс снова объявил себя мобилизованным. Он пешком исходил всю нашу Литву, беседовал с тысячами ее жителей, наблюдал, осмысливал, вслушивался в пульс жизни. Так рождалась первая книга его очерков и рассказов с названием, полным глубокого смысла, — «Первые борозды». С тех пор прошло четверть века, и за все эти годы писатель не успел еще почувствовать, что такое демобилизационное настроение, отдыш и более или менее продолжительный перерыв в творческом процессе.

Крупные повести «Наследство», «Честь», книги рассказов и очерков «Освобождение», «Люди и события», «Буткус Мститель», «Человек остается человеком», «Река и берега», романы «Стеклянная гора», «Деревня на перепутье» — это целая панорама жизни, которой Литовская республика жила в последнюю четверть века. Борьба крестьян с кулачеством и буржуазными националистами, рожденные в огне битв первые колхозы, формирование коммунистической морали, осмысленность, самоотверженность коллективного труда — вот основные темы творчества Йонаса Авижюса. И все это документировано с завидным знанием жизни, выражено посредством точных и глубоких характеристик действующих лиц, наполнено сочными красками.

Радует и приятно удивляет стремительный рост мастерства писателя. От первых репортерских заметок до зрелого эпического повествования, от небольших очерков до многопланового романа — вот путь, который прошел писатель благодаря своему таланту, благодаря настойчивому труду, беспокойным поискам. Новый (пока!) роман «Потерянный кров» свидетельствует, что его автор — мастер прозы, которому по плечу глубокая философская мысль, широкие обобщения.

Одна из самых характерных черт его творчества — современность, тонкое ощущение пульса жизни. Вот почему и в произведениях на современную тематику, и в романе «Стеклянная гора», повествующем о Литве времен господства буржуазии, и в «Потерянном крове», рассказывающем о годах гитлеровской оккупации, проблемы, поднимаемые Й. Авижюсом, всегда перекликаются с сегодняшним днем, звучат актуально, волнующе.

Свое пятидесятилетие писатель встречает полный творческих сил, новых замыслов и планов. От всего сердца пожелаем Йонасу Авижюсу попутного ветра, больших успехов, долгих плодотворных лет, неустанных поисков и драгоценных находок.

Юозас БАЛТУШИС

ВИЛЬНЮС

***

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ВЕРНОСТЬ ТРАДИЦИЯМ

К 50-летию ЖУРНАЛА «КАЗАН УТЛАРЫ»

ШЕЛ 1922 год. Молодая Республика Советов переживала тяжелые дни экономической разрухи, залечивала раны, нанесенные ей и первую мировую и гражданскую войны. Но даже в таких трудных условиях Коммунистическая партия уделяла самое серьезное внимание вопросам издания газет и журналов

По инициативе выдающегося писателя, революционера и общественного деятеля Галимджана Ибрагимова в Казани с мая начинает выходить на татарском языке литературно-художественный и общественно-политический журнал «Безнен юл» («Наш путь»).

На страницах молодого печатного органа стали активно сотрудничать передовые деятели искусства, науки и литературы, сыгравшие важную роль в становлении социалистической культуры Татарии, — Г. Ибрагимов, М. Файзи, Ш. Камал, Ф. Амирхан, Ф. Сайфи-Казанлы, Ф. Бурнаш, К. Тинчурин, Н. Исанбет, Г. Сагди и другие.

Беззаветный пример старшего поколения, с восторгом встретившего Великий Октябрь, отдавшего свое творчество благородному делу революции, не мог не оказать влияния на литераторов, чье творческое становление началось уже в годы Советской власти. Х. Такташ, К. Наджми, М. Максуд, А. Шамов, М. Джалиль, А. Кутуй, А. Файзи, Г. Гали, Г. Нигмати, Х. Туфан, А. Исхак, Г. Минский, Ш. Маннур трудились в ту страдную пору, когда татарская советская литература только зарождалась и набирала силы. Талантливая творческая молодежь была надежной опорой журналу, и в то же время с его помощью она обретала крылья.

За время полувекового существования не раз менялось название нашего печатного органа. До апреля 1930 года он сохранял на титульном листе «Безнен юл». В мае на его базе начинают выходить одновременно два журнала: «Яналиф» и «Атака». Первый, словно тяжеловоз, тянет крупную «поклажу»: на его страницах увидели свет «Письма в грядущее» Х. Такташа, поэмы «Седьмая печь» и «Аникин» Ф. Карима, отдельные главы романа «Когда рождается прекрасное» Ш. Камала. «Атака», словно кавалерия, мчится по стране, улавливая дыхание бурного времени индустриализации и коллективизации, и рассказывает читателям о жизни металлургов Магнитогорска, шахтеров Донбасса, строителей Московского метрополитена, где по зову партии трудились многие наши земляки...

В 1932 году после постановления Центрального Комитета партии «О перестройке литературно-художественных организаций» вместо журналов «Яналиф» и «Атака» был создан один — «Совет эдэбияты» («Советская литература»). В 1965 году он получил название — «Казан утлары» («Огни Казани»).

Немало талантливых писателей сотрудничало в журнале перед войной. Именно тогда на его страницах увидели свет повести М. Амира «Агидель», А. Кутуя «Неотосланные письма», Г. Баширова «Сиваш», И. Гази «Бригадирка», поэма Ш. Маннура «Гайджан бабай», рассказ Ш. Усманова «Путь легиона», пьеса Т. Гиззата «Бишбуляк», рассказы и повести К. Наджми; во всю поэтическую мощь зазвучали тогда же стихи М. Джалиля, Х. Туфана, Ф. Карима, А. Файзи...

В грозные дни Великой Отечественной войны пламенной публицистикой, суровыми правдивыми рассказами, огненными строками поэзии, полными любви к Родине и ненависти к врагу, журнал вдохновлял тружеников республики на борьбу с гитлеровскими захватчиками.

Великая битва за свободу Родины вызвала к жизни стихи удивительно тонкого лирика, солдата и гражданина Фатыха Карима, стихи, «написанные на прикладе» и раскрывающие глубокий смысл героизма советских воинов. По горячим следам событий публиковались и миниатюры командира взвода поэта С. Хакима, поэмы «Россия» Г. Хузи, «Артиллерист Вагап» Ш. Мударриса, патетические стихи и поэмы А. Файзи, остросюжетные военные новеллы Ибрагима Гази.

Позднее были найдены и напечатаны в журнале легендарные «Моабитские тетради» Мусы Джалиля.

В послевоенные годы ведущим жанром в нашем журнале становятся роман и повесть. Недавняя ожесточенная схватка с врагом побудила многих татарских писателей обратиться к революционному прошлому своего народа. Вскоре после окончания войны один за другим печатаются в журнале романы: «Весенние ветры» К. Наджми — о совместной борьбе татарского и русского народов против царизма, первая книга трилогии «Незабываемые годы» И. Гази, рассказывающая о пути татарских крестьян в социалистическую революцию; роман А. Файзи «Тукай». Не уменьшается и поток материалов, посвященных Великой Отечественной войне: публикуются романы А. Абсалямова «Орлята», «Газинур» и «Вечный человек», М. Амира — «Люди из Ялантау», повести Н. Даули «Между жизнью и смертью» и «Разрушенный бастион», мемуары о войне генералов Г. Сафиуллина и Ф. Булатова...

Лучшие традиции татарской советской литературы, пропагандируемые нашим журналом с первых его шагов — гражданственность, верность ленинским принципам народности и партийности искусства социалистического реализма, — с новой силой проявились в послевоенные годы, когда многие писатели обратились к теме мирного труда советских людей. Повести Ф. Хусни «Начало лета» и «Любовь под звездами», А. Еники «Спасибо, товарищи!», рассказы Г. Минского и Г. Губая обогатили нашу литературу новыми героями. Торжество победы, завоеванной ценой жизни миллионов советских людей, было воспето в поэмах М. Садри «Песни о счастье», «По столбовой дороге» С. Баттала, в партизанской поэзии Заки Нури, в публицистических поэмах Э. Давыдова, стихах Н. Арсланова и особенно в поэмах о Ленине С. Хакима, удостоенных Государственной премии РСФСР имени М. Горького.

Путь журнала начинался с тысячного тиража. Ныне тираж «Казан утлары» приближается к 90 тысячам. Рост популярности объясняется тем, что в последние годы авторы журнала все чаще обращаются к животрепещущим темам и проблемам современности, создают образ человека труда социалистической эпохи. Свидетельством тому — творчество поэтов Н. Юзеева, Ш. Галиева, Х. Камала, Э Маликова, Г. Афзала, М. Шабаева, Р. Ахметзянова, прозаиков Р. Тухватуллина, Л Ихсановой, А. Гилязова, Ш. Ракипова, А. Баяна, Э. Касимова, М. Хасанова, Н. Фаттаха.

Журнал стремится познакомить читателя с творчеством молодых литераторов, которым наш коллектив оказывает постоянную помощь. Поэты Р. Файзуллин, Г. Рахим, Р. Харис, М. Аглямов, Зульфат и другие начинали свою творческую жизнь на страницах «Казан утлары».

За пятьдесят лет существования журнала вышло 620 номеров, в которых опубликовано одиннадцать тысяч произведений! Это, можно сказать, шестьсот двадцать томов истории социалистической культуры татарского народа. А если окинуть мысленным взором полувековую деятельность журнала «Казан утлары», то можно с уверенностью утверждать, что он вместе со всей советской литературой на всех этапах жизни нашей страны твердо шел по пути, указанному партией Ленина.

Журнал и сегодня верен своим лучшим традициям.

Величественная программа, выработанная XXIV съездом КПСС, побуждает нас, писателей республики, и коллектив редакции журнала настойчиво, глубоко и всесторонне осваивать современную тематику, правильно определять главные ударные направления нашей деятельности.

Нынешняя Татария — один из крупнейших индустриальных районов страны. На наших глазах возводятся такие промышленные гиганты, как Нижнекамский химический комбинат, Камский автомобильный завод. Поэтому важнейшую свою задачу коллектив журнала видит сегодня в том, чтобы воспеть героику и грандиозность этих трудовых свершений, создать образ рабочего человека — передового представителя советского общества.

Публикуемые в журнале очерки рассказывают о жизни и делах славных трудовых коллективов — колхозников, нефтяников, строителей Камского автозавода. Вместе с тем нужда в очерках еще очень велика. Нам нужны боевые, проблемные материалы, которые охватывали бы все новые и новые стороны жизни нашего многонационального социалистического государства.

Татарская советская литература растет и развивается в дружной семье братских литератур. В год 50-летия образования СССР в нашем редакционном плане — материалы о связях татарской литературы с литературами других народов страны. Мы печатаем рассказы русских писателей, стихи башкирских, белорусских, молдавских поэтов, главы из романа узбекского прозаика, лауреата Республиканской премии имени Хамзы Н. Сафарова «День проклятий и день надежд»...

Общеизвестно, что критика в журнале во многом определяет его лицо. В постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» определены главные направления работы этого боевого жанра литературы. Поэтому одну из важных своих задач мы видим в настойчивой и последовательной борьбе за высокий идейный и художественный уровень литературы. Очень актуально для нас и воспитание молодых критиков: для них при редакции «Казан утлары» организован постоянно действующий семинар. В журнале появились новые рубрики — «Литературное наследие», «Литературная учеба» и др.

Многие публикации юбилейного года посвящены человеку труда. Среди них романы М. Магдеева «Фронтовики», Ш. Бикчурина «Твердая порода» — о славных наших нефтяниках, юмористическая повесть М. Амира «Рыбацкие небылицы», повесть А. Ганиева «Несказанное слово», повесть Ф. Яруллина «Когда потушены паруса». Скоро читатель познакомится с повестью М. Хабибуллина и Б. Камала, посвященной строителям КамАЗа, повестью А. Гилязева «Среднее поколение» — о труде ученых, повестью молодого писателя Х. Хайруллина «Когда крепнут крылья», где главные герои — труженики колхозного села...

Коллектив редакции, его редакционная коллегия, встречая пятидесятилетие журнала, полны решимости достойно продолжать его славные традиции, всемерно содействовать укреплению ленинских принципов партийности и народности советской литературы.

Гариф АХУНОВ,
главный редактор журнала «Казан утлары»

ЧиП

«О САМОМ ГЛАВНОМ НА ЗЕМЛЕ...»

ПИСЬМОМ ЧИТАТЕЛЯ В. ПАВЛОВА И СТАТЬЕЙ КРИТИКА И. ГРИНБЕРГА В НОМЕРЕ «ЛГ» ЗА 9 МАЯ С. Г. БЫЛ НАЧАТ РАЗГОВОР О ПОЭЗИИ РОБЕРТА РОЖДЕСТВЕНСКОГО. СЕГОДНЯ МЫ ПРОДОЛЖАЕМ ЭТОТ РАЗГОВОР.

Я СЛЕЖУ за творчеством Роберта Рождественского еще с первой его поэмы «Моя любовь». Рождественский всегда отдается своим чувствам без остатка, ко всему, от малого до большого, относится с гражданской страстностью. Это находит верный путь к читателю. Рождественского полюбили, его внимательно слушают, поют, читают... Многие критики справедливо усматривали в стихах Рождественского органическую связь с поэтической традицией Маяковского. Сопереживание эпохе, сопричастность ей сделали Рождественского близким людям моего поколения. «Партийная, по самой высшей сути, поэзия, не покидай трибун!» — утверждает поэт. И еще: «По праву сердца будь за все в ответе, о самом главном на земле крича. Чтоб ветер Революции и ветви ее знамен касался плеча». Сказано это в духе именно революционной поэзии — целеустремленной, смелой, дерзновенной.

Но слова эти дороги не только людям моего поколения. Дороги они и молодежи. Я видела, как принимают Рождественского люди разных возрастов во многих городах нашей страны. В залах не бывает равнодушных, потому что поэт затрагивает в слушателях, и прежде всего в молодых, высокие гражданские чувства.

Поэт «внимает клокотанью событий на моей планете». Он видит героическое прошлое страны глазами причастного к этим событиям бойца. И эти события, и это ощущение дают крылья его поэзии.

Однажды Рождественский признался, что завидует своей дочке Катеньке, ее «стране детства», где нет газет, приносящих страшные вести о пожарах войны на планете. Но не будем легковерными. В «страну детства» поэт теперь не ушел бы. Нет, он — боец, он с теми, кто шел в бой за Родину, он с теми, кто и сегодня «в сплошной лихорадке буден».

Прежде всего поэта привлекают люди большого, настоящего дела, увлеченные, ищущие. Вот почему он гордится своим именем, данным ему в честь секретаря крайкома Роберта Эйхе: «...большой, неторопливый, как река Иртыш... Приезжал в Косиху секретарь крайкома. Веселый человечище. Могучий латыш». Отсюда же, с этой высокой позиции, вглядывается Рождественский в героические и суровые годы Великой Отечественной войны. Его широко известный «Реквием» включен в последнюю книгу «Радар сердца». «Вспомним гордо и прямо погибших в борьбе... Есть великое право забывать о себе!»

Еще и еще можно называть его стихи такого же склада, но одно, дорогое мне стихотворение назову с особой радостью. Сын века, жадно вбирающий в себя все новое, поэт относится к открытиям эпохи не потребительски — расчетливо и холодно. Нет, он пытается проникнуть в глубь этих новейших явлений, в их человеческую суть. С любовью и тактом воспевает он «людей, чьих фамилий» он не знает. «Называют вас просто: «атомщики», именуют скромно «ракетчиками»... Дорогие наши товарищи, лишь известностью не обеспеченные». До страсти хочется поэту, чтобы «гениальные невидимки» занимались мирным трудом: «Сколько б вы напридумали разного. Очень нужного и удивительного!», а людям от этого как бы «легко дышалось» и «светло любилось». Но... пока еще рано складывать оружие: «Низкий-низкий поклон вам, люди. Вам, великие. Без фамилий».

Мы читаем эту поэтическую публицистику, и она входит в наше сердце, как... лирика. Потому, что все, о чем пишет Рождественский, — это его, именно его мир. Интимный, личный, сокровенный. И в этом нельзя не видеть продолжение лучших традиций советской поэзии. Настоящий поэт не может быть бесстрастным толкователем событий, он пропускает их через свое сердце.

Когда человек глубоко и самозабвенно любит, он не может не ненавидеть. Естественно это неприятие того, что враждебно его любимому миру. К врагам внешним прежде всего. А также к обывателям, к мещанству. Это и в первой его поэме «Моя любовь». Это и в других сильных его стихах последующих лет. Он не довольствуется «ленивой плотвой» («Рыбаки») — «...надоела мелочь, мелочь!» — и мучается в поисках своей «золотой рыбки». С острой неприязнью относится он к людям мелким, суетным, трусливым («Стыдливые»), к неборцам, к трусам. «Из стыдливости плохого вы не делаете. И хорошего тоже — из стыдливости». Такие «люди-людишки» в искусстве видят не великое и дерзостное, не трепетное и высокое, а... мелкую тину обывательской накипи, сплетни о людях искусства («Интересуешься искусством?..»); такие «стыдливые» знают одну радость, когда «челюсти жуют», — таков рефрен сатирически острой «Поэмы о разных точках зрения». В таких стихах Рождественский резко полемичен, и в этом неприятии проявляется его бойцовский темперамент.

Очень люблю я недавнюю книгу Рождественского «Всерьез». Да, здесь все всерьез: мысли о мире, о Родине, о горе и счастье, о любви... Всерьез образы, поиски стиха: он в «незнакомый лес шагает по стихи, как по грибы». И возникают образы: «А за селом синело поле и пахло ливнем переспелым». Это о Косихе на Алтае, где родился поэт. Я вижу этот проснувшийся дом, «потягивающийся тайно» («Утренние стихи»); я верю его небольшому дождику, что «ноги с крыш свесил, простучал тихо» («Неореализм»), и уж, конечно, не сомневаюсь в том, что поэт мог бы «тут же чуть поднять руку и убрать тучу»; я стою вместе с поэтом на выставке детских рисунков, не умиляясь, а учась воспринимать мир доверчиво и непосредственно...

Когда читаешь настоящую поэзию, она становится твоей лично, словно ты, а не кто-то другой, добыл эти крупицы поэтических озарений...

Высокий строй души выражается порой в романтической тональности песен и баллад Рождественского. Стала любимой молодежью «Баллада о спасенном знамени», как и «Баллада о красках», с их горьковатой горечью и с радостным ощущением силы великой идеи. Песни на стихи Р. Рождественского, как правило, неожиданны и глубоки. И такие они разные: ну, скажем, удалая, с оттенком грусти «Свадьба» и торжественная, как клятва, «Благодарю тебя»... Гражданским пафосом проникнуты и стихи поэта последнего времени с их яркой образностью.

Я писала свою статью сразу после прочтения статьи И. Гринберга «Высокое слово — трудись!», опубликованной в прошлом номере «Литературной газеты». Это обстоятельство во многом объясняет мою интонацию. Я не касаюсь недостатков в стихах Рождественского, хотя и согласна с некоторыми конкретными замечаниями И. Гринберга, признаю точность его строгих оценок отдельных строк и строф поэта. Но я не разделяю общего пафоса статьи критика, его выводов. Нет, на мой взгляд, и сегодня творчество Роберта Рождественского дает все основания сказать, что талант его крепнет, а юношеский пыл не остужается. И в этом обаяние его личности и таланта.

Лидия ФОМЕНКО

Памяти Мартироса Сергеевича САРЬЯНА

По-разному уходят люди из жизни, как по-разному живут они на свете. За три недели до смерти Мартироса Сарьяна мне привелось проститься с ним в его ереванском доме-музее. Дом этот, где живет семья Сарьянов, сливается со светлым двухэтажным музеем, где висят его картины и постоянно толпится народ. Одна и та же входная дверь, и кажется, что жилые комнаты остаются весь день открытыми, никогда не запираясь...

Сарьян уже не мог стоять на ногах — его ввели в комнату, поддерживая за плечи, — но в нем не было ни дряхлости, ни болезненности. Глаза его лучились удивительным светом, словно глядит он и видит что-то необыкновенно радостное, чего окружающие не видят. Хотелось сидеть около него и смотреть в эти необычайные лучистые глаза. Сын и жена стояли возле его кресла, оберегая его младенческую беспомощность. Последние слова, какие я услышала от старейшего друга моей семьи, моей ранней молодости, были: «Самое главное — это жить».

Ушел великий художник и человек великой чистоты и мудрости. Он постигал правду и в природе, и в жизни и передавал людям свое вдохновенное знание в бессмертных полотнах. Смерть его — утрата не только для нашего народа, но и для всего человечества. Но он ушел так светло и тихо, что боль от ухода слилась с чувством благости и его заветом: «Самое главное — это жить...».

Марэтта ШАГИНЯН

11 мая 1972 года

■

Умер Сарьян...

Оборвалась жизнь огромного художника.

Есть люди, о которых думаешь, что они будут жить всегда. Таким нам представлялся Мартирос Сергеевич Сарьян. Долгая и красивая жизнь художника в этом убеждала еще больше.

Мы, как и все люди, любили светлое искусство этого поистине счастливого художника.

То видение, каким обладал Сарьян, всегда глядевший с восторгом на окружавшую его жизнь, людей, природу, в соединении с взволнованным сердцем помогало ему создавать произведения, заражавшие этим восторгом и волнением всех, кому выпадало счастье познакомиться с его творчеством.

Сарьяновские пейзажи... Сарьяновские натюрморты, портреты — их ни с чем не спутаешь. У всех у них свое сияние, свой колорит, своя вечная молодость.

Да и сам он был такой всегда — не старевший, не устававший радоваться жизни и оставивший нам эту счастливую жизнь в своих полотнах.

Спасибо ему!

КУКРЫНИКСЫ

Памяти Аркадия Александровича ПЛАСТОВА

Умер большой, самобытный художник России Аркадий Александрович Пластов, великий мастер, оставивший нам драгоценное художественное богатство.

Во всю силу своего могучего таланта воспел Пластов красоту и радость нелегкого труда земледельца, раскрыл щедрую и тонкую душу русского человека. Его полотна словно наполнены живительными соками самой земли.

Жизнь человека, его труд гармонично слиты в картинах Пластова с природой, которую художник проникновенно чувствовал и умел выразить в ней ясную полноту своего оптимистического мироощущения. «Сенокосе», «Жатве», «Колхозный ток», «Витя подпасок», «Фашист пролетел», «Полдень», «Ужин трактористов», серия замечательных портретов тружеников села горячо полюбились советским людям и вошли в сокровищницу нашей культуры. В них философия труженика, творца, созидателя, лирика и поэзия, любовь и пламень души художника раскрыты несравненной по красоте живописью.

Пластов был всегда непрестанно ищущим, озабоченным судьбами родного искусства, человеком широкой и открытой души. Он был расположен к людям, и люди любили его. И как его искусство останется для народа вечным гимном жизни, так и образ этого вдохновенного художника будет всегда живым в памяти его товарищей по искусству.

Н. ТОМСКИЙ,
президент Академии художеств СССР

■

Всю свою жизнь Пластов прожил в селе Прислониха, где родился и вырос. И когда этот замечательный художник приезжал в Москву, он всегда стремился обратно, в родное село, потому что всегда беспокоился, что в этот день, час, пока его нет, произойдет в Прислонихе нечто очень важное, а он не увидит этого своими глазами и не сможет запечатлеть на холсте. Пластов никогда не изменял своей теме, потому что теме эта жила в его сердце. И этим он близок нам, этим дорог как человек, как художник, как вдохновляющий пример служения родному искусству.

Я бывал у него в Прислонихе. И вот однажды силе пластовских картин открылась мне с особенной полнотой. Это случилось в грозу. В разбушевавшейся стихии увидел я вдруг неожиданно ясно ту Прислониху, что дарил нам А. Пластов в своих полотнах. И тогда подумалось мне, что вечен тот художник, который в творчестве своем так един с природой, с миром, с землей, с людьми, населяющими ее. Он любил их и воспел в своем ярком, пламенном, самобытном искусстве.

И невозможно поверить, что ушел из жизни этот человек — человек, так любивший жизнь. Но навсегда останутся с нами его картины.

Ф. РЕШЕТНИКОВ,
народный художник РСФСР

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

Помню, с каким интересом был встречен рабочими нашего завода транслировавшийся из Москвы по телевидению вечер поэта Роберта Рождественского. Нежная лирика сменялась суровой патетикой, задушевная песня вставала рядом со стихами, пронизанными страстным гражданским пафосом. У Роберта Рождественского много почитателей, но я уверена, что их стало еще больше после этого замечательного вечера.

И. ВЕРШИНИНА
гор. ЦЮРУПИНСК, Херсонский целлюлозный завод

■

Чем привлекла меня последняя книга Роберта Рождественского «Горячий север», выпущенная Мурманским издательством? Удивительной цельностью авторской позиции. Это книга о мужестве, о мужественных людях, самозабвенно работающих на севере нашей Родины. И автор находит верные слова, чтобы передать это мужество, эту самозабвенность. Дело даже не в точности того или иного образа, той или иной поэтической детали. Дело в том, что стихи своей внутренней энергией полностью соответствуют «горячей» работе на суровом Севере.

Г. СОРВИНА
МОСКВА

■

Я тоже, как и В. Павлов, письмо которого было опубликовано в номере газеты за 9 мая с. г., давний поклонник поэзии Роберта Рождественского. Но я не могу согласиться с В. Павловым, что Р. Рождественский сейчас пишет хуже, чем раньше. Де возьмите его последние публикации, скажем, в «Знамени», и вы увидите, что и новым его стихам свойственны большая сосредоточенность и продуманность.

Читали ли вы, товарищ Павлов, цикл стихов Роберта Рождественского «Океан», напечатанный в журнале «Москва»? Прочтите, и, я думаю, вы увидите, что поэт и сейчас пишет талантливо и ярко. В этом убедят вас и стихи о Боре-капитане, что «пошел, как в песню, — в рыбаки!», и стихи о военном следователе Феликсе, и эти строки о строительстве плотины на реке Зее:

Человечество
строит
плотину.
Так,
что шелесты
зейских глубин
превращаются —
необратимо! —
в ослепительный шорох
турбин.
Будет яростным он
до озноба.
Будет выверен он
и воспет...
Все подсолнухи
шара
земного
повернутся
на этот свет!

Будем же объективны: лучшие стихи Роберта Рождественского и теперь показывают, что он продолжает набирать высоту в своем поэтическом осмыслении современности.

В. МАРКЕЛОВ
МОСКВА

В. Ю. ДРАГУНСКИЙ

Умер Виктор Драгунский, талантливый писатель, автор знаменитых Денискиных рассказов, повестей «Сегодня и ежедневно» и «Он упал на траву». Книг веселых и грустных, лирических и сатирических, но всегда добрых. Если понимать писательский успех как отклик в сердцах и умах читателей, то книги Виктора Драгунского пользуются редким успехом. И сам их автор тоже. Кем бы он ни был — драматическим артистом и клоуном, автором эстрадных песен и реприз, руководителем веселого театра «Синяя птичка» или обаятельным собеседником, который приехал на детский утренник, — всюду проявлялась яркая, неповторимая индивидуальность Драгунского — писателя, художника, человека. И большого жизнелюба. Он любил людей, и люди тянулись к нему. У него было много искренних и верных друзей.

Его книги чуть ли не наизусть знают и дети, и родители — «Девочка на шаре», «Старый мореход», «Зеленчатые леопарды», «На Садовой большое движение» и многие, многие другие... Одна из этих книг называется «Он живой и светится»... Он живой и светится! Всего за десять лет активной творческой работы только в прозе он сделал яркого такого, что надолго останется в памяти благодарного читателя. Невзирая на постигший его тяжелый недуг, он продолжал работать. Его новая повесть, посвященная временам гражданской войны, так и осталась незаконченной.

Таким Виктор Драгунский останется в памяти своих многочисленных читателей, коллег и друзей.

АКИМ Я. Л., АКСЕНОВ В. П., АЛЕКСИН А. Г., АМЛИНСКИЙ В. И., АРДОВ В. Е., БАРТО А. Л., ДРАГУНСКИЙ Д. А., ЗОРИН Л. Г., ИЛЬИН В. Н., КОСТЮКОВСКИЙ Я. А., ЛАСКИН В. С., МАСС В. З., МИХАЛКОВ С. В., НАГИБИН Ю. М., СЛОВОДСКОЙ М. Р., ТИХВИНСКИЙ В. Н., ТРИФОНОВ Ю. В., ЯКОВЛЕВ Ю. Я.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

От души благодарю всех, кто так искренне и сердечно разделил со мной большое горе — кончину Александра Иосифовича Дейча.

Е. МАЛКИНА-ДЕЙЧ

Коллектив «Литературной газеты» выражает глубокое соболезнование сотруднику редакции С. М. **РЫБАЛОВОЙ** в связи с постигшим ее горем — смертью отца.

ТЕПЛОЕ ТЕЧЕНИЕ

Юрий Яковлев. «Позавчера была война». Издательство «Молодая гвардия». 1970; «Где стояла батарея». Издательство «Детская литература». М. 1971.

В ПРЕДИСЛОВИИ к сборнику рассказов «Позавчера была война» Юрий Яковлев нежно писал о своей матери: «Озабоченная и радостная, спокойная и печальная, она всегда была рядом. Она вела нас с сестрой через трудную жизнь, создавая на нашем пути теплое, незамерзающее течение». «Теплое течение» доброты к людям, признательная верность героическому прошлому, символом которого была военная шинель, долго не спадавшая с плеча писателя-воина, — все это сказалось на творчестве Юрия Яковлева. Равно как и непримиримость к фальши, к неправде и злу, с которыми всегда борются мальчишки и девчонки, пионеры — герои его книг.

Лучшими своими рассказами Ю. Яковлев внес серьезный вклад в детскую литературу. В рассказах этих сконцентрировалось кредо писателя, чья обязанность, им самим себе предназначенная, — воспитание мужественного, преданного долгу, честного и непримиримого ко всяческому злу человека.

Если взять последние две книги Ю. Яковлева — «Где стояла батарея» и «Позавчера была война», то мы увидим, что рассказчик считает долгом своим посвятить ребят в суровое и победное прошлое. «Мы берегли детей... — пишет он. — Мы забыли, что нашим детям принадлежит не только светлое будущее, но и суровый вчерашний день».

Писатель верит, что современные школьники, когда наступит в их жизни серьезная минута, будут верны девизу: «Ты нужен в этом бою. Больше того, без тебя его могут проиграть!» Вот почему автор стремится поскорее рассказать ребятам о том, что на месте их школы стояла батарея. Она била по фашистским самолетам, летевшим на Москву. «Здесь в годы войны стояла шестая батарея. И потому теперь стоит школа».

Вот почему появляется в книге образ пионера Марата, случайно узнавшего о том, что когда-то Новый мост был взорван парашютистом-партизаном, которого никто не звал по имени, а прозвище его было Зимородок, и он умел свистать иволгой. Мальчик, вместе со всеми дразнивший своего учителя, озорничавший, как все мальчишки на свете, вдруг ощутил внутреннюю глубокую потребность отыскать след Зимородка. Не мог же пропасть человек! И было же у него имя, как у всех людей! Марата никто не «организовывал», не «вливал» в пионерское движение следопытов. Изнутри исследует писатель возникновение пионерского долга. Только однажды, как бы не доверяя своему перу, автор в конце одной из главок этого разросшегося рассказа прибегает к лозунгам, так не вяжущимся с характером героя: «Вперед, красные следопыты, неутомимый народ, возвращающий имена безымянным героям, борющийся с забвением, как борются со злом. Не верьте ушам — уши могут недослышать. Не верьте глазам — глаза могут недосмотреть. Верьте только сердцу». Перо же оказалось более чутким: читатель давно уже понял, что Маратом движет любовь к человеку, уважение к героике прошлого, ему дорога сама романтика поиска, как дорого то самое «теплое течение», что пронизывает все творчество Ю. Яковлева.

«Позавчера была война» — рассказы о подвигах, о юности, о любви. Органичен у Яковлева переход от рассказов о детях к рассказам о взрослых. Вообще взрослые существуют в произведениях писателя наравне с мальчишками и девчонками. Как это непохоже на иные унылые «школьные» повести, где среди ребят, живых, любознательных, шаловливых, пытливых, расхаживали резонерствующие учителя, родители и вообще взрослые. Но с кого же дети творят свой мир? Со взрослых же! И никогда, пожалуй, не сложились бы образы «мальчика с коньками», Марата, Лельки, если бы не было старшины Бахтюкова, партизана Зимородка, командира саперов и многих других взрослых, преимущественно бывших воинов.

Есть в творчестве Ю. Яковлева еще одна особенность: он любит животных и много пишет о них. Один из его героев, погонщик слона Орлов говорит: «Если полюбите один раз навсегда, то этой единственной любви хватит на всю жизнь... и на землю, и на деревья, и на людей, и на капли дождя, и на снег, и на слона...»

Пишет Ю. Яковлев тепло и проникновенно о пшеничном поле, где замечает «глазастые колоски» и похожие на «капельки загустевшего молока» еще незрелые зерна...

Он с гордостью называет себя детским писателем. «И взрослый человек для меня начинается с детства... В настоящем человеке до последних его дней сохраняется драгоценный запас детства».

С любовью к людям, к жизни, к настоящему и прошлому нашей страны, с верой в будущее пишет Юрий Яковлев свои книги. Книги о Детстве.

Л. НИКИТИНА

Пионерии посвящается

ДАВНЕЕ ЛЕТО

Сергей Артамонов. «Бунт на корабле, или Повесть о давнем лете». Издательство «Детская литература». М. 1971.

ЭТО очень хорошая книжка. И я как открыл ее, перевернул первые страницы, так вспомнил лето собственное — одно, а потом второе и третье — совсем другие и, казалось бы, непохожие, но в чем-то очень близкие по ощущению такого же вот соприкосновения с миром, оказавшимся не только моей комнатой, квартирой, домом, двором, улицей, но и дорогой, полем, лесом, десятками людей... Другими словами, открытие мира мальчиком Антоном, которое происходит в книге С. Артамонова, созвучно **открытию мира** в душе каждого из читателей. В этом заключено свидетельство несомненной удачи автора.

С. Артамонов издал свою первую большую книгу, но ощущение того, что перед нами писатель, давно и серьезно работающий в литературе, не оставляет нас с самого начала до строк финальных. Дело даже не в литературной искушенности автора, не только в том, что детская, в сущности, книжка — о пионерском лете, о герое с нелегким мальчишеским характером — становится интересной читателю взрослому, ибо будит собственные его воспоминания о таком же лете, он вольно или невольно сравнивает себя с героем, и печаль, непременно возникающая у человека от соприкосновения со своим детством, рождает ту сильную и светлую мысль или ощущение, ради которых и написана книга Артамонова.

Герой книжки С. Артамонова сразу остается с нами — с первого своего появления в желтых почти девчачьих трусах, на которых хлопотливые бабушка и мама, собирая его в лагерь, вывели крупными буквами имя и начало фамилии: «Антон Га., 12 лет», с чего и начались в лагере приключения и неприятности нашего героя. Рассказ о злоключениях и трудной победе мальчика Антоны написан с той степенью искренности и достоверности, что понимаешь — автор не просто работает, но живет в литературе.

В краткой издательской аннотации, в которой явственно слышен голос автора, говорится: «В этой книге рассказана давнишняя история одного мальчика. Теперь он стал взрослым, что случается непременно с каждым из мальчиков, но, выросши, детства своего не забыл и нередко вспоминает прежние, отошедшие вдаль годы. Это были послевоенные нелегкие годы, когда жилось много труднее, чем теперь. У Антона Табакова — он герой книги — не вернулся с войны отец. Антонта — так зовут мальчика в пионерском лагере — растет без отца, но человек он не слабый, нет, — он человек твердый и верит в справедливость...

Автор рассказывает о том, как в далекое от наших дней время тогдашний его сверстник учился разбираться в людях и понимать самого себя, учился держать слово, верить и надеяться, мечтать и находить друзей».

Это было очень непросто. Читателю кажется порой, что хрупкие плечи мальчика не выдержат всех бед и напастей, которые валятся на него. Но они, его плечи, выдерживают. И потому, что он, как было сказано, человек твердый и верит в справедливость, и потому, что такие беды и напасти естественны при всяком реальном соприкосновении с жизнью, и каждый так или иначе прошел через них. Впрочем, ничего невероятного не происходило в пионерском лагере в то давнее лето, автор просто был особенно внимателен, точен и искренен в рассказе о том, что узнал и запомнил о своем герое. И читатель тоже запомнит и начальника пионерского лагеря, бывшего партизана, и воспитательницу — «маму Карлу», которую иначе никто и не зовет, и пионервожатого Геру, фигуру колоритную, написанную со знанием и большим интересом, и приятеля героя — Шурика, с его столь понятными ребяческими слабостями, и других героев, юных и взрослых, изображенных с той степенью достоверности и реализма, что читатель забывает о литературе, а прочитанное кажется ему документом. И уж, конечно, читатель запомнит героя главного. Ибо мы столько толковали в свое время о герое «положительном», примеряли и взвешивали, а он меж тем существует реально, правда, в этой книге он еще очень молод. Но он растет, мужает, вступает в контакты и конфликты с людьми, его окружающими, переживает и ошибается, верит в справедливость и борется за нее.

И даже начальник лагеря — бывший партизан — искренне недоумевал: откуда в нем, в этом мальчонке, такая стойкость, вера в справедливость и внутренняя сила? Внешне непритязательный рассказ писателя о событиях одного пионерского лета утверждает и в юном читателе такие же черты. И в этом высокий смысл книги.

Ф. СВЕТОВ

АНФАС И — В ПРОФИЛЬ

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ Н. ЛИСОГОРСКОГО

Сергей МИХАЛКОВ

Николай НОСОВ

Анатолий АЛЕКСИН

Сергей АЛЕКСЕЕВ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ АНДРЕЯ МАКАЁНКА

ДИСПУТ НА СЦЕНЕ — ДИСПУТ В ЗАЛЕ

О НЕМ в докладе на пленуме правления Союза писателей СССР, посвященном проблемам драматургии, было сказано:

«Работает в Белоруссии А. Макаёнок, драматург сложной комедийной мысли, яркий сатирик. Трудна, в ухабах и колдобинах, дорога сатирика. Но Макаёнок — крепкий человек. Идет!»

Не знаю, был ли известен докладчику А. Салынскому такой эпизод из биографии А. Макаёнка. В сорок втором, после высадки феодосийского десанта, он оказался в госпитале. Хирург настаивал на ампутации обеих ног, но Макаёнок взорвался: «Не сметь!» И такой характер полыхнул в глазах двадцатидвухлетнего политрука, что врач решил не ампутировать.

Теперь Андрей Егорович чуть-чуть прихрамывает. Это замечаешь, когда он идет по ровному асфальту, по паркету. А вот на «ухабах», на «колдобинах» походка у Макаёнка ровная, и в творчестве он не ищет гладких, асфальтированных дорог...

Интересная деталь: названия его комедий трудно переводимы на другой язык. На что уж, кажется, близки наш белорусский с русским, а — трудно. Первая же комедия, принесшая А. Макаёнку всесоюзное признание, в оригинале называлась «Выбачайце, калі ласка», что в переводе дословно звучало бы: «Извините, пожалуйста», но не вместило бы той хитроватой «подковырки», которая таится в народно-семантической структуре присказки. На русской сцене, в ЦТСА пьеса шла с подзаголовком «Камни в печени». Эквивалент не без издержки, но, пожалуй, наиболее приемлемый. Что касается житейской действенности комедии, то я хотел бы сослаться на такой эпизод. В одном из сельских клубов, едва закончился спектакль (играли артисты Белорусского академического театра имени Я. Купалы), колхозники решили провести не то собрание, не то дискуссию по постановке. Спорили, шумели и — сместили своего председателя за то, что он был похож на председателя Горошку, которого блестяще играл народный артист СССР Г. Глебов. Освободившуюся должность предложили... исполнительнице роли передовой колхозницы Ганны Чихнюк — народной артистке СССР Л. Ржецкой.

Как-то А. Макаёнок в доверительной беседе выразил свое художническое понимание природы жанра сатирической комедии. Привожу почти дословно: Путь к комедии проходит через драму. Чистой комедии в жизни не бывает. Помнишь, как у Маяковского: «Ищется смешной сюжет. Таких сюжетов нет»... Видишь — негодяй унизил человека. Ты посочувствовал, разгневался, вмешался, но вроде бы остался с фактом наравне... Поднять себя и зрителя над этим — через смех. Не уступить! Не уподобиться!

Вспомним ситуацию, лежащую в основе комедийного сюжета «Камней в печени»: в некоем районе обнаружены очковтирательство, подлоги. Сколько личных драм, трагедий за всем этим, не говоря уже о причиненном обществу ущербе! Конечно же, тут не до смеха ни истцам, ни ответчикам, ни правосудию. А правосудие у Макаёнка — одно из действующих лиц, и выход прокурора Курбатова на сцену являет нам потешную картину: он обращается к Горошке, председателю колхоза, с «очень важным, серьезным разговором» как к будущему тестю, а тот, напуганный начальством и ожидающий возмездия, твердит, что все это «по дурости», что виноват «хоть круть-верть, хоть верть-круть». Комическое в этой сцене служит средством выявления трагического, и в этом — сила комедийного таланта Макаёнка: юмор его пьес всегда глубок и социален, хотя порой может и «прикинуться» всего лишь невинным остроумием.

А начинал Макаёнок с драмы.

«...С моей стороны это, честно говоря, было нахальством, — вспоминает автор. — За основу я взял среду, жизнь людей, совершенно мне не знакомых, написал пьесу о борьбе французского пролетариата за свои жизненные права. Естественно, в ней было множество огрехов, но, поставленная Театром имени Янки Купалы, она раскрыла для меня секреты драматического жанра, стала необходимым практическим уроком творчества для театра».

С тех пор прошло много времени. Макаёнок побывал во многих странах, но писал по-прежнему о белорусском колхознике Романе («Каб людзі не журыліся», или, в переводе на русский — снова недословном, — «Сами с усами»), о Лявоне и Лявонихе...

В этих пьесах (как и в пока еще не поставленной сатире «С ярмарки») он оставался верен своей манере.

За это время на театре многое изменилось. И «альма матер» драматурга Макаёнка — купаловский театр тоже стал несколько иным: к сочному бытоподобию, к секретам воссоздания живых, полнокровных характеров добавилась образная полифония, пришло все богатство новых и полузабытых средств сценической выразительности. В самом купаловском театре и вокруг него шли споры о традициях, о новаторстве. А. Макаёнок не участвовал в дискуссиях. Работал и в работе спорил сам с собой. Когда его Малыш в «Затюканном апостоле» ссылается на горы перечитанной литературы — от Светония до мемуаров Черчилля — весь этот перечень следует внести в «читательский абонемент» А. Макаёнка.

«Затюканный апостол» — это пьеса-диспут, в ней отразилось авторское видение человеческой истории и нынешнего века, здесь мысль страстная воюет против скудоумной страсти. В отличие от своих прежних пьес, в «Апостоле» А. Макаёнок менее всего заботился о правилах так называемого «обстановочного реализма». Язык его драматургии здесь пружинисто-парадоксален: зрителя убеждают отнюдь не те слова, что произносят персонажи, а те выводы, которые он вынужден сделать. В то же время в пьесе — ни одной головоломки, ребуса: события развертываются, как в жизни, просто и свободно. Малыш подрался во дворе со сверстником — как будто просто происшествие. Подслушал разговор матери с любовником — опять же случай. Разыграл родителей, столкнул их в ссоре — что ж, бывает... Хотели отхлестать его, не дался, выпрыгнул в окно с огромной высоты. — конечно же, ЧП, но и такое может быть, а за всем этим читается явление...

Я не стану подробно говорить о проблематике комедии «Затюканный апостол». Хочу лишь обратить внимание на то, что в каждой фразе, в самой, казалось бы, бытовой, служебной реплике пьесы заложена возможность двойного прочтения. Вспомните хотя бы, как Малыш рассказывает о скандале с Аликом, который поднял камень и...

«**Мать.** Ударил? Камнем? **Дочь.** Нет. Он подложил камень под качалку, чтоб она не качалась. Сюда немножечко качнется, а обратно — нет, не получается».

Поскольку перед этим Папа произнес (конечно же, некстати) слова «агрессия» и «самооборона», мальчишескую ссору мы воспринимаем, хотим того или не хотим, сквозь линзу «сдвинутого» смысла, а несоответствие масштаба самого события и его окраски усиливает комедийную реакцию, дразня предощущением чего-то нового, какой-то «вылазки» иносказания.

Словом, между автором и зрителем (читателем) рождается та связь, которую А. Герцен назвал когда-то «скрытой мыслью», увеличивающей силу речи, в отличие от обнаженной — сдерживающей воображение. И горько будет каяться тот режиссер, который будет ставить в «Апостоле» лишь то, что говорится, произносится в комедии. Не потому ли столь полярны и оценки разных постановок в прессе — я сужу по рецензиям, поскольку самому пришлось посмотреть лишь два спектакля, у купаловцев и в Московском театре сатиры, оба интересные, глубокие, хотя и разные.

Кстати, не могу не высказать сомнения (а может, лишь догадку) относительно прочтения финала. Оба режиссера (в Минске — Б. Луценко, в Москве — Е. Радомысленский) приняли на веру то, что, спрыгнув с трехэтажной верхотуры, Малыш «рехнулся». А что, если допустить иное толкование? У автора написано: «И не понять поначалу — то ли он святой, то ли просто чокнутый». Поначалу? А что потом? А вдруг не то и не другое, а сознательное продолжение протеста Малыша в такой вот форме — «под идиота»? Как заиграла бы при этом его фраза, обращенная к сестре, и родителям: «Ты — всегда такая. Вы все всегда такие!» Но это лишь предположение, и высказано мною, чтобы еще раз обратить внимание на многозначность авторского слова, реплики, ремарки... Давно уже белорусская драматургия не говорила столь емким, богатым языком.

Я не хочу сказать, что А. Макаёнок создал шедевр. Есть в этой пьесе банальные остроты, не всегда себя оправдывает принцип персонифицированного противопоставления тезы и антитезы (Мать — Отец, Брат — Сестра). Но не об этом речь. Важнее, что А. Макаёнок в своей новой пьесе предстал не то чтобы иным, но обновленным и обновил национальную драматургию. Писать, как прежде, он уже теперь не сможет, тому доказательством созданная почти одновременно с «Апостолом» пьеса «Трибунал».

А. Симуков писал об этой пьесе: «Условность жанра не разрешает играть все происходящее на полном серьезе. Это как бы допускаемая автором возможность подобного случая, а не само реальное происшествие...»

Как играют «Трибунал» в московском Театре на Бронной, не знаю, но от А. Макаёнка слышал, что в одном украинском театре пытались трактовать его трагикомедию-лубок на «несерьезе». Терешку Колобка там даже и в мешок-то не сажают, чтобы, значит, зрителю не показалось, что и впрямь жена с детьми готовы его казнить за то, что стал старостой при немцах: бросают на него игрушечные обручи из разноцветной детской пирамидки. В общем, получился конфуз. А ставил умный режиссер. Когда он посмотрел купаловскую постановку «Трибунала» в Минске, то счел необходимым извиниться перед автором за то, что исказил его... из самых лучших побуждений: видимо, он не мог отделаться от впечатления, что здесь имеет место какой-то подвох.

В пьесе «Трибунал» у Макаёнка все же есть один «подвох», и заключается он в том, что пьеса эта написана начистоту — без всякого подвоха. А. Сухово-Кобылин в послесловии к одной из своих пьес сказал: «Если бы, за всем этим, мне предложен был вопрос: где же это я так-таки такие Картины видел?.. то я должен сказать, положа руку на сердце: Нигде!!!... и — везде...»

А с Колобком А. Макаёнка приключился случай, о котором стоит рассказать. В деревне Ластовичи Стародорожского района после спектакля «Трибунал» к артистам Бобруйского театра за кулисы пришел колхозный сторож и сказал, что вся эта история — о нем. Когда же автору прислали вырезку из райгазеты с рассказом о встрече «двух» Колобков, — Макаёнок, положа руку на сердце, признался: таких картин нигде не видел. Но писал с уверенностью, что подобное могло случиться.

Сейчас Макаёнок работает над новой пьесой.

— Вот пишут о любви крестьянина к земле, — говорит писатель. — Есть даже литераторы, которых называют «почвенниками». А правильно ли это? Что крестьянин любит: землю, грязь, песок? Или зерно, которое вырастет из грязи?

Заявка сердитая, но ведь почти все его пьесы начинались с не менее сердитых нот, и гнев отрицания в них постоянно сочетался с пафосом великой доброты.

— Послушайте, — задумался Андрей Егорович, прочтя мне первый акт. — А может, зря я лезу в это дело: миграция, уход людей из деревень... Пусть проблемы дня решают социологи.

— А что, искусству только «вечные» проблемы?

...Сейчас, когда комедия уже закончена, могу сказать одно: в ней есть и «вечные» проблемы, и наша сегодняшняя озабоченность.

Георгий КОЛОС

МИНСК

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

А. М. ЛИНЕВСКОМУ — 70 лет

В связи с 70-летием со дня рождения Александра Михайловича Линевского секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«К своему славному 70-летию и 50-летию научной и литературно-творческой деятельности Вы пришли как широко известный в СССР и за рубежом советский ученый, счастливо соединивший в себе большие знания и опыт археолога и фольклориста, этнографа, историка и знаменитого истолкователя петроглифов Карелии. Вместе с тем широкие читательские круги Карелии, Ленинграда и других мест нашей большой страны знакомы с Вашим литературным творчеством, начиная от ранних работ «Листы каменной книги» и романа «Беломорье», занявших достойное место в художественной литературе из истории Карелии и всего Беломорья, до последующих многих Ваших литературных трудов, раскрывающих характеры народных героев гражданской войны на Севере, отважных покорителей природы нашего Советского Севера, патриотов нашей Родины.

Желаем Вам, уважаемый Александр Михайлович, доброго здоровья и больших новых творческих свершений».

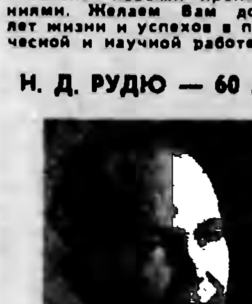
Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

А. К. КЕКИЛОВУ — 60 лет

Туркменскому писателю А. К. Кекилову исполнилось 60 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по туркменской литературе направили юбиляру приветственную телеграмму, в которой говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, Аман Кекилович, с днем шестидесятилетия. Позвольте выразить уверенность, что Вы еще не раз порадуете своих читателей новыми произведениями. Желаем Вам долгих лет жизни и успехов в поэтической и научной работе».

Н. Д. РУДЮ — 60 лет



Украинскому писателю Н. Д. Рудю исполнилось 60 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по украинской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, известного украинского писателя и активного общественного деятеля, с 60-летием со дня рождения.

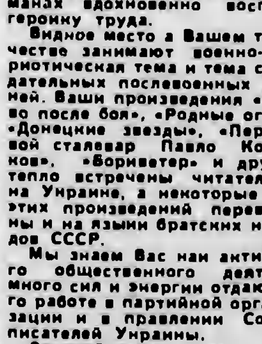
Придя в художественную литературу в годы первых пятилеток из рабочего коллектива, Вы в своих стихах, очерках, рассказах, повестях и романах вдохновенно воспели героику труда.

Видное место в Вашем творчестве занимают военно-патриотическая тема и тема созидательных послевоенных будней. Ваши произведения «Слово после боя», «Родные огни», «Донецкие звезды», «Передовой сталевар Павло Кочетков», «Бориветер» и другие тепло встречены читателями на Украине, а некоторые из этих произведений переведены и на языки братских народов СССР.

Мы знаем Вас как активного общественного деятеля, много сил и энергии отдающего работе в партийной организации и в правлении Союза писателей Украины.

От всей души желаем Вам доброго здоровья, новых творческих успехов, счастья».

Х. И. ТЕУНОВУ — 60 лет



Кабардинскому писателю Х. И. Теунову исполнилось 60 лет. Секретариат правления Союза писателей РСФСР направил юбиляру приветственную телеграмму, в которой говорится:

«От всей души поздравляем Вас, одного из ведущих кабардинских прозаиков, с 60-летним юбилеем. Ваши рассказы, повести и романы, посвященные современности и истории, известны широкому кругу читателей. От всей души желаем Вам восхождения на новые творческие высоты. Доброго Вам здоровья, счастья!»

«Литературная газета» присоединяется к этим поздравлениям.

РЕПЛИКА

ПО ВИНЕ РЕДАКТОРА...

Н. А. Некрасов. «Избранное». Издательство «Современник». М. 1971.

Вглядись, молодица,
смелее,
Каков воевода Мороз!
Навряд тебе парня сильнее
И КРЕПЧЕ видать
привелось...

Эти строки из «Мороза, Красного носа» Некрасова известны каждому с детства. Но вот что странно. Последние два стиха привычно звучали так: «Навряд тебе парня сильнее и КРАШЕ видать привелось?» Может быть, этим изменением мы обязаны разысканиям текстологов? Обращаюсь к одному, другому изданию. Везде — «и краше», а не «и крепче».

Нет, текстологи тут ни при чем. Непонятную правку в некрасовский текст внесло издательство «Современник», выпустившее юбилейный однотомник поэта. Но оказывается, это не единственный случай своевольного обращения с классическим текстом. Так, в другом месте поэмы (стр. 105) вместо строки «И, тихо, ПРЕРЫВИСТО ВОЯ, к высокой сосне подошла» напечатано так: «И, тихо, ПРЕРЫВИСТАЯ ВОЯ, к высокой сосне подошла». На страницах 138—139 некрасовская героиня Нанила Власьевна называется то правильно — Власьевной, то почему-то Власьевой.

Чем объяснить эти редакторские «вольности»? Нам достоверно известно, что в них совершенно не повинен подготовивший текст для издания кандидат филологических наук А. Л. Гришунин. Тем непростительнее небрежность издательского редактора М. Тарасовой.

В томе около двадцати грубых опечаток. На 24-й странице вместо «В СМЕШЕНИИ» дано «В СМЕЩЕНИИ»; на 88-й странице напечатано «ВЕДНЫЙ» вместо «ВЕДНОЙ»; на 197-й странице — «НЕУТОЛИМЫЙ» вместо «НЕУМОЛИМЫЙ»; на 237-й странице — «ЛОВИЛА» вместо «ДАВИЛА».

Последнее искажение относится уже к цитате из Добролюбова, приведенной в послесловии к сборнику.

Небрежность, допущенная издательством «Современник» при выпуске (100-тысячным тиражом!) «Избранного» Н. А. Некрасова, тем более досадна, что книга хорошо оформлена и могла бы стать украшением любой библиотеки.

Я. БАРКОВ

ЗИНАИДА АНТОНОВНА

Константин СИМОНОВ

ГЛАВА ИЗ НОВОЙ ПОВЕСТИ

Новая повесть Константина Симонова «Двадцать дней без войны» продолжает повести «Пантелеев», «Левашов», «Жена приехала...». Передавая нам главу из нового произведения, писатель сообщил корреспонденту «ЛГ», что он намерен написать еще несколько повестей, связанных и общим героем, и общим подзаголовком: «Из записок Лопатина».

— Быть может, когда-нибудь все вместе они сложатся в еще один роман о войне, — сказал К. Симонов. — В повести «Двадцать дней без войны» речь идет о поездке Лопатина в декабре 1942 года на Ленинградский фронт кружной дорогой, через Ташкент, Ашхабад и Каспийское море. В этой поездке у него происходят встречи с очень разными людьми. Одна из них — в доме его бывшей жены...

Повесть «Двадцать дней без войны» будет опубликована в журнале «Знамя».

— НАВЕРНО, я тебя никогда до конца не понимала, — сказала Ксения.

— Что правда, то правда, — угрюмо сказал Лопатин. Ему захотелось встать и уйти. И может, он и сделал бы это, если бы не вдруг раздавшийся в дверях женский голос:

— Ксения! Требуется твоя помощь.

Он оглянулся и увидел в дверях молодое женское лицо, показавшееся ему знакомым.

Ксения сорвалась с места и побежала к двери:

— Сейчас, сейчас, извини, пожалуйста.

Она была рада и этому голосу, и возможности улизнуть из комнаты. Раньше, пока Лопатин был ее мужем, она, попав в тупик и не зная, что говорить дальше, начинала или плакать, или плохо себя чувствовать. Но теперь, в ее новом положении, и то, и другое было бессмысленно.

Лопатин с усмешкой подумал об этом, когда за нею закрылась дверь. И в этой простой мысли была частица радовавшего его чувства освобождения от прошлого.

Через минуту в комнату вошла женщина, позвавшая Ксению. Вошла на высоких каблуках, быстрой походкой. И Лопатин почему-то, неизвестно почему, сразу заметил эту ее особенную, быструю походку. У нее были чуть-чуть широкие для женщины плечи, задорно посаженная голова с короткой мужской стрижкой и скуластое, словно заранее чему-то смеющееся лицо.

Теперь, когда она не заглянула, а вошла, Лопатин узнал ее. Это была та самая женщина, которая стояла и курила у окна в поезде.

— Здравствуйте, — сказала она, подходя к поднявшемуся ей навстречу Лопатину. — Вы — Василий Николаевич, а я — Нина Николаевна. Можно сокращенно — Ника. Ксения сказала, чтобы я посидела с вами или постояла, если вы не хотите сидеть.

Лопатин отметил про себя, что Ксению здесь звали Ксенией, а не Сюней. Ее новый муж сделал то, чего он так и не смог сделать, — заставил расстаться с этим не то кошачьим, не то собачьим именем — Сюня.

— Я вас почему-то не сразу узнал, — сказал Лопатин, — хотя в поезде неприлично пялился на вас.

— Постриглась после приезда, наверно, поэтому, — сказала она. — А я вас узнала раньше, чем вы пришли. По карточке, которая у Ксении. Хотя вы на ней в штатском и моложе, но все равно узнала того майора, с которым мы глазели друг на друга в вагоне.

— Я-то понятно, — сказал Лопатин. — А вы-то чего?

— Были причины. А сегодня сама напросилась к Ксении, потому что захотела с вами познакомиться, и приволокла свой пай. Теперь почти все так друг к другу ходят. Курицу, правда, очень худую.

Она смешно сморщила нос и улыбнулась.

— А с чего вам вдруг вздумалось со мной знакомиться? — спросил Лопатин тем бесцеремонно-дерзким тоном, который иногда брал в разговорах с сознающими свою красоту и самоуверенными женщинами. Этот тон как бы предупреждал: да, знаю, что не нравлюсь и вряд ли могу понравиться вам, но как раз поэтому остерегайтесь говорить при мне глупости или пошлости — может достаться на орехи!

— Вздумала с вами познакомиться, потому что прочла ваши корреспонденции из Сталинграда. А потом Ксения, держа в руках вашу карточку, так долго объясняла мне, почему она вас бросила, хотя вы и храбрый, и умный, и вообще предел совершенства, что я так ничего и не поняла. А я люблю все понимать.

— А чего тут понимать? Надоел, вот и бросила. Что, не бывает, что ли? — сказал Лопатин.

Наверное, женщина, сказав «бросила», ждала, что он возразит. Но он не возразил, удержался.

— «Брошена! Придуманное слово — разве я цветок или письмо?» — насмешливо, нараспев процитировала она. — Кстати, Ахматова сейчас здесь, у нас в Ташкенте.

— Уже наслышан об этом, — сказал Лопатин. — И стихи эти читал, когда мне было столько, сколько вам.

— Вряд ли. Мне двадцать девять. Даже двадцать девять и три четверти, так что считайте — уж тридцать! — сказала она.

— Тогда, стало быть, на несколько лет раньше, — сказал Лопатин. — Скажите-ка мне лучше, Ника, — он произнес ее имя с оттенком иронии, — не страшно вам называться Никой? Не слишком ли это величественно — именоваться богиней победы, особенно в военное время?

— Мне не страшно, — сказала она. — А если вам страшно — можете называть меня Ниной Николаевной.

— Хорошо, я подумаю над обоими вариантами, — без улыбки сказал Лопатин. — И простите мне мое невеселое любопытство: почему вы сейчас одна, а в поезде были другая. Такая, словно с вами что-то стряслось. Я пялил на вас глаза не только потому, что трудно было не пялить, но еще и потому, что подумал: с этой женщиной у соседнего окна что-то случилось.

— Сейчас я другая, потому что, наверно, не умею быть одинаковой. А там, в вагоне, мне правда было тяжело, потому, что...

— Не объясняйте, если не хотите, — сказал Лопатин.

— Наоборот, хочу объяснить, иначе бы не заговорила. Просто думаю, как сказать покороче. Я ездила к отцу, а он лежит в Кзыл-Орде в госпитале для безнадежных. Вы знаете, есть такие госпитали...

— Знаю, — сказал Лопатин.

— В таком, откуда уже сами не могут выйти. Только иногда их берут, а иногда не берут. Он и с руками, и с ногами, но у него после раны полный паралич, он уже никогда не встанет, а его жена хочет его взять. А он не хочет. И она написала мне, чтобы я приехала и помогла его уговорить.

— Уговорили? — спросил Лопатин.

— Нет, он не хочет, жалеет ее. Она еще молодая: ей и теперь всего тридцать пять. Он ушел к ней пятнадцать лет назад. И я все эти годы ненавидела ее из-за мамы. Но она хочет его взять. Она уже год там живет, снимает комнату и ходит к нему каждый день. И теперь, когда врачи окончательно сказали, что уже ничего не изменится, решила его взять. А он не соглашается. И ничего нельзя сделать, какой то тупик. Мне стыдно, что я ее столько лет ненавидела, хотя раньше считала, что это правильно. А сейчас не уверена: смогла бы я так, как она? Может, и не смогла бы.

— А почему считаете, что не смогли бы? — спросил Лопатин.

— А я всегда боюсь думать о себе лучше, а потом оказаться хуже. А вы разве не боитесь?

— Нет. Но вас, кажется, понял.

— Ну и хорошо, если поняли. А я ехала в поезде и думала об отце — как девчонкой, в первые годы после того, как он ушел от нас, желала ему из-за мамы хоть какого-нибудь несчастья. Не такого, конечно. А у него, наоборот, после того как он ушел от нас, до самой войны всегда все в жизни было хорошо. И когда я увидела вас, как вы стоите у окна с этими двумя вашими нашивками за ранения и с орденом, я подумала: почему так? Почему отец в первый же день, как только оказался с ополчением на фронте, был так страшно ранен? Один осколок — и все! И уже ничего никогда не будет хорошо. А вот стоит у окна человек, куда-то едет, наверно, к семье, и уже два раза был ранен, и выздоровел, и выглядит здоровым, и новенький орден получил, и лицо довольное. И, наверное, все у него хорошо. Почему так? И почему у отца, у которого всегда все было хорошо, вдруг сразу, в один день, в одну секунду все так безнадежно, навсегда? Вот видите, хотела сказать коротко, а сказала длинно и глупо, как будто я смотрела на вас и желала вам зла. Я совсем не желала вам зла. Но все равно — вот именно так нелепо и думала, как говорю вам. А потом оказалось, что это вы, и ничего особенно хорошего вас не ждет. Просто у вас вид такой, словно с вас все, как с гуся вода, — усмехнулась она. — Я за была папиросы на кухне, у вас есть?

Лопатин дал ей закурить.

— Наверно, в вас есть что-то располагающее к женским исповедям.

— Не терплю исповедей, — сказал Лопатин, — тем более женских. И самого слова «исповедь» не люблю — в нем есть что-то заранее заготовленное. А вы просто, наобум Лазаря, что подумали, то и сказали. Какая же это исповедь? Тем более — женская? Женские исповеди обычно предназначаются бабам в штанах. При всех своих недостатках, к ним не принадлежу. Исповедуйтесь-ка лучше, давно ли начали дымить?

— Недавно, уже в войну. Заметно?

— Заметно.

— А вы?

— Я с пятого класса реального. Сначала — или в уборной, или в рукав.

— А в войну не стали больше курить?

— Наоборот, стал меньше. Не всюду и не сразу достанешь курево.

— А все-таки когда опасно, сильней хочется курить?

— Как-то не связываю одно с другим. Когда опасно — боюсь, а когда хочется курить — курю, если есть что.

— Мне нравится, как вы со мной говорите.

— Очень рад.

— Скажите, Василий Николаевич...

Кажется, она хотела спросить что-то важное для нее, но в это время позвонили в коридоре, и она вышла открыть дверь.

«Сейчас увижу ее мужа», — подумал Лопатин о Ксении, совершенно не представляя себе, каким будет этот человек. От Ксении можно было ожидать чего угодно, и он мог быть каким угодно.

Вслед за вернувшейся в комнату женщиной, которую Лопатин мысленно продолжал называть Никой, вошли еще одна женщина, немолодая и непомерно высокая, и мужчина среднего роста, казавшийся рядом с ней маленьким.

У нового мужа Ксении, крепкого красивого блондина, было здоровое и спокойное лицо сильного и уверенного в себе человека. Он выглядел ровесником Ксении. Так, наверное, и было.

Лопатин сделал шаг навстречу высокой женщине, но она, неуклюже махнув на него рукой и не поздоровавшись, громко сказала, почти крикнула:

— Сейчас я вернусь! — и исчезла за дверью.

А новый муж Ксении пошел навстречу Лопатину и протянул ему холодную крепкую руку:

— Здравствуйте, Василий Николаевич: Веденеев! Рад, что вы согласились прийти к нам.

Лопатин покосился на Нику. Она стояла, сморщив свой смешливый нос. Кажется, ее забавляло, что она присутствует при этой встрече.

«Ну, что ж, присутствуй, раз не осталась там, в передней, как сделала бы на твоем месте другая женщина», — подумал о ней Лопатин и, протягивая новому мужу Ксении папиросы, сказал:

— Я тоже рад. И давайте для начала поставим все на свое место. Я — не потерпевший, вы не ответчик, а все, что произошло, — к общему благу. На том и будем стоять, сидеть и пить водку, если она у вас окажется.

— А теперь будем знакомиться с вами, Василий Николаевич, — снова входя в комнату, сказала высокая женщина, таким громким голосом, после которого в комнате сразу наступила тишина. — Я напудрила свой нос и считаю, что достаточно хороша для первого знакомства.

— Здравствуйте, Зинаида Антоновна, — целуя ее большую покрасневшую от мороза руку, сказал Лопатин. — Давно хотел и даже два раза надеялся с вами познакомиться, но не вышло.

— Только не врите, пожалуйста. Терпеть не могу, когда про меня врут, что я кусаюсь, брыкаюсь и вообще — ведьма! Если бы хотели — познакомились бы. Я добрая и тщеславная ведьма и никогда не кусаю тех, кому действительно нравлюсь. — Она первая расхохоталась собственным словам громким мужским смехом и отказалась от предложенной Лопатиным папиросы. — Не курю, хотя, наверно, мне это пошло бы. Особенно трубка. — Она снова хохотнула и бесцеремонно с ног до головы оглядела Лопатина. — После ваших корреспонденций с фронта считала, что вы геройский брюнет с усами. А вы нормальный интеллигент из дореволюционных студентов, похожий на моего мужа. Сколько вам лет?

— Сорок шесть, — сказал Лопатин.

— Столько же, сколько ему. И он тоже на фронте, начальником медсанбата. Врет мне в письмах, что это совершенно не опасно. Врет, да?

— Иногда врет, — сказал Лопатин.

— Это хорошо, что вы не соврали, — сказала она. — Старшим не надо врать, а я старше вас на целых семь лет.

Она выглядела моложе своих пятидесяти трех, но что-то в ее пронзительно-умном лице с горбатым мужским носом и копной седых волос мешало сказать ей это — что она выглядит моложе своих лет. Это было одно из тех лиц, которым придает обаяние старость, а не молодость.

— Я в первый раз видел вас на сцене давно, еще до революции, в «Макбете», — сказал Лопатин.

Она довольно хмыкнула:

— С галерки?

— С галерки.

— В этом слове есть какая-то театральная тайна, что-то неотразимо привлекательное для нас, артистов. Почему-то хочется, чтобы тебя до старости помнили именно те, что в молодости толклись на галерке. Воспоминания об артисте, увиденном с галерки, чем-то похожи на любимую вещь, купленную когда-то на толкучке. Логика отсутствует, но — похоже.

— Зинаида Антоновна теперь наш худрук, — сказал новый муж Ксении.

— Но они скоро выгонят меня обратно в актрисы, — хмыкнула она. — Потому что я твержу им, что театр — это храм, и не позволяю ходить по сцене в валенках. Даже на черновых репетициях.

То, что она теперь худрук, пожалуй, было единственным, чего не знал о ней Лопатин. Все остальное знал. И если бы не был занят мыслями о том, как выглядит новый муж Ксении, конечно, как только она заглянула в дверь, сразу узнал бы в ней ту одинаково ошеломлявшую остротой своей игры и в трагедиях, и в фарсах актрису, которую многие в Москве считали то слишком резкой, то слишком эксцентричной, но которая на самом деле была просто-напросто великой. И оставалась великой актрисой, даже когда проваливалась. А это с ней тоже бывало.

Вот и сейчас она пришла в этот чужой Лопатину дом, в эту чужую комнату — и в доме, и в комнате все сразу стало каким-то другим. Что-то, до этого забытое, вдруг стало самым важным. А что-то, казавшееся самым важным, оттеснилось в сторону. Она, как на сцене, в театре, вдруг растолкала в стороны всех других, приготовившихся играть в этой комнате свои, другие роли. И все, что — не будь здесь этой великой актрисы, — наверно, бросалось бы в глаза Лопатину, стало незаметным и незначительным.

Теперь он только мельком заметил, как обменивались между собой понимающими взглядами Ксения и ее новый муж, и как Ксения с понятной, но все-таки чуть-чуть смешной торжественностью поставила посредине стола довольно большое блюдо с пловом, и как она заколебалась, кого рядом с кем посадить.

Ксения весь ужин радовалась тому, как они красиво, по ее мнению, расстались и красиво теперь встретились. Хотя одно было неизбежным, а другое вышло случайно. И они просто-напросто не причинили друг другу лишнего зла. Только и всего.

Но и эти мысли о Ксении только минутами появлялись у Лопатина и сразу же исчезали, и даже инстинктивно тревожившее его молчаливое внимание рядом с ним сидевшей Ники было все-таки чем-то вторым, не самым главным за этим столом.

А самым главным была все равно вот эта сидевшая напротив него, давно знакомая ему по сцене немолодая и некрасивая женщина с мужским орлиным носом, смотревшая ему прямо в глаза с таким откровенным и жадным интересом, словно она не смотрела, а ела ложкой все, что он говорил и думал, отвечая на ее вопросы.

Ксения сначала посадила актрису рядом с Лопатиным, но Зинаида Антоновна, задав ему два или три вопроса, поднялась и обменялась местами с посаженной напротив него Никой, сказав, что Нине Николаевне, наверное, все равно, а она не умеет говорить с людьми в профиль.

Она называла всех сидевших за столом — и Нику, и Ксению, и ее нового мужа — только по именам и отчествам. Лопатин вспомнил слышанный еще до войны, в Москве, рассказ, что она в театре всегда зовет по именам и отчествам даже студийцев, мальчишек и девчонок, — и он посреди разговора спросил, правда ли это.

— Разумеется! Я привыкла к напраслинам, но это как раз правда, — сказала она. — А кто дал мне право, работая в одном с ними театре, обращаться к ним как-то по-другому, чем они обращаются ко мне, — возраст, должность, звание или относительно бо́льшая, чем у них, известность? Что? Неужели вам не стыдно перед другим человеком, когда вы по собственному произволу присваиваете себе право называть его, как вам вздумается, — на «ты» или на «вы», по имени или по имени-отчеству, а у него по отношению к вам этого права нет; вы заранее мысленно лишили его этого права! Не выношу — «Петька», «Колька», «поди», «принеси» — и мне никто не Колька, и я никому не Зинка — ни в пятьдесят, ни в двадцать. Не люблю произвола! Терпеть не могу! — не сказала, а крикнула она в лицо Лопатину.

Он вздрогнул от неожиданности. Внутренняя сила этого выкрика так далеко отстояла от всего, казалось бы, частного и не для всех обязательного, о чем она только что говорила, что он ощутил за этим целую книгу не прочитанных им, но давно и стойко выстраданных мыслей, имевших отношение не к именам и отчествам, а к жизни.

— Зинаида Антоновна, по-моему, вы даже напугали Василия Николаевича, — услышал он сбоку от себя насмешливый голос Ники.

— Он фронтовик, ему нельзя пугаться ничего — даже меня! — хохотнула своим мужским смехом Зинаида Антоновна и удержала нового мужа Ксении, пытавшегося налить ей водки. — Я уже сказала вам раз и навсегда: не поите меня водкой, я от нее сатанею. Лучше добавьте мне плова, я от него добрею!

Подложив ей плова, он все еще продолжал держать бутылку в руке:

— Ну всего одну, за фронтовиков! И за вашего мужа, и за Василия Николаевича, и вообще за всех.

— Не буду, это бессмысленно! Им все равно не станет от этого легче.

Она перевернула свою рюмку вверх дном и снова уперлась глазами в Лопатина:

— Ответьте мне, но только правду, — вы сами, своими руками убивали немцев?

— Может быть, — сказал Лопатин. — Но не думаю.

— Как это понять — не думаете?

— Очень просто, — сказал Лопатин. — В начале войны несколько раз вместе с другими стрелял в немцев из винтовки, а этой осенью один раз — из пулемета, но не уверен, что именно я попадал в них.

— Теперь поняла. А вам хотелось, чтобы их убивал не кто-то другой, а вы сами?

Лопатин пожал плечами и сказал, что он как-то не думал об этом в применении к себе. Думал обо всем, вместе взятом: что фашистов необходимо убивать, потому что иначе не победишь, и что хорошо, когда мы их убиваем, а сами остаемся в живых, и плохо, когда все получается наоборот. Об этом он, в сущности, и пишет всю войну. Конечно, не только об этом, но почти всегда и об этом, потому что это и есть война.

— Это поняла, — сказала Зинаида Антоновна. — Но ответьте, испытали бы вы удовлетворение или даже наслаждение, если бы точно знали, что не кто-то другой, а именно вы убили одного или нескольких фашистов?

— Удовлетворение, пожалуй... — сказал Лопатин. — А слово «наслаждение» мне не нравится, мало подходит к войне.

— А как же быть со словами «есть упоение в бою»?..

— Не знаю, как быть с этими словами, впрочем, как и со многими другими, написанными на эту тему, — сказал Лопатин. — Я не перечитывал своих корреспонденций, но думаю, что слова «упоение» в них нет. Не приходило в голову...

Ему показалось, что она не просто спрашивает, а докапывается до чего-то очень важного для нее самой, и он, отвечая, испытывал еще не до конца понятное ему самому чувство ответственности за каждое сказанное слово.

— И еще вот что скажите мне, — она продолжала внимательно смотреть прямо в глаза Лопатину. — Вот вы, фронтовик...

— Для точности я не совсем фронтовик, — перебил Лопатин. — Я человек, по долгу службы бывающий на войне...

— Ну, человек, бывающий на войне, ответьте мне: что значит для вас решимость умереть за Родину? Какое чувство за этим стоит?

— Это не чувство, — сказал Лопатин. — Да и решимость умереть — не совсем те слова, и даже совсем не те... Как это так — решимость умереть! Решимость умереть — это из области самоубийства. На войне точнее говорить о решимости сделать все, что от тебя зависит, в условиях, когда это грозит смертью. Иногда — вероятной и как крайность — почти неизбежной. Какое чувство стоит за этим? Наверное, все-таки желание жить, даже перед лицом неизбежности. Без этого до самого конца остающегося чувства нет и самопожертвования.

— Так, значит, чувство все-таки есть?

— Значит, все-таки есть, — согласился Лопатин. — Я говорю не о себе, а просто думаю сейчас вдвоем с вами.

Лопатин услышал, как облегченно вздохнула Ксения, — боялась, что он взорвется! Помнила по себе, как это с ним бывало, когда она приставала к нему, и боялась, не понимая разницы между собой и этой женщиной, между ее и своими вопросами.

— У вас сделались злые глаза, — сказала Зинаида Антоновна. — Это потому, что я вас заставила думать о том, о чем вы не хотите или устали думать. Не злитесь на меня! Я мучаю не вас первого, потому что ставлю здесь, в Ташкенте, пьесу о войне, не имея о ней собственного представления. Я уже стара и хорошо знаю, как страдают, и как умирают люди, и как они узнают о смерти других людей, и как боятся за их жизнь, но всего этого недостаточно, чтобы поставить пьесу о войне. Мне нужно знать о ней что-то еще, и я добиваюсь это знать! Мне нравится пьеса, мне кажется, что она честная, я уверена в чувствах автора, но не уверена в произносимых со сцены словах. Иногда в самих словах, а иногда в том, как их произносят на репетициях актеры.

— Вот на вас и проверили некоторые из этих слов, заставили вас поработать для нашего театра! — сказал новый муж Ксении. — Тут еще у нас — открою секрет — наша молодая актриса, исполнительница главной роли, только что вернулась с фронта. Была три месяца во фронтовой бригаде и очень активно ведет себя на репетициях — все знает и всем объясняет. А Зинаида Антоновна со свойственной ей деликатностью...

— Мне не свойственна деликатность, — огрызнулась на мужа Ксении доедавшая плов Зинаида Антоновна. — Вы прекрасно знаете, как я затыкаю рты и заслуженным, и народным, если они на репетициях, как тетерева на току, начинают слушать только самих себя. Но я люблю потрясенных людей. А Лидия Андреевна вернулась с фронта потрясенная. И я прислушиваюсь к ее потрясенности, для меня это — звук войны!

— Вы, как всегда, увлекаетесь, — сказал муж Ксении.

— А я предупреждала вас, что буду увлекаться, когда вы на свою голову уговаривали меня стать худруком. Я предупреждала вас, что я нелепая и никогда не буду лепой. И не собираюсь быть лепой. И вы еще раскаетесь, что связались со мной, как уж не раз раскаивались другие.

— Ничего, выдюжу, — спокойно сказал муж Ксении и как ни в чем не бывало повернулся к Лопатину: — Насчет наслаждения убивать немцев — это как раз наша вернувшаяся с фронта актриса. Она где-то там стреляла из орудия, и сама видела, как снаряд попал на дороге в машину с немцами и поубивал их. Во всяком случае, так она рассказывает. Ну и, главное, конечно, — о своих чувствах по такому поводу.

Лопатин усмехнулся, легко представив себе, как все это могло происходить на самом деле. Актрису вместе с ее товарищами после выступления, наверно, повезли куда-нибудь на спокойный участок, на позиции тяжелой артиллерии, и там, в зависимости от калибра, километрах в трех или в пяти от передовой дали ей дернуть за шнур, произвести выстрел по заранее подготовленным данным. Снаряд разорвался на каком-нибудь обстреливаемом нашим беспокоящим огнем участке немецкой фронтовой дороги. И если повезло — во что-то попали, и наши артиллерийские наблюдатели донесли с передовой на огневую, где дергала за шнур актриса, об удачном попадании.

Он ничего не сказал вслух, всего-навсего усмехнулся. Но Зинаида Антоновна гневно вцепилась в его мимолетную усмешку и стала требовать, чтобы он сказал то, что подумал.

И он сказал то, что подумал. И хотя человеколюбиво удержал себя от иронии, даже ни разу не улыбнулся, она все равно почувствовала недосказанное и заорала на него:

— Не смейте смеяться, слышите! Не смейте смеяться над нею! Даже если она немножко приврала, все равно она вернулась потрясенная! И всем нам было важно это слышать. Не ее слова и даже не ее вранье, если оно было, а ее потрясенность!

В той страстной убежденности, с которой она выкрикивала все это, была и частица нелепости, и частица беззащитности. Она была беззащитна в этом споре с ним, но в то же время она с такой страстью искала правду, что ему вдруг показалось, что она, не знающая о войне и десятой доли того, что знает он, способна в конце концов силой этой страсти и таланта доискаться чего-то такого, чего он сам, при всем своем знании войны, еще не доискался и не дошуется. И ему уже не хотелось ни спорить с ней, ни доказывать, что дважды два — четыре, ни подшучивать над той, приехавшей с фронта и привиравшей актрисой.

— Что вы на меня уставились? — спросила она, накричавшись. — Наверно, считаете, что я легковерная дура?

— Уставился на вас с такой же любовью, как когда-то с галерки, и даже с еще большей, — сказал Лопатин. — А легковерных людей я люблю. И уж если выбирать одно из двух — люблю их куда больше, чем тех, кто с таким трудом верит другим, что перестает верить себе.

Она хмыкнула носом и беззащитно смахнула слезу в уголке глаза:

— У вас злой ум и доброе сердце!

Сказала так громко и решительно, на всю комнату, как будто подписала окончательный приговор Лопатину, сидевшему напротив нее и ждавшему этого. И Лопатин невольно улыбнулся — не над ней, сказавшей это, а над самим собой. У него не злой ум, просто он любит точность, вот и все. А там, где она это вычитала, кстати, стоит — не злой, а «озлобленный».

— Не улыбайтесь, — сказала Зинаида Антоновна. — Это не я придумала, это у Пушкина в «Путешествии в Арзрум».

— Я знаю, — сказал Лопатин.

— Вы вообще много знаете. Так делитесь! Тем более что вы уже не вернетесь сюда и я вас не увижу, — сказала она и, совершенно забыв о присутствующих, стала расспрашивать Лопатина о разных подробностях фронтовой жизни.

У нее был этот дар — забывать о присутствующих; он был не всегда удобной для других частью ее душевной силы.

Вопросы были разные — и удивлявшие Лопатина своей проницательностью, и удивлявшие своей наивностью. Но и в этой наивности тоже присутствовала сила души, не боящейся наивных вопросов, тот глубокий интерес к людям, при котором стремление знать — важнее самолюбивой боязни показаться глупой.

Лопатин отвечал, как умел и мог. Он уважал людей, которые не боятся спрашивать...

— Вдруг мы и правда здесь уже не увидимся, — сказала молчавшая почти весь вечер Ксения, когда Лопатин уже поздно ночью поднялся прощаться. — Можно я тебя поцелую?

Она потянулась и поцеловала Лопатина в лоб, прошептав при этом:

— Все было так хорошо.

«Молчала бы уж до конца», — беззлобно подумал Лопатин.

— Я пойду провожу вас через проходные дворы, это гораздо ближе, — уже в передней сказал муж Ксении и полез в рукав шубы.

— Не стоит, — сказал Лопатин. — Я обойду, тут все равно недалеко...

Но муж Ксении уже влез во второй рукав шубы, и останавливать его было неудобно.

Они вышли вместе. Ночь была тихая и морозная. Под ногами хрустел снег. Муж Ксении молча шел через проходные дворы, шагая чуть впереди Лопатина, показывая ему дорогу.

Кто его знает, о чем думает сейчас этот молчаливый человек. Неизвестно, какой он сам. Известно только одно — Ксения при нем стала лучше, чем была до него. Промолчала сегодня почти весь вечер, не мешала другим говорить о чем-то другом, кроме нее.

Лопатин с усмешкой вспомнил о своих напрасных стараниях научить ее сначала думать, а потом говорить. «Я так и не научил, а этот, очевидно, научил. Интересно, как? Поколачивает он ее, что ли, чтоб не болтала? Не похоже, но кто их знает? Иногда и самому хотелось с отчаяния отлупить ее, чтоб не трещала над ухом. А у этого помалкивает — и ничего! Еще и смотрит на него при этом влюбленными глазами. А может, вообще все проще простого: его любит, а тебя никогда и не любила? Какая это любовь при полной неспособности подумать о другом человеке — что для него хорошо и что плохо? Вот уж о чем она никогда не думала! А теперь, наверное, думает».

Когда подошли к дому, где жил Вячеслав Викторович, и остановились проститься, так и не сказав друг другу по дороге ни слова, муж Ксении по-старомодному снял шапку:

— Разрешите откланяться. — И, пожав Лопатину руку, в последний момент добавил: — Хочу, чтобы вы знали только одно. Если вдруг сложатся обстоятельства, при которых для вашей дочери окажется необходимым жить здесь, с нами, я вполне готов к этому.

Сказал, повернулся и пошел.

Лопатин стоял и глядел ему вслед.

Обстоятельствами, которые могли вдруг этого потребовать, была война, на которой тебя могли вдруг убить. Об этом и шла речь. Ну что ж, спасибо и на том...

КИНО

«ЮМОР — ОЧЕНЬ ЦЕННЫЙ МЕТАЛЛ...»

КОМЕДИЯ СЕГОДНЯ: УСПЕХИ И ПРОСЧЕТЫ

Б. ГАЛАНОВ

ЗРИТЕЛЬ ЛЮБИТ КИНОКОМЕДИЮ. «МАЛО ХОРОШИХ КОМЕДИЙ!» — ТРАДИЦИОННЫЙ УПРЕК КИНЕМАТОГРАФИСТАМ. «БОЛЬШЕ ХОРОШИХ КОМЕДИЙ!» — ТРАДИЦИОННАЯ ПРОСЬБА К НИМ.

СЕГОДНЯ В ЭТОМ ЖАНРЕ—ЗАМЕТНОЕ ОЖИВЛЕНИЕ. ЕЩЕ НЕ «ЧАС ПИК», НО УЖЕ НЕ «МЕРТВЫЙ СЕЗОН». С УДОВОЛЬСТВИЕМ ВСМАТРИВАЯСЬ В «ПОВЕСЕЛЕВШИЙ» ЭКРАН, ЗРИТЕЛЬ ВСЕ-ТАКИ НЕ ВСЕГДА БЫВАЕТ УДОВЛЕТВОРЕН.

«ЛГ» ПУБЛИКУЕТ СЕГОДНЯ ЗАМЕТКИ КРИТИКА О НОВЫХ КОМЕДИЙНЫХ ФИЛЬМАХ. КОРРЕСПОНДЕНТ ГАЗЕТЫ Е. ТОЛЧЕНОВА ВСТРЕТИЛАСЬ С АКТЕРАМИ — МАСТЕРАМИ СМЕХА, ЗАДАЛА ИМ НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ, ПОИНТЕРЕСОВАЛАСЬ, ЧТО ДУМАЮТ ОНИ О ЛЮБИМОМ ЖАНРЕ.

Кадры из телевизионного фильма «Бумбараш»

НАЧАЛО нынешнего года ознаменовалось появлением нескольких новых комедийных фильмов. Уже были в прокате «Джентльмены удачи». На очереди — «Старики-разбойники». Состоялась премьера цветного двухсерийного телевизионного фильма «Бумбараш» — интересная попытка создания героической комедии на стыке нескольких жанров. Прибавим к списку «Двенадцать стульев» — они еще свежи в памяти зрителей — и под впечатлением всех этих фильмов поразмышляем о комедии, желанной, но, увы, не частой гостье наших экранов и телеэкранов. Разумеется, мы имеем в виду не комедии-суррогаты, авторы которых, спекулируя на любви зрителей к веселой шутке и юмору, пытаются выдать фальшивый блеск за подлинное сияние, — таких комедий хватает с лихвой. Нет, речь о комедиях, которые помогают укреплять хорошее настроение, заставляют смеяться до слез, не потрафляя, однако, дешевым вкусам, о комедиях, где с глубиной и серьезностью замысла соединяются щедрая на выдумку комедийность и с комедийной выдумкой лирика, потому что смех без лирики часто на поверку оказывается холодным, пустым и равнодушным. И уж если быть до конца откровенными — о комедиях, которые нелегко даются в руки даже признанных мастеров этого жанра. Ведь юмор, как справедливо заметил когда-то Евгений Петров, — очень ценный металл. Нельзя по старинке шарить на приисках, уже давным-давно опустошенных другими, если, конечно, художник не намерен пробавляться избитыми ситуациями и затертыми остротами.

Постановщику фильма «Двенадцать стульев» Л. Гайдаю и сценаристу В. Бахнову в чем-то, наверное, было легче, чем многим их коллегам, а в чем-то и потруднее. Легче, потому что на страницах «Двенадцати стульев» вдосталь хватает редкого металла, цену которому знает каждый комедиограф. И очень хорошо, конечно, что в наши дни веселый смех Ильфа и Петрова зазвучал с экранов, что фильм привлек внимание и интерес. Труднее, потому что переложение знаменитой книги Ильфа и Петрова на язык кинематографа требовало вкуса, находчивости, не только творческой дерзости, но и такта, осмотрительности, ограждающих от опасной легкости в обращении с материалом комедии.

Когда смотришь фильм «Двенадцать стульев», вольно или невольно ловишь себя на мысли, что Остап Бендер, обретя новое, экранное существование, оказался как бы пониженным в чине. У Ильфа и Петрова Остап не просто жулик. Он плут и свою родословную ведет от героев классических плутовских романов. В фильме плута то и дело разжалуют в жулика. Но классический плут и мелкий жулик — не одно и то же. Заурядному персонажу Ильф и Петров не стали бы передавать собственное остроумие. А Остап—человек незаурядный, не просто комбинатор — «великий комбинатор» (только впустую растративший все свои способности).

Я начал с этого примера, потому что сплошь и рядом, даже в хороших фильмах, совершается обидное обесцвечивание характера комедийного героя. Художник словно бы робеет, пасует перед необычным, неординарным героем, в котором угадываются не одни лишь смешные черты. Однако же комедийному герою выпадает задача не только веселить и забавлять публику, а комедийные ситуации должны возбуждать не только «утробный» смех. Да и то сказать, разве комедия положений — единственная законная дочь Талии, музы комедии? Комедия характеров имеет на нее не меньше прав. Правда, в высокой сатирической комедии глубокий внутренний комизм органически перекрещивается с комизмом чисто внешним. Водевильное падение Бобчинского в «Ревизоре» или же рассеянность Городничего, пытающегося напялить на голову футляр от шляпы вместо самой шляпы, давно уже стали хрестоматийными примерами и не раз приводились в подтверждение этого тезиса. Худо другое: когда фильм, задуманный как комедия характеров, постепенно сползает к комедии положений, да еще весьма непритязательной, где авторам и сказать-то нам нечего. Скорчил человек смешную гримасу — спровоцировал смех в зале, хорошо! Проехался на собственном заду — опять засмеялись, вот и отлично! Но бесконечные комбинации комедийных аттракционов, которые «не работают» ни на замысел автора, ни на характеры героев, очень быстро успевают наскучить.

Справедливое пожелание высказал не так давно в «Правде» артист Евгений Леонов о том, чтобы современная веселая советская комедия была интеллектуальной в глубоком значении этого слова — будила в первую очередь мысль. «Хохотать до колик в животе, как на сеансе «Фантомаса», мыслящему зрителю надоедает уже к середине первой серии». Сам Леонов в новой кинокомедии «Джентльмены удачи», где он сыграл роль симпатичного заведующего детским садом Трошкина (и вора-рецидивиста Доцента), вероятно, искал в комедийном образе Трошкина не только «потешные» черты. И не вина Леонова, что ему часто приходилось довольствоваться грубоватым комикованием. Не знаю, как вам, а мне было досадно за актера, когда он ползал по лужам, пачкался в грязи, когда, нагоняя страх на будущих своих «коллег» бандитов, Трошкин визжал, рычал, прыгал, бил себя в грудь, хотя и воздаешь должное комедийному таланту актера даже в таких вот далеко не первосортных сценах.

Разумеется, история скромного, застенчивого заведующего детским садом, в силу странных и невероятных обстоятельств неожиданно оказавшегося во главе шайки воров, содержала свой комедийный заряд, свои комедийные контрасты и несоответствия. Не говорю уже о том, что такие краски артистического дарования Е. Леонова, как мягкость, доброта, человечность, отлично накладывались на характер его героя. Но режиссер А. Серый, сценаристы В. Токарева и Г. Данелия, пожалуй, переусердствовали в изобретении комедийных несоответствий и преувеличений.

Да, законы смешного допускают высокую степень комедийных преувеличений. Однако без грубых натяжек сюжета, фальши, искусственности, рассчитанных на непривередливых потребителей смешного. А иначе характер комедийного героя, как в «Джентльменах удачи», оказывается укороченным, троица правонарушителей начинает смахивать на эстрадное трио, и эстрадная бойкость появляется там, где с юмором могут соседствовать лирика и даже драматизм. Пусть комедийный герой не спешит откалывать лихие коленца. Пусть автор помогает ему думать и даже разыгрывать маленькие драмы, окрашенные комедийной грустью. Все это ведь не противопоказано комедии.

Вот на какие размышления наводят «Джентльмены удачи». И не только они.

В НОВОЙ комедии Э. Брагинского и Э. Рязанова «Старики-разбойники», как и в других комедиях этих двух талантливых соавторов, есть прочная жизненная основа, есть благородная, гуманная, всех нас касающаяся идея — об уважении к старости, к людям, которые, шагнув в пенсионный возраст, хотят еще приносить пользу обществу. Дайте им дело по плечу, и вы сами убедитесь — настоящие старики разбойники.

Что ж, и весело, и серьезно! К сожалению, в какой-то момент комедия соскальзывает на пустоватый анекдот. Завоевав расположение зрителей, старики, пожалуй, этим доверием и злоупотребили. Их разбойничьи выходки в конце концов перестают смешить. Как не смешит смех, утративший силу, лишенный мысли.

Кому-кому, а уж комедийному герою прощаются самые фантастические, уму не постижимые выходки. Когда в «Стариках-разбойниках» следователю Мячикову приходит срок выйти на пенсию, он вместе со своим другом инженером Воробьевым затевает похищение из музея картины Рембрандта, чтобы потом самолично «найти» картину и доказать всем: он, Мячиков, гроза для преступников. Невероятно! Но мы готовы принять предложенные нам условия комедийной игры. А блистательный дуэт «похитителей» Ю. Никулин — Е. Евстигнеев, концертно разыгрывающих сцену в музее, вознаграждает нас за это.

Однако в силу совершенно непредвиденных комедийных обстоятельств Мячикову не удается стать героем дня. Тогда Воробьев инсценирует новое «преступление». Разумеется, друзья уверены, что «расследование» этого дела наконец-то принесет Мячикову лавры победителя.

Смешно? Не очень.

Действие уже явно топчется на месте. Но это еще полбеды. Комедийные трюки заслонили, приглушили реальное содержание.

Ведь для того, чтобы посрамить молодого расторопного карьериста Проскудина и доказать, что энергии и изобретательности у стариков не меньше, Мячикову, может быть, совсем не нужно было ввергаться в нелепые авантюры. Конечно, комедия есть комедия! Но я вполне допускаю, что Мячиков (все-таки многолетний опыт пошел впрок) мог бы, не выходя из-за стола, логическим путем распутать любое преступление, как незабвенный патер Браун из рассказов Честертона. А самонадеянный грубиян Проскудин пускай в это время в мыле мечется по городу, добывая улики. Мячиков уже успел разгадать все загадки.

Но с какой стати обсуждать иные варианты? Фильм закончен. А художника, как известно, должно судить по законам, им самим над собою признанным. Просто размышляя о судьбах героев комедий, мы нередко обнаруживаем, что комедийные несоответствия и преувеличения лишены «всякого инстинкта истины» (Белинский) и что герою не представляется возможности проявить себя ни с какой другой стороны, кроме как с глупо-наивно-комической. А этого еще недостаточно для открытия интересного и по-своему значительного комедийного характера, каким стал, например, Юрий Деточкин в умном и веселом фильме Брагинского и Рязанова «Берегись автомобиля».

ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ фильм «Бумбараш», снятый на Студии имени Довженко, стоит в нашем обзоре несколько особняком. Во-первых, это история героико-комическая, а не бытовая. Во-вторых, чисто комедийным фильмом «Бумбараш» назвать нельзя, хотя юмор и входит в его ткань как один из необходимейших элементов. Но есть и общие проблемы. В каждом из этих фильмов они решались по-своему, а по существу не так уж отдалены друг от друга.

Сколько раз в связи с экранизацией литературных произведений в критике завязывались жаркие перепалки! Не слишком ли вольно режиссер обошелся с первоисточником? Что плохо, разумеется. А может быть, слепо следовал за оригиналом? Что тоже к добру не приведет. Или же вообще не сумел найти в арсенале кинематографа средств, адекватных словесным. Для подобных опасений «Бумбараш», по-моему, дает мало оснований. Режиссеры Н. Рашеев, А. Народицкий и сценарист Е. Митько сохранают верность духу произведения Аркадия Гайдара и когда строго следуют за ним, и когда отклоняются, и когда используют мотивы других произведений Гайдара, «дописывал» для экрана повесть, не законченную автором. Однако в любом случае нас не покидает ощущение, что фильм сделан «по-гайдаровски», с ясным сознанием того, что сам писатель принял бы и одобрил, а что не принял бы и не одобрил.

«Бумбараш» поставлен в озорной, гротесковой манере таких фильмов, как «Белое солнце пустыни», «Не горюй!», «Гори, гори, моя звезда». Тут вольно соединяются лирика и юмор, героическая драма, эпос, веселая комедия, а теперь и мюзикл тоже, потому что песням композитора В. Дашкевича (слова поэта Ю. Михайлова) в фильме отведена важная роль. И все это вместе дает очень интересный сплав.

Бумбараш солдатом сражался в Галиции, попал в плен, а когда первая мировая война окончилась и пленных обменяли, поехал назад в Россию. Так начинается одна из обыкновенных биографий необыкновенного времени. Паровоз, на котором Бумбараш весело подкатил к родному краю, до самых колес увешан узлами и чемоданами, а люди на паровозе — гранатами и бомбами. Отвоевался Бумбараш! Теперь бы жениться, пахать, сеять, не разбирая, где красные, где белые и зеленые.

Но как ни старается Бумбараш, прожить в стороне от схватки ему не удается. Сама логика борьбы приводит его под красный стяг. В. Золотухин играет Бумбараша весело, зло, озорно. Его Бумбараш — живой, реальный человек, а в то же время в этом свойском, веселом скитальце-солдате есть что-то от героя народных сказок, который из всех бед выходит с победой, невредимым. И совсем не потому, что в Бумбараше скрыты «силы несметные». И не потому, что такой уж он находчивый, ловкий, сметливый. А потому, что Бумбараш воплощает в себе неистребимую силу жизни. И совершенно естественно вписывается в эти просторы, в этот поэтический пейзаж с лесами, полями, реками и облаками.

Враги в фильме—страшные, опасные, но и смешные. Очень смешные. В этом как бы нашел свое выражение давнишний совет Горького в мрачном, злом «личнике» врага находить, изображать не всегда видимые простым глазом смешные искривления.

В образах бандита Гаврилки Полуаллова и атаманши Соньки смешные искривления последовательно доведены до гротеска. Кстати говоря, актриса Е. Васильева отлично почувствовала и передала эту гротесковость, не лишив, однако, свою атаманшу реальности и правдоподобия. Бывшая нафешантанная дива в бандитском логове переодевается в маскарадные наряды, наслаждается цыганскими романсами, плещется на лесной поляне в ванне, которую возит за собой. «Какая я бандитка, я петербургская этуль», — вкрадчиво убеждает атаманша друга-приятеля Бумбараша Яшну, а потом приказывает закопать Яшну живьем в землю.

В этом огромном мире, расколотом войной, авторы находят краски и для драматических коллизий, и для комических. По одной дороге, а разных направлениях, вправо, влево, вверх, вниз, одновременно будут вышагивать анархисты и монархисты, белые и зеленые, будет мотаться в бричке разряженная в пух и прах атаманша. Что это — смешная подробность? Да, но из тех, что делают сильной комедию, — сконцентрированная, сгущенная в двух-трех мимолетных недрах до сатирической гиперболы. Прошли, проехали и пропали, сгинули без следа — и какие-то в устрашающих черных мундирах, и эти, в лохматых папахах, и те, в защитных хани, — новоявленные кандидаты в правители России. Они еще хорохорятся, еще огрызаются, но бойцы дивизии имени «Взятия Бастилии парижскими коммунарами» уже знают, что победят, и сердитый рыжебородый командир знает, и усталый ротный с серьезными, но все равно веселыми глазами и с красной звездочной на смятой фуражке.

Авторы всматриваются в них глазами Гайдара — с гордостью, любовью, с мягким юмором. И, посмеиваясь порой над их максимализмом, мы понимаем и оправдываем суровость красного командира, который долгое время будет принимать Бумбараша за чужака. А это в свою очередь даст повод для целой серии трагикомических осложнений.

Однако назло всем бедам, вопреки всем смертям в фильме живет торжество победы, ощущение праздника, карнавальной красочности народного лубка. И солдат с звонким, веселым именем Бумбараш, становящийся в ряды борцов революции, остается в памяти зрителей как создание живой поэзии.

ВОЗМОЖНОСТИ комедийных жанров безграничны. И фильмы, о которых говорилось в этих заметках, при всех достоинствах и недостатках, каждый по-своему напоминают об этом. Важно только, чтобы юмором, этим очень ценным металлом, не пытались прикрыть бедность содержания, юмор в таких случаях имеет свойство утрачивать свою ценность. Пусть это не покажется парадоксом, но смех в зрительном зале не всегда служит мерилом успеха комедии. Плохо, если комедия не вызвала у нас даже улыбки. Но если, выйдя из кинозала, мы с чувством неловкости и смущения вспоминаем о том, над какими глупостями нас приглашали посмеяться, — это ведь тоже плохо аттестует комедиографов. Конечно, внешнее всегда остается источником смешного, но, по слову Белинского, для истинного комизма внешность важна не сама по себе. Она является выражением внутреннего мира человека, его понятий и чувств.

Интервью «ЛГ»

Юрий НИКУЛИН

— Ваша последняя работа в кинокомедии?

— Только что закончились съемки картины «Точка, точка, запятая» режиссера А. Митты на киностудии «Мосфильм». У меня там небольшая роль. Но зато я — отец главного героя. Нельзя сказать, что роль чисто комедийная, но она с юмором. Человек никак не хочет жить вместе с временем, его вкусы остановились где-то на годах юности, а отсюда и все неурядицы.

Доволен ли я? Ничего не могу сказать. Всегда по окончании работы меня мучает мысль, что можно было бы сделать лучше, ярче. Возникает ощущение непоправимой утраты. Даже при успехе. А самое горькое ощущение бывает тогда, когда действительно работа не удалась. Об этом состоянии очень точно сказала как-то Фаина Раневская: «Сняться в плохом фильме — все равно что плюнуть в вечность».

— Вероятно, на съемочной площадке еще трудно судить о будущем фильме?

— У меня лично есть несколько примет, по которым сужу — удалась работа или нет (пока они меня не обманывали). Так, если на съемочной площадке актеры слишком уж веселятся, соревнуясь в остроумии, это не бог весть как хорошо. Лучше ругаться, спорить — глядишь, в результате получилась дельная картина. И еще у нас, клоунов, есть старинное правило: зритель обязательно должен смеяться к концу твоего выступления. Если клоун уходит под шелест своих шагов, а зритель молчит, хотя вначале заливался от смеха, считай, твой номер не удался. Так же, на мой взгляд, и в кинокомедии — пороха должно хватить до самого конца.

— Зрители часто жалуются, что мало комедий...

— Из каждых пяти сценариев, что мне присылают, — четыре комедийных. А вот по-настоящему удачных очень мало. Как это ни обидно для драматургов, но складывается мнение, что хороших комедийных артистов в нашей стране неизмеримо больше, чем хороших сценаристов. Где уж тут думать о такой роскоши, как сценарий специально для актера?

— С кем из режиссеров и актеров кино вам особенно удачно работается?

— Думаю, у режиссера и актеров должно быть постоянное содружество. Я снимался у Гайдая подряд пять лет, мы знаем друг друга до мелочей, поэтому у нас полное взаимопонимание. И наиболее симпатичны мне картины, в которых действует наша неразлучная тройка: Вицин, Моргунов и я. Очень жалею, что это наше актерское содружество распалось.

— Когда комедийному актеру не до смеха?

— Недавно шла по телевизору «Бриллиантовая рука» в каком-то непонятном сокращенном варианте. Ощущение было такое, словно держишь в руках любимую книгу, а кто-то взял и повырывал из нее страницы. Понимаю, что все это недоразумения, оплошности. Но нам, актерам, такие «оплошности» кровь портят.

— Чего бы пожелать вам на прощание?

— Сняться в комедии...

Ольга АРОСЕВА

— Какие творческие встречи на съемочной площадке вам наиболее памятны?

— Быть может, именно потому, что нам, актерам, приходится в комедии сталкиваться с суррогатами значительно чаще, чем в других жанрах, я лично с такой признательностью и благодарностью отношусь к режиссеру Эльдару Рязанову. Мне важнее сняться в одном его фильме, чем сыграть в пяти других. Верность Рязанова жанру, требовательность к себе и другим вызывают огромное уважение и желание продолжать с ним вместе нелегкий поиск.

Кто мог представить себе, что в Иннокентии Смоктуновском раскроется актер удивительного комического дарования? А Эльдар Рязанов сумел это предугадать.

Помню, приехали мы в Одессу начинать съемки «Берегись автомобиля». Села я в свой троллейбус и «уткнулась в роль». Рязанов подводит ко мне Смоктуновского и говорит: «Вот, познакомьтесь, ваш партнер». А Смоктуновский посмотрит — улыбнется и молчит, а потом спохватился и начал извиняться: мол, он мешает мне войти в образ. Потом я убедилась, что, может быть, именно благодаря своей деликатности, умению «вслушиваться» в себя и других Смоктуновский обладает безошибочной комедийной интуицией. Порой он позволяет себе пошутить, но и шутки его мягкие, умные, добрые. Одна такая шутка стала финалом фильма. Все предыдущие дубли были отсняты так. Деточкин говорил: «Я вернулся, Люба», камера показывала его, меня, и фильм кончался. Когда в очередной раз Смоктуновский сказал свои слова, Рязанов задумался в поисках наиболее точного ракурса, забыл сказать: «Стоп!» Аппарат работает, а Кеша делает мне рожи, машет рукой, радуется, как ребенок. Когда проявили пленку, оказалось, что это лучший дубль. Вы скажете, случайность — нет, такая случайность была закономерной. Смоктуновский не смог бы так искренне, по-детски ликующе со мной шутить, будь в нашей съемочной группе другая атмосфера.

— Итак, любимый режиссер — Рязанов, любимый актер — Смоктуновский?..

— Не только. Юрий Никулин — само имя его стало нарицательным благодаря искренности, доброте, всепокоряющему владению всеми красками комедии. А Леонов? Вроде и внешность традиционного комика, а посмотрите его в театре, в «Детях Ванюшина», — огромной драматической силы работа. А Евстигнеев!.. А Папанов!.. Это все актеры «смешащие», но умные, трогательные, и драматургический материал должен быть достоин их дарования.

Евгений ЛЕОНОВ

— Веселый ли вы в жизни человек?

— Я, когда был помоложе, очень любил смеяться. Помню, пришел в цирк, на программу Никулина — так заливался, что зрители не знали, на кого смотреть: то ли на Никулина, то ли на меня. Так к чужой славе присоседился. Нет, серьезно, веселый я был человек... Стал постарше и посерьезнел. Сейчас уже так не хохочу. Может быть, потому, что исполнилась мечта молодости и стал сниматься в кинокомедиях. Тут уж не до смеха. А может быть, потому, что времени не хватает — ни в цирк сходить, ни телевизор посмотреть. Из «Тринадцати стульев», дай бог, один стул увижу. Так что неудовлетворенную потребность в смехе приходится компенсировать в репетиционном зале и на съемочной площадке.

— Леонов — актер кино, Леонов — актер театра... Не спорят ли музы между собой?

— «Кинопутешествие» мое началось сравнительно поздно. Всю первую половину своей актерской жизни я был стопроцентным театральным актером (а в кино в основном играл эпизоды — от управдома до управдома). Театру, я обязан прежде всего театру. «Первый встречный», «Трехгрошовая опера», «Крошка Доррит» — вот те ступени большой лестницы, которые помню, возможно, я один. Это моя школа.

— Говорят, опытный актер — сам себе режиссер?..

— Считаю, что актер не может обходиться без режиссера. Вот, говорят, в давние времена нам предоставляли большую самостоятельность, поэтому и были ярчайшие индивидуальности... Неверно это. Взять хотя бы предуведомление актеру Гоголя, ведь оно словно по системе Станиславского выстроено. А это предуведомление не кому-нибудь писалось, а самому М. С. Щепкину...

Я большой поклонник наших актеров старшего поколения — Николая Баталова, Яншина, Жарова. Смотришь фильмы с Баталовым, Жаровым и диву даешься: как это здорово, на всю жизнь кинематограф запечатлел их душу, талант, сердце...

Я категорически против тех режиссеров, которые требуют от актеров только одного: трюков, трюков, трюков... В таких случаях хитрю и говорю — мол, я в этом деле профан. Хотя, кажется, что же тут плохого? Зритель сидит в зале, надрывается от смеха, а актер приобретает популярность. Только потом зритель, которого заличкали трюками, требует одного: эй ты, комик, что ты там в «психологию ударился, давай, смеши нас!

Нет, в нашем большом деле очень необходимы взыскательный вкус и чувство меры.

Евгений ЕВСТИГНЕЕВ

— Кинозритель видит в вас комического актера...

— Ну какой я комический актер? Вот Никулин, Леонов — это действительно комические актеры от бога. Леонов когда засмеется — эпидемия смеха начинается. С Никулиным на одной площадке вместе сниматься нельзя — у осветителей лампы лопаются от хохота окружающих. Такой актер может все. Границ амплуа у него нет. Это великолепно доказал тот же Юрий Никулин фильмами «Ко мне, Мухтар!» и «Когда деревья были большими».

— Однако многие ваши герои заставляли зрителя смеяться.

— Смех способен выразить крайние чувства—и любовь, и ненависть. Он может быть острейшим оружием. Но этой-то остроты, по-моему, не хватает последним современным комедийным сценариям. Для меня первый признак серости, посредственности драматургического материала — когда он не ассоциируется с жизнью. Человек сидит в зале и думает: это все, конечно, хорошо, но не про меня, я таких людей не знаю, — значит, комедийное оружие выстрелило вхолостую.

— Что же, по-вашему, определяет успех современной комедии?

— По-моему, мы единодушны в своей любви к фильму «Берегись автомобиля». Безусловно, во многом успех картины определил ансамбль актеров. Но главное, по-моему, — все-таки столкновение доброго, щедрого отношения к жизни с пошлостью, жульничеством, приспособленчеством. Точность темы придала конкретность актерским работам, ту конкретность, которая соединилась с уничтожающим смехом. Представляю, каково было тем, кто узнавал себя в образах этого фильма. Я играл здесь небольшой эпизод. Но и он был интересен. Тупость, возомнившая себя талантом, — явление, к сожалению, еще знакомое. Смех был порожден моей злостью.

Другой фильм — «Добро пожаловать...», где я играл начальника пионерского лагеря Дынина... Я решал этот образ, обращаясь прежде всего к своему жизненному опыту. Когда хочу понять человека, стараюсь посмотреть на мир его глазами. У героя «Добро пожаловать...» с людьми не двусторонняя, а односторонняя связь — в этом его убожество, ничтожность. Или «Зигзаг удачи». Там у меня герой — уникум, он никогда ни в чем не сомневается. Дынин хоть беспокоится, чувствует, что не на своем месте, а этот как упрется — не переубедишь, хоть тресни. Против таких людей чувствую хорошую злость, потому уверен, что буду работать с полной отдачей.

Весь разговор я веду к тому, что по-настоящему смешное в искусстве должно строиться на конкретных ассоциациях. А когда этих ассоциаций нет и начинаются режиссерские предложения — встаньте на голову, состройте вот такую гримасу, вдруг смешно получится, — это уже все, по-моему, за пределами искусства.

А вообще я уверен, что о самых серьезных вещах можно сказать легко, смеясь...

СЕМЬ ДНЕЙ В МАЕ...

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ЮЖНОМ ВЬЕТНАМЕ

Более полутора месяцев продолжаются наступательные действия Народных вооруженных сил освобождения Южного Вьетнама. Регулярные части НВСО и партизаны атакуют и наносят удары по сайгонским войскам одновременно на севере, в центре и на юге страны.

Военная кампания началась 30 марта в северной части Южного Вьетнама. В первые два дня была прорвана линия обороны сайгонских войск, в результате чего пали 12 опорны. пунктов из 14, созданных вдоль демилитаризованной полосы.

Через семь дней после начала наступления патриоты вступили в бой с марионеточными войсками на Центральном плато. Бои здесь ведутся на подступах к городам Контум и Плейку.

Севернее Сайгона подразделения НВСО наступают вдоль автострады № 13.

Наконец, серьезный очаг военных действий возник в дельте реки Меконг, которая до начала нынешних операций считалась «умиротворенной» зоной. В результате Сайгон оказался под угрозой не только с севера, но и с юго-запада.

Таким образом, стратегический план американо-сайгонских войск, направленный на то, чтобы отодвинуть военные действия подальше от жизненно важных районов Южного Вьетнама, провалился. «Линия обороны» сайгонских войск была прорвана в Куангчи, в секторах Дакто-Танкань и Биньлонг-Тайнинь. На осадном положении находятся бывшая императорская столица Хюэ и провинциальный центр Анлок. Южный Вьетнам, по словам западных обозревателей, почти перерезан пополам.

Ход полуторамесячных боев выявил полную неспособность марионеточных войск противостоять силам освобождения. Политика «вьетнамизации» продемонстрировала свою несостоятельность.

Патриоты наносят удары по сайгонским войскам одновременно на севере, в центре и на юге Южного Вьетнама. На этой карте обозначены районы наиболее активных наступательных действий Народных вооруженных сил освобождения.

Штурм опорной базы сайгонских марионеток Даумау на севере страны.
Фото из газеты «Нойес Дойчланд» (ГДР)

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

НА ПОЗИЦИЯХ РЕАЛИЗМА

Как известно, ввиду возражений оппозиции голосование по законопроектам о ратификации договоров в западногерманском бундестаге перенесено на 17 мая.

В этот сложный и ответственный период реально мыслящие общественные и политические деятели выражают свою заинтересованность в нормализации обстановки в Европе, осуждают попытки правых сил ФРГ оттянуть вступление в силу договоров с СССР и ПНР. Об этом свидетельствует и статья известного американского политического деятеля Аверелла Гарримана, которую мы перепечатываем с сокращениями из газеты «Нью-Йорк таймс».

Западногерманский бундестаг, где голоса правящей коалиции и оппозиции разделены почти поровну, должен ратифицировать договоры, заключенные канцлером Брандтом с Москвой и Варшавой. Если же они будут отвергнуты, начнется целый ряд неблагоприятных событий...

Соединенные Штаты, а также европейские страны, Восток и Запад глубоко заинтересованы в окончательном признании существующих реальностей. Всем будет выгодно ослабление напряженности.

...Если договоры будут отвергнуты, видимо, последует холодный период в отношениях между Бонном и Восточной Европой и даже в отношениях между Востоком и Западом. Далее. Без ратификации потеряют свою силу и соглашения по Западному Берлину. Трагично, если произойдет что-то такое, что аннулирует действие документа, который в значительной мере способствовал бы стабилизации положения в Западном Берлине, являющемся самым опасным пунктом в Европе.

С отклонением договора утратится возможность для дальнейшего прогресса в деле нормализации...

Христианско-демократическая партия в ФРГ использует голосование по вопросу о договорах, чтобы попытаться свергнуть правительство Брандта и самой прийти к власти. Позорно допускать, чтобы внутренние политические соображения помешали жизненно важному европейскому делу.

Христианские демократы утверждали, что «восточная политика» Брандта не имеет, дескать, американской поддержки. Соединенные Штаты должны высказать западногерманской оппозиции нашу тревогу по поводу неприятия ею этой политики. ХДС/ХСС следует понять, что, если они придут к власти посредством блокирования договоров, то окажут неблагоприятное влияние на отношения с США.

ИНТЕРВЬЮ «ЛГ»

Пабло НЕРУДА: «НАШИ ПОЭТЫ РАБОТАЮТ С РАДОСТЬЮ»

Пабло Неруда, приехавший недавно в Советский Союз, пригласил к себе московских журналистов. Они пришли к поэту, неутомимому борцу за мир, лауреату международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», пришли как к хорошему, давнему другу. Говорили о чилийском народе, о той горячей поре труда и ожиданий, какую переживает его страна, вступив на путь социального прогресса.

— В стране проходит национализация крупнейших промышленных предприятий, —рассказывает поэт.—Правительство Народного единства решительно борется против засилья иностранного капитала и промышленных компаний Соединенных Штатов. Чили располагает крупнейшими ресурсами полезных ископаемых, в частности медной рудой, добыча и обработка которых находилась до сего времени в руках североамериканских промышленников. Перемены, происходящие сейчас в Чили, вызвали враждебность и внутренней реакции, и американских монополий.

Поэтому сейчас, как никогда, нашему народу необходимы самая широкая международная поддержка и солидарность. Мы не чувствуем себя одинокими — на нашей стороне все прогрессивное человечество...

Внимание П. Неруды привлекает книжка, которую я принесла с собой.

Мальчику из крохотного южного чилийского городка Темуко Нефтали Рейесу, сыну железнодорожного кондуктора Хосе дель Кармена Рейеса, открыла прекрасный мир русской литературы преподавательница лицея, поэтесса Габриэла Мистраль. «Я никогда не забуду ночей лихорадочного чтения, — писал много лет спустя Нефтали Рейес, к тому времени ставший всемирно известным поэтом под именем Пабло Неруда, — когда чувства князя Мышкина или превратности судьбы Фомы Гордеева сливались в моем сердце с шумом и грохотом волн южных морей».

И вот сейчас, спустя почти пятьдесят лет, советские мальчишки и девчонки познакомятся с Пабло Нерудой — одним из талантливейших зодчих прекрасного мира поэзии. Поэт держит в руках книжечку, на которой написано: «Пабло Неруда. Молчанье — не золото». Это изданный «Детской литературой» сборник его избранных произведений в переводах Павла Грушко. Книжка «Молчанье — не золото» — еще один знак того, что творчество поэта созвучно не только настоящему, но и будущему.

Я спросила поэта:

— Скажите, каким вы видите будущее поэзии?

— Поэзия будет такой же необыкновенной, какой была всегда. Ведь каждый видит мир своими глазами. Все изменяется, постоянными остаются лишь чувства человека, и поэт не может изменить им.

Пабло Неруда говорит о том, что его страна переживает сейчас эпоху поэтического плодородия. Почему? Именно потому, что, когда живешь сегодняшним днем так, чтобы приблизить день завтрашний, расцветает прекрасный цветок поэзии. Семя его заложено в землю с любовью, с надеждой, с открытым сердцем. Людьми, которые в труде не жалеют себя.

— У нас очень много талантливых поэтов. Если я назову пять имен, то возникнет вопрос: почему не десять? Если назову двадцать — почему не сорок? А может быть, сорок тысяч? У нас ведь блестящая молодежь. Мы привыкли работать, и наши поэты работают с радостью.

А. НИКОЛАЕВСКАЯ

АМЕРИКА-72

Евг. ЕВТУШЕНКО

Вьетнамец в Диснейленде

Вьетнамец в Диснейленде
сидит верхом на буйволе.
Какой скандал, и все же
приятство на душе:
вьетнамец из картона,
румяненький, как булочка,
а буйвол позолочен —
он из папье-маше.
Вприсядочку танцуют
румяненькие русские.
Танцует грек — сиртаки,
поляки — краковяк.
Танцуют куклы-негры
послушными игрушками:
вот жаль, что подрумянить
их трудно, как-никак.
Все это происходит
в аттракционе розовом,
где розовы Камбоджа,
Гаити, Кипр, Алжир.
Все это происходит
в аттракционе, прозванном
каким-то «добрым дядей»:
«Наш крошечный, но мир».
Но в нашем общем мире,
который вправду крохотен,
подрозовить эпоху, —
пожалуй, крупный риск.
Уронишь ложку в Чили,
в Нью-Йорке это грохотом
пройдет по небоскребам,
и чьи-то окна — вдрызг.
Есть крошечные люди,
да, крошечные полностью.
Гном — это гном, хоть шапку
большущую надень,
но тень по всей планете
от крошечной, но подлости
порою так огромна,
как брокенская тень.
И крошечным осколком,
и крошечною пулею
убитый в Орадуре или у нас, в Орле,
перестает ребенок
быть просто крохотулею —
нет крошечных страданий
на крошечной земле.
Вьетнамец из картона,
братишка мой раскосенький, —
тебя я знал живого
и мертвого тебя.
Кровь слизывал твой буйвол
с мальчишеских волосиков,
хозяина губами
напрасно теребя.
И мать твоя стояла,
одета в траур копоти,
над черным пепелищем,
не зная, что потом
поставят в Диснейленде
веселенькую копию
убитого сынишки, —
картонную притом.
Здесь розовые лодки
с бумажными бутонами
везут детей по гроту
и женихов, невест.
Как странно — улыбаться
вьетнамчику картонному
и черные конфеты
бросать живым с небес.
Не оскорблю ни словом
детей твоих, Америка, —
люблю их, как вьетнамских,
как Петьку моего,
но сделал добрый дядя
умильненько, умеленько,
чтобы они о страшном
не знали ничего.
Здесь нет детей Дахау,
фашистами погубленных,
детишек родезийских,
что мрут и мрут — не счесть'
Живые дети мира,
вас подменили куклами.
А куклы не страдают.
Не просят куклы есть.

● ОКОНЧАНИЕ НА 15-Й СТР.

Репортаж из Нью-Йорка

ОТ ОКЕАНА ДО ОКЕАНА

В Вашингтоне часы показывали шесть утра, когда мины, установленные у Хайфонского порта, были приведены в боевую готовность. В шесть утра 11 мая по всей Америке — от океана до океана, от Беркли в Калифорнии до Гейнсвилля во Флориде — разразилась цепная реакция новых взрывов негодования, возмущения, протестов.

В Вашингтоне часы показывали шесть утра, когда на мраморных ступенях, ведущих к Капитолию, начался массовый антивоенный митинг. Люди, бодрствовавшие всю ночь перед зданием конгресса США, слушали слова президента организации «Американцы — за демократические действия» Альфреда Ловенстейна. «В этот мрачный час, — говорил он, — на другом конце планеты затикали механизмы мин, сброшенных американской авиацией...» Один за другим поднимаются на деревянный помост ораторы. Среди них — сенаторы и конгрессмены. «В час кризиса все мы должны маршировать в залах конгресса и не успокаиваться до тех пор, пока войне не будет положен конец», — говорит под гул одобрения сенатор Эдвард Кеннеди.

После митинга его участники заполонили здание конгресса. Они окружали законодателей, требовали от них решительных акций, направленных на прекращение кровопролития во Вьетнаме. Около ста студентов Кентского университета окружили сенатора Сэксби. Группа женщин устроила сидячую забастовку перед кабинетом спикера палаты представителей Карла Альберта. Депутация квакеров, облаченных во власяницы, передает петицию о мире собравшимся в зале конгрессменам...

В шесть часов утра 11 мая студенты Висконсинского университета в Мэдисоне возобновили длившуюся три дня и три ночи рукопашную схватку с полицией. В университете Нью-Мексико национальная гвардия применила против демонстрантов слезоточивые газы. В Нью-Йорке группа ветеранов вьетнамской войны проникла в зал заседаний Совета Безопасности ООН, приковала себя к скамьям на галерее для публики и потребовала встречи с американским представителем Бушем. На Таймс-сквер, преграждая путь уличному движению, маршировала колонна демонстрантов под лозунгом «Мирный план, состоящий из одного пункта — США, вон из Вьетнама!»

В тот самый момент, когда перед Хайфонским портом затикали мины, антивоенные марши заблокировали чикагский экспресс-вэй и железные дороги штата Нью-Джерси, военно-морские доки Филадельфии и вокзалы Нью-Йорка. В Принстоне, Гейнсвилле, Тампе, Таллахасси и других городах студенты штурмовали военные базы, призывные пункты, институты стратегических исследований.

В эти дни в Соединенных Штатах происходит такой подъем антивоенного движения, равного которому по силе и размаху страна не помнит со времен вторжения в Камбоджу. На улицы и площади городов выходят сотни тысяч людей. Число арестованных — по предварительным подсчетам — исчисляется тысячами. Национальная гвардия и полиция пускают в ход огнестрельное оружие. Имеются раненые.

Нынешнее антивоенное движение охватило все слои населения. Примечательны такие примеры. В нью-йоркском католическом соборе святого Патрика монахини устроили сидячую забастовку во время выступления кардинала Кука и потребовали его отставки с поста главного капеллана американских вооруженных сил. Когда полиция арестовала за акты гражданского неповиновения студентов знаменитого Амхерстского колледжа (штат Массачусетс), среди арестованных оказались президент колледжа Джон Уорд и его супруга. На запаниковавшей бирже индексы Доу-Джонса упали на 12,92 пункта (самое крупное падение за последние полгода). Председатель совета управляющих нью-йоркской фондовой биржи Ральф Денунцио вынужден был выразить неудовольствие высшим вашингтонским инстанциям.

В конце прошлой недели группа студентов установила похожие на мины сосуды из пластика недалеко от «моста отцов основателей», соединяющего Хартфорд с Восточным Хартфордом (штат Коннектикут). Один из ораторов, выступавших на этой церемонии, сказал: «Мины в Хайфонском порту настоящие, а наши — нет. Но мины протеста, которые рвутся сейчас по всей стране, имеют огромную силу, ибо в их взрывах — голос честной, миролюбивой Америки».

М. СТУРУА

НЬЮ-ЙОРК. (По телеграфу)

«Вьетнамизация» Америки.
Рисунок из журнала «Стыршел» (ВОЛГАРИЯ)

ДОСЬЕ «ЛГ»

«ЛИГА» ШТУРМОВИКОВ

В начале мая на заседании специального комитета ООН вновь был поднят вопрос о недопустимости действий, развернутых «лигой защиты евреев» против постоянного представительства СССР и других советских учреждений в США. Этому предшествовали очередной взрыв зажигательной бомбы в вашингтонском отделении ТАСС, вызывающие демонстрации перед зданием советского представительства.

Вот уже несколько лет в Соединенных Штатах орудует ультрасионистская организация, громко именующая себя «лигой защиты евреев». Идеологическая основа «лиги» — антисоветизм, антикоммунизм и расизм. Методы действий — акты насилия и вандализма.

Взяв за образец фашистские штурмовые отряды, «лига защиты евреев» снискала себе скандальную славу инспиратора бандитских налетов на советские учреждения в США и американских граждан. Глава сионистских штурмовиков раввин Меир Кахане неоднократно открыто заявлял, что действия «лиги» направлены на то, чтобы добиться разрыва отношений между США и Советским Союзом.

В списке преступлений «лиги» — 14 взрывов бомб, 34 посягательства на личную безопасность с нанесением увечий, 10 нападений на служебные помещения и собрания, 15 случаев незаконного применения оружия.

Приводимый нами перечень преступлений бандитов Кахане составлен по газетным сообщениям и далеко не полон. Тем не менее он дает представление о том, как действует сионистская «лига».

ХРОНИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

1970 год

23 ИЮНЯ. банда из 27 человек во главе с Кахане вторгается в служебные помещения советского торгового общества «Амторг».

27 ИЮЛЯ. Штурмовики «лиги» нападают на резиденцию советского представительства при ООН на Лонг Айленд.

20 НОЯБРЯ. Налет на вашингтонское отделение ТАСС.

25 НОЯБРЯ. Взрывом 18-дюймовой бомбы нанесены серьезные повреждения нью-йоркским отделениям «Аэрофлота» и «Интуриста».

23 ДЕКАБРЯ. Налет на помещение Национального совета американо-советской дружбы в Нью-Йорке.

27 ДЕКАБРЯ. Выступая на митинге, Кахане призывает слушателей проводить антисоветскую кампанию, «нарушая любые законы», затем подстрекает несколько тысяч своих последователей ввязаться в кровопролитную стычку с полицией перед оградой советского представительства при ООН.

1971 год

8 ЯНВАРЯ. В здании советского посольства в Вашингтоне происходит взрыв сенсационной бомбы. Ущерб, причиненный взрывом, выражается суммой 15 тысяч долларов. Анонимные лица информируют телеграфные агентства в Нью-Йорке и Вашингтоне: «Вот пример того, что будет происходить и дальше».

10 ЯНВАРЯ. Кахане объявляет о формировании специальных групп для «преследования и нападения» на советских дипломатов в Нью-Йорке. «Жизнь каждого русского мы сделаем просто ужасной», — заявляет он.

13 ЯНВАРЯ. Кахане арестован за неявку в суд для слушания дела о нарушении общественного порядка во время «демонстрации» перед советским представительством при ООН в декабре предшествующего года. Но он тут же освобождается под залог в 3 тысячи долларов.

19 ЯНВАРЯ. «Лига» объявляет об усилении кампании за прекращение культурных обменов между США и Советским Союзом.

20 ЯНВАРЯ. Пятнадцать членов «лиги» врываются в помещение фирмы «Коламбия артистс менеджмент инкорпорейшн» и требуют отмены концерта группы сибирских танцоров и певцов.

25 ЯНВАРЯ. Во время концерта советского сирипача Леонида Когана в зале «Карнеги холл» взрываются бомбы со слезоточивым газом.

28 ЯНВАРЯ. Во время концерта Сибирского ансамбля песни и пляски в том же зале взрываются аммиачные бомбы.

21 ФЕВРАЛЯ. В Линкольн Сентер взрывается аммиачная бомба, из-за чего прерван концерт советского сирипача Игоря Ойстраха.

25 ФЕВРАЛЯ. В Нью-Йорке 50 штурмовиков «лиги», размахивая ножами, железными трубами, молотками и флагом Израиля, маршируют перед школой музыки и художества, пытаясь спровоцировать побоище с негритянскими студентами, издавшими листовку, в которой «лига» разоблачается как организация расистского типа.

21 МАРТА. Во время демонстрации «лиги» в Вашингтоне неподалеку от советского посольства, Кахане заявляет толпе, что он борется за срыв советско-американских переговоров по разоружению, торговле, космическим исследованиям и культурным связям.

23 МАРТА. Отряд «лиги» пытается вторгнуться в здание ЦК Компартии США.

30 МАРТА. В подъезде здания ЦК Компартии взрывается бомба.

22 АПРЕЛЯ. В помещение «Амторга» подкладывается бомба с динамитом. 3 человека, обнаруживающие ее за считанные минуты до взрыва, чудом избегают смерти.

28 АПРЕЛЯ. Отряд в составе 23 человек подвергает разгрому помещение нью-йоркского совета раввинов, после того как этот совет отказался внести залог за представителя «лиги», пытавшегося угнать египетский самолет.

19 МАЯ. Отряд «лиги» врывается в помещение Коммунистической партии в Филадельфии.

22 ИЮНЯ. На территории советского представительства при ООН в Гленнове обнаружена бомба с часовым механизмом. Взрыв должен был последовать через несколько минут.

26 АВГУСТА. С балкона Чикагской оперы сбрасывается бомба со слезоточивым газом, из-за чего отменяется выступление ансамбля Игоря Моисеева. За этой акцией следуют угрозы: следующей мишенью будут танцоры.

20 ОКТЯБРЯ. Неизвестный снайпер производит четыре винтовочных выстрела по окну квартиры одного из сотрудников советского представительства при ООН.

23 НОЯБРЯ. Нападение на участников демонстрации, призывавшей Израиль выполнить резолюцию Совета Безопасности ООН.

1972 год

26 ЯНВАРЯ. Налет с применением зажигательных бомб на помещения двух агентств, ведающих организацией выступлений советских артистов по программе культурного обмена. В конторе импресарио Сола Юрока убита молодая женщина Айрис Коунз, 13 человек, в том числе Юрок, ранены. Анонимные лица звонят по телефону в редакции газет, радио и телевидения, произносят обычные лозунги «лиги». В тот же вечер взрывами аммиачных бомб срывается концерт оркестра имени Осипова в Торрингтоне (штат Коннектикут).

■

Список преступлений на этом не кончается. «Лига» отнюдь не намерена сворачивать свои бандитские действия.

Недавно группа хулиганов, вооруженных дубинками и кастетами, ворвалась в танцевальный зал нью-йоркского городского колледжа и избила присутствовавших там еврейских студентов. Газета «Дейли уорлд» опубликовала заявление «Комитета обеспокоенных еврейских студентов», возмущенных наглыми действиями «лиги» и ее лицемерными претензиями на роль «защитника» еврейского населения. В заявлении разоблачается мнимый характер этой «защиты», представляющей собой цепь хулиганских выходок и террористических акций против тех граждан еврейской национальности, которые, вопреки указаниям сионистской пропаганды, протестуют против агрессии во Вьетнаме, участвуют в левом движении, выступают за расширение контактов с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

В своей ненависти ко всему прогрессивному «лига» докатилась до открытого союза с американскими фашствующими и ультраправыми, в том числе и антисемитскими организациями, расистами и представителями преступного мира. Эти организации, заявляет комитет, поддерживают Кахане потому, что хотят использовать «лигу» в качестве орудия для проведения в жизнь своей программы фанатичного антикоммунизма.

ЧЕЛОВЕК В «ТРУДНЫХ ШИРОТАХ»...

Север. На этот громадный район страны приходится большая часть многих наших ценнейших природных ресурсов. В планах девятой пятилетки овладению северными кладовыми нефти, газа и других естественных богатств отводится значительное место.

Однако высокие широты встречают человека неласково. Суровая природная обстановка зачастую требует особого подхода к развитию производства и благоустройству жизни. Как же лучше, эффективнее хозяйствовать на Севере! Эта социальная и экономическая проблема привлекает устойчивое внимание читательской аудитории. Авторы писем продолжают разговор о важных народнохозяйственных вопросах, поднятых журналистом Л. Лином и экономистом Н. Белостоцким на страницах «ЛГ» (№ 38, 1971).

Мы публикуем сегодня две статьи из редакционной почты.

Александр ЛОБОВ

С ГОРНОПРАВДИНСКОМ НЕ ПОСПОРИШЬ...

САМЫЙ ЛУЧШИЙ АРГУМЕНТ В ПОЛЬЗУ НЕОБХОДИМОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ КОМФОРТА НА СЕВЕРЕ — ОПЫТ ГОРНОПРАВДИНСКА, С КОТОРЫМ, ПО МНЕНИЮ АВТОРА, ТРУДНО СПОРИТЬ.

В СТАТЬЕ «Северянам нужен комфорт» Л. Лин рассказал о том, как неуютно жить в условиях «вечных» времянок, когда то и дело приходится сидеть без света (буран повалил «временную» электролинию), работать в сборно-«щелевых» домиках, терпеть неустроенность буквально во всем. Эти мысли пришли автору в Якутии, в Чокурдахе...

Я читал статью Л. Лина, и мне вспоминалось, как не в Чокурдахе, а в главной гостинице Якутска «Лене» точно так же гас свет, выставлялись на ночь в коридор раскладушки и сутками не работала канализация...

В том, что сегодня северянам, как и всем нашим людям вообще, нужен комфорт, не сомневается никто. То, что, при всех издержках на расстояния и суровую природу, он окупится за счет сокращения «текучки» и отсюда расходов на подготовку кадров, неоднократно говорилось в печати и давно доказано нашими экономистами.. Контуры будущего промышленного облика Сибири и Крайнего Севера уже сейчас совершенно недвусмысленно определяют открытые месторождения газа и нефти, разведанные рудные «клады». Эти районы станут крупнейшей топливной базой страны, ее мощным энергетическим сердцем — так определено решениями XXIV съезда партии.

Уже сегодня жизнь дает примеры того, как можно обживать суровые земли Сибири и Севера. В одном из номеров «ЛГ» в небольшой заметке Н. Фонякова были такие слова: «Этот ладный, светлый, буквально утопающий в цветах городок на еще недавно диком берегу Иртыша — поучительный пример того, как надо обживать, обустраивать (первопроходческий термин!) новые земли, — таково было единодушное мнение писателей...»

Что это за «городок»?

Горноправдинск — поселок нефтеразведчиков в четырехстах километрах к северу от Тюмени. Лежит он не за Полярным кругом, а на широте Магадана, среди болот и тайги. Летом здесь тучи гнуса, от которого не могут спасти никакие сетки и мази. Зимой морозы бывают за пятьдесят градусов, а тридцатиградусные стужи считаются вообще «оттепелью» по местным масштабам. Так что назвать эту зону благоприятной никак нельзя.

В поселке живут 2500 человек. Каждое утро, если хорошая погода, с вертолетной площадки на берегу Иртыша один за другим поднимаются винтокрылые «МИ», увозя на неделю бурильщиков и рабочих, тяжелые грузы, продукты. Возвращаются они через час-два, побывав на нескольких площадках иногда за 250—300 километров от Горноправдинска. В самом поселке находится управление, живут все рабочие и служащие экспедиции, их семьи. Он является, таким образом, маленькой столицей НРЭ — нефтеразведочной экспедиции — с радиусом обслуживания до 300 километров. При выборе места для базового поселка важную роль играет наличие водных путей, так как основную массу тяжелого оборудования, горючего, транспортных средств можно, как правило, завезти во многие районы Тюменской области только водой. Горноправдинск строился на высоком берегу Иртыша на пустом месте. Небольшая старая деревушка осталась на левом берегу реки. Там зимой садятся «АН-2».

Планировали поселок сами геологи. Издревле, как святое правило, принято было в Сибири сводить лес там, где возводились дома, и на приличном расстоянии вокруг. И вовсе не вековой предрассудок был тому причиной, а жестокие лесные пожары, хорошо известные сибирякам. Если сегодня люди сочли возможным впервые поколебать эту вековую традицию, то это не только потому, что современному человеку дороже зеленая краска лесов, но и главным образом потому, что сегодня патрулируют над тайгой самолеты пожарной охраны и на вооружении у сибиряков мощные бульдозеры и машины. Так что веселые, желтые с серым, домики Горноправдинска стоят прямо среди елей и кедрача. Тайга вплотную подступает к корпусам поселка. Гостинице Горноправдинска могли бы позавидовать и в столице: большие номера с современной мебелью, горячей водой и ваннами. Ковры, чеканка, декоративный интерьер — все подобрано со вкусом. Побывайте здесь — вам не захочется отсюда уезжать.

Жилые дома поселка расположены двумя улицами по краям небольшой чаши. Это 8- и 16-квартирные дома, с газом, паровым отоплением, электрическим светом. Квартиры одно- двух- и трехкомнатные.

Есть в поселке школа-десятилетка на 300 учащихся, детский сад на 120 мест, больница на 30 коек, сибирская баня. Во всем, что здесь построено, чувствуется, что красота и удобство были для проектировщиков Горноправдинска законом.

Клуб с залом на 400 мест вполне удовлетворяет правдинцев, хоровые и джазовые коллективы имеют для репетиций свои комнаты.

Спортзал, или Дворец спорта, как его громко величают здесь, находится за клубом. Он из стекла и бетона. Снаружи декоративная отделка еще не завершена, но внутри полным ходом идут занятия секций волейболистов и баскетболистов.

Таким образом, в Горноправдинске есть все для того, чтобы люди могли после работы хорошо отдохнуть, чтобы дети могли нормально учиться. Здесь, среди тюменских болот, люди не чувствуют себя ущемленными в комфорте, в бытовых и культурных благах. И живут здесь, естественно, прочно и подолгу...

Сейчас, когда на страницах «ЛГ» обсуждается, каким образом наиболее рационально осваивать Север и суровые в природном отношении районы Сибири, Горноправдинск кое-что нам подсказывает, внося в эти дебаты уже вполне реальные аргументы.

Отвечает он и на вопрос, что будет с поселком потом, когда геологи уйдут, через 10—15 лет. Если район этот окажется перспективным в промышленном отношении, поселок вполне может вырасти в город, как это, например, произошло с Нижневартовском. А если нет?..

«В этом случае наш поселок перейдет к колхозникам, в нем будут жить охотники, рыбаки. Такие городки нефтяников станут центрами нового, социалистического быта сибирского села. Они нужны!» — говорит Герой Социалистического Труда Фарман Курбанович Салманов — один из основателей поселка, бывший начальник Правдинской экспедиции, ныне заместитель начальника Главтюменьгеологии. А то, что люди у нас в массе смотрят на вещи с широких государственных позиций, а не только с точки зрения узкой отраслевой выгоды, давно стало нормой и поэтому кажется естественным.

Здесь и косвенный ответ Л. Лину относительно того, что в «обозримой перспективе» «чемоданное настроение не исчезнет», и ответ автору другой статьи в «ЛГ» Н. Белостоцкому («Сколько нужно северян»). Когда экономист, оперируя несколькими цифрами, приходит к категоричным утверждениям, что для расселения «в ближайшие 100—150 лет Крайний Север не нужен», что ему предначертана «узкосырьевая специализация», это невольно настораживает. «Территория эта — скорее специфическое предприятие, к которому применима аналогия, допустим, с работой на судах морского флота», — утверждает Н. Белостоцкий.

Вполне здраво и логично, что в ближайшие одно-два десятилетия Север будет иметь преимущественно сырьевое значение, и вахтовый способ организации производства может оказаться наиболее рентабельным в каких-то частных случаях. Но принимать это как принципиальную установку — чрезвычайно смело.

Север слишком мало похож на корабль. И прав В. Гандкин, который, возражая в «ЛГ» Н. Белостоцкому, назвал соображения в пользу экспедиционного метода «экономикой перелетных птиц».

Нельзя забывать и о многих неэкономических аспектах этой проблемы. Кто сказал, например, что средняя плотность населения в современной Западной Европе — 93 человека на квадратный километр, на которую ссылается Н. Белостоцкий, нормальна для полноценного, гармоничного развития личности?!

Известно, что не только врачи и социологи, но и сами эти «93 человека» не разделяют подобного оптимизма. О последствиях современной урбанизации и тяжелейшем ее давлении на психику людей с тревогой говорят и пишут западные журналисты и ученые. Следует ли нам идти бездумно к тем же рубежам? С глобальными выводами торопиться не следует.

После тайги и болотных топей Горноправдинск встречает геологов городскими удобствами: благоустроенными квартирами, уютным, со вкусом оформленным клубом, кафе, свежими овощами с тепличных плантаций.

Фото А. ЛОБОВА

Д. ЗЮЗИН

БИЛЕТ ТУДА, БИЛЕТ ОБРАТНО

АВТОР ЭТОЙ СТАТЬИ ПОБЫВАЛ НА ЧУКОТКЕ В СОСТАВЕ ЭКСПЕДИЦИИ, ОРГАНИЗОВАННОЙ ЛАБОРАТОРИЕЙ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ МГУ. ПРЕДПРИНЯТА ОНА БЫЛА С ЦЕЛЬЮ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ. Д. ЗЮЗИН ПРОВОДИЛ ОПРОС ПО ПРОГРАММЕ, РАЗРАБОТАННОЙ ПОД РУКОВОДСТВОМ КАНДИДАТА ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАУК Р. ТАТЕВОСОВА.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ поэта, скажу, что Чукотка «для веселия мало оборудована». Та картина, которую нарисовал Л. Лин для Чокурдаха, вполне подходит и для Анадыря — столицы Чукотки, я уже не говорю о поселках.

И тем не менее здесь не испытывают острого недостатка в кадрах. Люди едут сюда, причем не кто попало, а, можно сказать, цвет населения. Образование и квалификация работников здесь необычайно высоки, особенно по сравнению с теми функциями, которые им приходится выполнять.

Мне встретилось всего лишь два-три человека, не окончивших и семи классов. В основном народ на Чукотке толковый, грамотный. Такие люди на «материке» нарасхват. Никто из моих собеседников не сказал, что он отправился на Чукотку в поисках работы.

Основной целью приезда в Заполярье называют стремление «заработать деньги». Одним не хватает на машину, другие хотят построить кооперативную квартиру, третьи — иметь задел «на всякий непредвиденный случай». Есть и такие, что приехали добывать «приличную пенсию».

Казалось бы, такие мотивы оставляют мало надежд на то, что люди приживутся, останутся в этих местах надолго, но... Есть одно «но».

Со временем, незаметно для самого приехавшего, связи его с окружающей природой и людьми становятся шире, многообразнее. Тундра, которая поначалу кажется новичкам мрачной и однообразной, чуть ли не «гиблым местом», становится понятнее и ближе, расцветает живыми красками. В тундру начинают ходить, как в подмосковный лес. Человек обживается, привыкает, начинает смотреть на свое новое место жительства совсем иными глазами. Он уже два-три раза съездил домой, на «материк» в отпуск, сравнил условия жизни там и тут, понял и истинную цену деньгам, которых в отпуске без всякого толку разбросал немало. И нередко возвращение к прежнему месту жительства теряет для него злободневность, появляются новые ценности, в свете которых прежние цели, в частности, стремление к заработку, блекнут.

Среди других мотивов, побуждающих людей к переезду на Чукотку, можно выделить любознательность, страсть к перемене мест: «Хотел увидеть что-то новое», «Был на Сахалине, в Сибири, на Камчатке, дай, думаю, махну на Чукотку», «Интересно посмотреть, что такое тундра, с чем ее едят».

Этот мотив как сопутствующий, пожалуй, назвали бы почти все, если бы он был достаточно осознан. Редко для кого Чукотка — второе место жительства. Часто список очень длинен. Родился там-то, затем переехал туда-то, потом жил там... Если проследить по карте географию жизненного пути нынешнего чукчанина (да простят мне ревнители словесности это изобретение), то она начнется где-нибудь к западу от Урала, а потом постепенно будет приближаться к Чукотке.

В наибольшей степени охота к перемене мест владеет теми, кто приехал на Чукотку непосредственно из Хабаровского края, Восточной Сибири, с Дальнего Востока, а также из других районов, близких по климату Крайнему Северу.

Многие убеждены, что главное препятствие при освоении Севера, главный источник миграции и экономических потерь — это суровый климат.

«Считаете ли вы климат благоприятным для постоянного проживания или неблагоприятным?» — такой вопрос стоял и в нашей анкете. Не было случая, чтобы не вспыхнул спор. Одни говорили: «Да, благоприятный» — и убеждали своих противников, в том числе и меня, хотя я, конечно, занимал нейтральную позицию. Другие, наоборот, резко возражали.

Стоит, пожалуй, прислушаться к словам Н. П. Суровцева из Певека: «Я не могу жить в европейской части страны, мне там жарко, я задыхаюсь. Даже отпуск, который я по инерции провожу на «материке», мне в тягость. А здесь я чувствую себя хорошо».

Конечно, общий комплекс условий жизни в Заполярье отличается от Подмосковья. Но и Николай Петрович Суровцев не одинок... Не такое уж прожектерство надеяться, что придет время, когда приехавший на Север захочет там работать до пенсии, а то и останется на всю жизнь.

До сих пор как-то в поле зрения публицистики, да и науки, в основном попадали те, кто приезжает впервые на Север или уезжает оттуда. Почему-то никто всерьез не интересовался «возвращенцами». А таких немало! Вроде бы махнул человек рукой на Заполярье, окончательно простился с ним и уехал на «материк». А потом неожиданно потянуло его снова в суровые края, так неудержимо потянуло, что не устоял, собрал чемоданы — и в дорогу. Это не такая уж редкость, как может показаться.

Наблюдения показывают, что наименьшей способностью к адаптации обладают люди, приезжающие из Краснодарского края, Украины, Молдавии, Центральной России, а наибольшей — те, кто менял климатические пояса постепенно, переходил из районов менее суровых в более суровые. Можно утверждать, что постепенность — закон адаптации организма к новым условиям. Обычно мы видим лишь следствия его нарушения, а вывод делаем весьма широкий: климат Заполярья разрушительно действует на здоровье. Это все равно, что говорить о водолазе, неожиданно выброшенном на поверхность, будто «подводный климат разрушительно подействовал на его здоровье».

Северяне неприхотливы, не очень капризны, не очень требовательны. На Чукотке лично я впервые встретился со способностью людей соразмерять свои потребности с объективными возможностями их удовлетворения. «Довольны ли вы своими жилищными условиями?» — «Вообще-то не очень, но для Севера вполне нормальные». Трудно услышать что-нибудь подобное в европейской части Союза. «А как вы оцениваете культурные условия?» — «Для Чукотки терпимы».

«Культурные условия» — это кино в палаточном «кинотеатре». Да, с точки зрения нашей, московской, культурно-бытовые условия на Чукотке далеки от нормальных, и их нужно улучшать. Но ведь нельзя и переносить московские стандарты на какой-нибудь поселок Полярный! Впрочем, культурно-бытовые условия в целом плохи и с точки зрения потребностей самих северян, как бы ни были они нетребовательны. Но все же не в этом основная причина возвращения на «материк».

Так в чем же тогда причина? В том, что человек и не собирался здесь жить долго. Сама его нетребовательность во многих случаях объясняется тем, что он заранее приготовился к лишениям во имя достижения своей цели, например, заработать какую-то сумму денег. Заработал — и айда, нечего здесь делать. Или, наоборот, не заработал, не достиг цели и нет перспектив ее достичь — тоже уезжает. У большинства ведь на «материке» благоустроенные квартиры. Дайте ему аналогичную квартиру на Чукотке, так ведь та — «материковая» — все равно перетянет, если достигнута цель, ради которой приехал сюда человек.

Я, разумеется, ни в коем случае не против создания нормальных культурно-бытовых условий на Крайнем Севере. Хорошее жилье, комфорт, культура нужны и тем, кто будет здесь жить и работать временно, пусть всего лишь несколько лет. На смену им приедут другие люди — квартиры и клубы не пропадут. В известном смысле население Севера всегда постоянно: меняются конкретные люди, но общая численность, а с ней и потребности в комфорте увеличиваются неуклонно. Из этого может исходить и программа благоустройства промышленных территорий Заполярья. Север в этом отношении ничем не должен отличаться от других территорий Союза, если не рассматривать его, как это делает в «ЛГ» экономист Н. Белостоцкий, в качестве «специфического предприятия, к которому применима аналогия, допустим, с работой на судах морского флота», и вытекающим отсюда вахтенным способом освоения богатств.

Что касается принципов формирования населения Крайнего Севера, то, конечно, приток населения с близлежащих территорий не может покрыть здешних потребностей в рабочей силе. Какая-то часть трудовых ресурсов должна вербоваться в европейской части Союза, в том числе и в Краснодарском крае. Однако именно вербоваться, то есть проходить через «руки» системы организованного набора, подвергаясь всестороннему исследованию со стороны врачей, социологов, экономистов.

Необходимо заранее выяснить способность человека адаптироваться к новым климатическим условиям, его цели, установки, потребности. Снабдить его всесторонней информацией о климатических и социальных условиях, о последствиях длительного пребывания на Крайнем Севере при возвращении в Европу и т. д. и т. п. Другими словами, необходимо отказаться от стихийности в формировании населения Заполярья, ввести этот процесс в управляемое русло. Пока же на вопрос: «Каким порядком вы приехали на Север?» — подавляющее большинство, примерно 95 процентов опрошенных, отвечает: «Самостоятельно».

Два-три процента людей приехали по распределению после окончания учебного заведения, остальные — по оргнабору. В основном едут «самостоятельно», то есть стихийно, оставив жену и детей на «материке», а там — как сложится.

Складывается же не всегда, как хочется. Очень скоро природа и социальные условия производит отбор. Вот его результат: непомерные расходы денег, человеческой энергии и здоровья.

В № 19 «Литературной газеты» были опубликованы материалы «круглого стола», посвященного обсуждению проблем научного (научно-популярного) кино. Без сомнения, эти проблемы необычайно важны, особенно сегодня, когда наука становится все более глубокой и специализированной, а значит, все менее доступной понимению широкого круга людей. Однако мое внимание привлекли следующие слова во вступительной заметке к этому обсуждению: «...наиболее результативным средством пропаганды научных знаний, пожалуй, является научное кино». Думается, не менее результативно и другое средство — научно-популярная литература.

...Хотелось бы увидеть на ваших страницах обстоятельный разговор о том, каков круг читателей современной научно-популярной литературы, какими средствами она пользуется для освещения проблем науки, каковы характерные издержки этой литературы и, главное, в каком направлении она должна развиваться.

Г. ХОРЬКОВ,
инженер-конструктор

КИЕВ

Публикуя статью доктора физико-математических наук, профессора А. Китайгородского, мы продолжаем обсуждение проблем популяризации науки.

КОГДА ПОДВОДИТ «ХУДОЖЕСТВЕННОСТЬ»...

Александр КИТАЙГОРОДСКИЙ

Кто они — покупатели и подписчики научно-популярных журналов? Да кто хотите. Научные деятели и школьники, инженеры и колхозники, рабочие и студенты, домашние хозяйки и пенсионеры. Но интересы этих категорий читателей часто совпадают, одна и та же статья имеет множество адресатов с разными социальными признаками. А посему для обсуждения ценности и значимости страниц, обнимаемых цветастыми обложками журналов, мы лучше разобьем всех читателей на три категории: учащиеся, любознательные и скучающие.

Разумеется, каждая из групп весьма неоднородна. Термин «учащийся» я использую в широком смысле слова. Мы отнесем к «учащимся» всех тех, которые раскрывают журнал, желая чему-либо научиться: скажем, как изготовить датчик температуры масла двигателя, смастерить домашний аквариум, приспособить электромагнитное реле для дистанционного управления оконными шторами.

Еще более неоднородна категория любознательных читателей. Не настаивая на удачности предлагаемой терминологии, я выделю прежде всего любознательных «прагматиков». Они не интересуются ни слишком высокими, ни слишком низкими материями, но с живым любопытством присматриваются ко всему, что прямо или косвенно имеет отношение к их существованию.

Есть и просто любознательные читатели — их можно назвать бескорыстно любознательными. Я имею в виду тех читателей (очень они мне симпатичны), которые хотят знать просто потому, что интересно. Такой читатель получает искреннюю и чистую радость от узнавания нового. Оказывается, молекулы гибкие — одна часть может вращаться по отношению к другой, как на шарнире, — как интересно! Можно точно измерить плотность далеких звезд — очень занятно!

Но пойдем дальше. К третьей категории любознательных читателей я отнесу любителей «высоких материй».

Детский период в развитии человеческого мышления кончился совсем недавно. Идея, что познание мира может быть достигнуто лишь на пути эксперимента и практических действий, стала достаточно общепринятой лишь в прошлом веке. Избавиться от представления, что Истина (с большой буквы) может быть найдена путем чистого размышления и что сочетания слов сами по себе имеют глубокий смысл, оказалось нелегкой задачей. Не мудрено, что среди лиц, имеющих слабое или тем более искаженное представление о методах научного эксперимента и мышления, встречаются любители «высоких материй», ищущие в научно-популярных журналах ответы на волнующие их вопросы о Тайнах (с большой буквы) мироздания.

Этих читателей не интересуют всякого рода «мелочи», такие, как способы измерения межатомных расстояний или исследования фотопроводимости. К тематике, способной возбудить их воображение, относятся проблемы глобальные: «Было ли начало и будет ли конец мира?», «Почему энергия сохраняется?», «Существуют ли неделимые элементарные частицы?», «Каково влияние человеческой воли на траекторию электронов?», «Почему с увеличением температуры молекулы движутся быстрее?», «Есть ли жизнь на других галактиках?», «Почему силы взаимодействия между массами и зарядами убывают обратно пропорционально первой степени расстояния?», «Почему эволюция привела к мыслящему человеку, а не к мыслящей лошади?», «Почему вокруг Солнца движется столько планет, сколько их есть?», «Почему кит относится к млекопитающим?»...

Список, как вы понимаете, можно продолжать до бесконечности. А ответы на эти вопросы дать нельзя или потому, что они неверно поставлены, или потому, что бессмысленны, или потому, что преждевременны.

Для того чтобы выполнить свои задачи и привлечь читательскую аудиторию, редакции журналов используют различные стили преподнесения научных истин и фактов, прибегают к той или иной степени популяризации науки и техники, используют самые разнообразные художественные средства.

Более или менее четко выделяются следующие категории литературы: научно-популярная «без претензий» с двумя подразделами — «академическая» и «массовая»; научно-популярная литература в «художественном» обрамлении и научно-художественная.

Чтобы читатель яснее понял, что здесь имеется в виду, я позволю себе в шутливой форме изложить в пяти вариантах фразу из учебника: «Как правило, все тела при нагревании расширяются».

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА, СТИЛЬ «АКАДЕМИЧЕСКИЙ»: Исследования этого исключительно интересного явления уже давно привлекали ученых. Самые различные методы — оптические, механические, электрические — были привлечены для этой цели. Проведенные работы показали, что явление имеет достаточно простое объяснение — причина теплового расширения лежит в ангармонизме атомных колебаний. Ради строгости следует заметить, что и в рамках квазигармонической модели можно дать этому явлению удовлетворительное объяснение.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА, СТИЛЬ «МАССОВЫЙ»: Все тела при нагревании расширяются. Имеется в виду, что они расширяются во все стороны. Значит, при нагревании тела будут также утолщаться и удлиняться. То, что тела при нагревании удлиняются, означает, что до нагревания тело было короче, а после нагревания стало длиннее. Как же ученые установили этот интересный факт? Сейчас мы расскажем об этом детально. Каждый из вас может осуществить этот увлекательный опыт у себя дома. Итак, берется...

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА В «ХУДОЖЕСТВЕННОМ» ОБРАМЛЕНИИ: Мы нагреваем тело. Атомы начинают двигаться быстрее. Движущемуся атому нужно больше места. Эта истина хорошо известна каждому — как много людей может поместиться в автобус, если люди будут стоять спокойно. Атомы ведут себя не как взрослые люди, они скорее походят на непоседливых ребят. Хочешь не хочешь, а приходится отвести каждому из них больше места. Вот так происходит и тепловое расширение.

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА, СТИЛЬ «А-ЛЯ ЖЮЛЬ ВЕРН»: День был великолепный. Озеро гладкое, как зеркало. Солнце светило ярко. Спустить бы сейчас катер на воду, включить мотор — и пошел... а вместо этого приходится сидеть на берегу и менять винт.

— Нельзя Вовке разрешать пользоваться катером, — мрачно забасил Петя, — вечно с ним истории. Умудриться наскочить на топляк!.. И где — на нашем чистейшем озере!

— Конечно, нельзя, — подтвердила Маша. — Ну да что делать. Ребята, давайте снимать винт с вала...

Николай Иванович с полотенцем через плечо шел к берегу. Приблизившись к группе раскрасневшихся от усилий ребят и посмотрев, как они принялись за дело, Николай Иванович сказал:

— А вы нагрейте винт.

— Нагреть? — с изумлением спросил Петя.

— Ну конечно. Винт при нагревании расширится и легко сойдет с вала.

— До чего же вы все знаете, Николай Иванович! — с восторгом сказала Маша. — Это как же — все тела расширяются при нагревании?

— Все, — уверенно сказал Николай Иванович...

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА, СТИЛЬ «РОМАНТИЧЕСКИЙ»: Я вышел из гостиницы довольно рано. Не терпелось увидеть человека, сделавшего сенсационное открытие, которое сулило в недалеком будущем изменить все наши представления о мироздании и увеличить не меньше чем в четыре раза темпы технического прогресса. И вот наконец я перед скромным зданием, украшенным табличкой «Кочетопский педагогический институт». Здесь, в этом здании, сделано это эпохальное открытие. Прежде чем войти, я лихорадочно переворачиваю страницы своего блокнота. Неловко показать себя незнайкой, надо вспомнить азы науки. Итак, закон природы — все тела при нагревании расширяются — опровергнут. И. о. декана Ломанин показал, что из этого правила существуют исключения. Да, нелегко мне будет понять ход мыслей замечательного ученого, который привел его к этому открытию. Но...

Все пять стилей имеют своих поклонников. «Учащиеся» настроены по-деловому, а посему относятся недоброжелательно к «художественным» выкрутасам. Любознательные «прагматики» и бескорыстно любознательные читатели также стремятся к знаниям. Они, вероятно, не захотят тратить усилия на то, чтобы продираться через громоздкие фразы и недоговоренности статей академического стиля, но все же серьезный тон их не пугает, а излишняя болтовня раздражает. Они охотно читают научно-популярную литературу и в «художественном» обрамлении, и без оного.

Поклонниками «романтического» стиля в изложении научных фактов и теорий являются, конечно, в первую очередь любители «высоких материй». Впрочем, скучающие читатели также питают некоторую слабость к восклицательным знакам и пышным метафорам. Эти две категории читателей способны обеспечить «романтикам» от науки весьма значительный тираж их произведений.

Что же касается художественного творчества в стиле а-ля Жюль Верн, то оно имеет равное число поклонников как в стане читателей, любящих приобретать некие полезные сведения, так и среди любителей сюжетной литературы. Именно поэтому нельзя придумать более легкий способ приобщения читателя к скромным знаниям, чем тот, которому следует автор «80 000 километров под водой». Но писать такие рассказы и романы, видимо, нелегко, и с новыми произведениями этого стиля мы встречаемся много реже, чем хотелось бы.

В какой бы форме нам ни преподносилось научно-популярное сочинение, оно (по определению) всегда будет представлять собой рассказ о научных фактах и идеях.

Разговор может идти в двух тональностях. Первая возникает тогда, когда автор ставит перед собой задачу дать ответ на вопрос «как», вторая — в тех случаях, когда задача состоит в ответе на вопрос «почему».

Различие между этими двумя представлениями науки весьма велико. В первом случае задача литератора состоит в том, чтобы вести неторопливый рассказ, не забыть важные детали, заботиться об образности изложения, прибегать к повторениям, заставляя этим читателя держать перед глазами всю картину события. Нет проблемы такой степени сложности, чтобы ее нельзя было осветить ответами на вопросы «как сделано», «как построено», «как работает»... при любом уровне подготовки читателя.

Во втором случае задача совсем другая. Дать ответ на вопрос «почему» — значит показать, как некое событие или идея вытекают из других положений более общего характера. Но показать, как частное следует из общего, можно лишь методами логики, а еще лучше — методами математики.

Задача литератора, вступившего на тяжелый путь ответов на вопрос «почему», неизмеримо сложнее трудностей, с которыми сталкивается автор, описывающий ледники Кавказских гор или устройство моторного катера с новыми обводами. Ему надо тщательно выделить аксиомы, лежащие в основе объяснения, уменьшить для облегчения восприятия высоту логических ступеней, ведущих от основания к вершине объяснения.

Все ли стили изложения научных фактов одинаково хорошо звучат в обеих тональностях? Думается, что нет. При ответе на вопрос «как» художественное обрамление не является помехой. Отступления, аналогии, живая беседа, сюжет — все эти литературные приемы будут способствовать лучшему запоминанию и более яркому представлению тех фактов, о которых идет речь.

Если же статья посвящена ответу на вопрос «почему», то она должна строиться по законам логики. Основное ее достоинство — ясность рассуждения, а наиболее краткий путь от одной позиции к другой — одновременно и наилучший путь. Многословие, отступления от логической дорожки будут только рассеивать внимание читателя.

Читатель, ищущий знания, скорее всего будет дезориентирован такой статьей, ибо вынесет из нее ошибочное впечатление о неясности проблем. Читателя скучающего такая статья не превратит в любознательного, ибо ничего, кроме смутных ощущений, не вызовет. Единственная категория читателей, которая получит удовольствие от «романтического» изложения проблем, скажем, общей теории относительности или теории элементарных частиц, — это любители «высоких истин». Но стоит ли для них тратить бумагу?

Итак, любой вид литературы, повествующей о науке, — будь то научно-популярная книга, научно-художественное произведение или научная публицистика, — как нам кажется, оправдан лишь постольку, поскольку он сообщает читателю некие знания, то есть ответы на вопросы «как» и «почему». Однако сторонники «романтического» стиля полагают иначе. Им кажется, что статья должна быть прежде всего произведением литературы и создавать некое душевное состояние.

Не столь важно, о каких научных фактах идет речь, да и вообще дело не в фактах — так, вероятно, полагают защитники этого стиля. В крайнем случае факты могут быть неточными и даже неверными. Не в том дело. Важно создать у читателя смутное состояние романтической приподнятости, раскрывая перед ним мощь науки, заразить его очарованием научного прогресса, удивить и сломить его безбрежными горизонтами.

Возьмем, к примеру, заметку «Куриные яйца» микромира», опубликованную в № 12 журнала «Техника — молодежи» за 1970 год. Речь идет о кристаллической структуре твердого азота. В заметке всего 34 строки, но, бог ты мой, сколько здесь ошибок и неточностей! Автор пишет: «Молекула азота... в точности напоминает куриное яйцо». Это неверно, все двухатомные молекулы обладают формой гантели. Соответственно и претенциозное название заметки совершенно неуместно. Фраза «господствует бета-фаза — с шестигранными кристаллинами» — безграмотна, ибо шестигранная форма есть дело случая. Точно так же безграмотна и фраза «...с помощью рентгеновского просвечивания доказали четырехугольную структуру гамма-фазы». Наконец, и сам-то факт установления формы молекулы — мелкий, рядовой и вряд ли заслуживал, чтобы его излагали на страницах молодежного журнала.

В чем редакция усматривает пользу от этой заметки? По-видимому, в создании некоторого романтического ощущения приобщения к высокой науке? Оправдывает ли эта сомнительная цель примененные негодные средства?

А вот заметка «Загипнотизированные кванты» из № 9 за тот же год. На целой колонке излагается с серьезным видом просто чепуха. Видите ли, английский журнал «Нью сайентист» счел возможным сообщить о «наблюдениях» д-ра Гельмута Шмидта, доказывающего, будто волевым усилием можно подправлять движение элементарных частиц. Редакция нашего журнала также не может воздержаться, чтобы не преподнести своим читателям эту сенсационную глупость.

Легкомысленный подход к научным фактам, стремление к сенсационности и к пропаганде «безумных идей», то есть к «романтизации» науки, приводят журнал к тому, что он дезориентирует своих читателей изложением так называемого «эффекта Сигалова», представляя вполне ясные технические новинки как революцию в науке (заголовок предпосылается такой: «150 лет гипноза. Ошибка Ампера исправлена фергансками физиками»); безграмотной статьей «Поверх времени и пространства»: схоластическими измышлениями по поводу элементарных частиц в статье «Возможен ли периодический закон микрочастиц?».

В журнале «Вокруг света» (№ 11, 1969) вы могли прочесть весьма любопытную статью о симметрии в природе. Автор материала «Красота живой геометрии» даже не дал себе труда разобраться в сущности понятий, о которых пишет: любое изменение формы для него равнозначно изменению симметрии. А редакцию, видимо, прельстили «возвышенные» слова о «чудесах симметрии» и возможность дать красивые рисунки. О научной же корректности она не сочла нужным побеспокоиться.

Еще один пример «романтизации» — хотя несколько иного плана — статья «Токамак» вырывается вперед» в пятом номере журнала «Знание — сила» за 1970 год. Читаем: «Даже укутанная в магнитное одеяло, плазма зябнет... Иногда со стенок камеры холодными наплями на плазму сваливаются застрявшие там тяжелые атомы. Как гостеприимная хозяйка, плазма приглашает их к себе в дом и начинает раздевать... Раздеваемый атом, как напризный ребенок платье, вновь прижимает к себе снимаемый с него электрон... И самое ужасное заключается в том, что на этот сизифов труд (раздевать атомы. — А. К.) плазма обречена до конца своей жизни».

Для многих статей журнала характерна неторопливость, которая Писаревым считалась непременной особенностью популярного произведения. Но не хватила ли здесь редакция через край? Прямо надо сказать, плотность информации в таких статьях невелика. А сама «художественность», как мы видели, подчас оборачивается безвкусицей.

Но главное не в самом качестве «научной» беллетристики. Еще раз повторяю, если литературные приемы направлены на то, чтобы помочь читателю получше запомнить некую гамму фактов, то «романтический» стиль, если им не очень злоупотреблять, может оказаться целесообразным. Но для объяснения явлений, то есть для прокладывания мостиков между законами природы и наблюдаемыми фактами, этот стиль непригоден. Именно поэтому в журнале «Знание — сила» часто встречаются удачные статьи на темы географии и зоологии и столь же часто — плохие материалы, посвященные физике.

Итак... В вычислительной математике весьма распространены задачи поиска оптимального решения той или иной проблемы. Выбор наилучшей «стратегии» популяризации науки, на мой взгляд, относится к числу таких задач. Оценив, хотя бы приблизительно, «общественную значимость» разных категорий читателей и учитывая, что для каждой из них различные стили полезны в разной степени, можно было бы поручить ЭВМ найти оптимальный путь в деле «посвящения» читателей в науку. Мне представляется: когда ЭВМ решит проблему, то окажется, что пользу обществу приносит научно-популярная литература в скромном художественном оформлении. Машина покажет, что «романтическая» приподнятость уместна довольно редко, и во всяком случае лишь тогда, когда речь идет об описании того, как замечательно интересно устроен мир, в котором мы живем, а не в тех случаях, когда целью является объяснение явлений.

ОТ РЕДАКЦИИ. Проблемы, стоящие перед научно-популярной литературой, сложны и многообразны. Опубликованные выше полемические заметки известного ученого и популяризатора науки А. Китайгородского, на наш взгляд, ни в коей мере не претендуют на то, чтобы полностью очертить круг этих проблем, а тем более исчерпать их. На со всеми положениями автора можно согласиться. Редакция намерена продолжить разговор о научно-популярной литературе.

ПОЧТА ДИСКУССИОННОГО КЛУБА

ГОРОД ОПУСКАЕТ ЭТАЖИ?

«ГОРОД ПОДНИМАЕТ ЭТАЖИ» — ЭТО ПРИВЫЧНО, ПОНЯТНО. У ГАЗЕТНЫХ РЕПОРТЕРОВ ТАКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ДАВНО УЖЕ СТАЛО ИЗЛЮБЛЕННЫМ. НО ПОПРОБУЙТЕ ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ ОБРАЗ ГОРОДА, ОПУСКАЮЩЕГО ЭТАЖИ.

А МЕЖДУ ТЕМ АРХИТЕКТОРЫ ДАВНО УЖЕ ИСПОДВОЛЬ ОСВАИВАЮТ ПОДЗЕМНОЕ ПРОСТРАНСТВО. ЧТО СУЛИТ ЭТО ГОРОДУ И ГОРОЖАНАМ В БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ И В БОЛЕЕ ОТДАЛЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ?

МОСКОВСКИЙ ИНЖЕНЕР В. ГАРТВИГ ПРИДАЛ ЭТОЙ ПРОБЛЕМЕ ОСТРОПОЛЕМИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР, ОПУБЛИКОВАВ В ПРОШЛОМ ГОДУ СТАТЬЮ «ТРАСПОРТ — ПОД ЗЕМЛЮ, УЛИЦУ — ЧЕЛОВЕКУ!» («ЛГ», № 9). ТАКАЯ ПОСТАНОВКА ВОПРОСА, СУДЯ ПО ОТКЛИКАМ, ОЗАДАЧИЛА МНОГИХ ЧИТАТЕЛЕЙ-НЕСПЕЦИАЛИСТОВ. А ЧТО ПО ЭТОМУ ПОВОДУ ДУМАЮТ ГРАДОСТРОИТЕЛИ? МЫ ПУБЛИКУЕМ ИХ МНЕНИЯ.

ВСЕ — НАОБОРОТ!

Инженер В. Гартвиг предлагает в центрах городов упрятать под землю транспорт, а улицы предоставить только пешеходам. Представим себе на минутку, что такая трансформация осуществилась.

Опустеют улицы, исчезнут с поверхности легковые автомобили, троллейбусы, автобусы, красочные днем, светящиеся ночью. Как обеднеет сразу город! И к тому же часть транспорта, обслуживающая туристов, экскурсии, а также машины милиции, «Скорой помощи», аварийной службы, отделений связи и множества иных организаций во всех случаях останутся на поверхности земли. А это немалая часть городского транспорта!

К тому же непосредственно под асфальтом располагаются инженерные коммуникации, трубы и кабели. Значит, предложенные В. Гартвигом автодороги придется строить чуть ли не на уровне метро или даже еще глубже — во что это обойдется?! Такого не выдержит никакая экономика. В. Гартвиг сформулировал свою идею так: «Транспорт — под землю, улицу — человеку!» Четко, емко, но, на мой взгляд, неверно. Я предложил бы наоборот: «Пешеходам — подземные переходы, транспорту — мостовые!» Это наиболее рациональный путь разделения уровней движения. А параллельно надо вести борьбу с шумом и выхлопными газами, главным образом за счет совершенствования самого транспорта, переходить, в частности, на электрическую тягу.

Кстати, в этом направлении уже многое делается. В больших городах расширяются существующие магистрали и площади, развиваются новые направления метрополитена, устраиваются подземные переходы (хотелось бы, чтобы они были чаще и комфортабельнее), строятся эстакады, тоннели, мосты.

В конечном счете при завершении реконструкции городов это создаст благоприятные и безопасные условия для человека.

А. ШЕВЦОВ,
архитектор

МОСКВА

НА ВЕСАХ ОПЫТА

Хорошо это или плохо, но факт остается фактом: большие города во всем мире, в том числе и у нас, растянулись до огромных размеров. И все труднее решаются транспортные проблемы.

В поисках выхода градостроители обращают свой взор к подземному пространству. Вслед за метрополитеном проектируются под асфальтом и домами скоростные подземные трассы, создаются «паркинги» — стоянки автомобилей. Предвидя дальнейшие трудности, западные градостроители выдвигают, в частности, предложения о строительстве в Париже 130-километрового тоннеля с двумя-тремя полосами движения, гигантских подземных автострад в Лос-Анджелесе, Чикаго и других крупнейших городах.

Однако подобное решение транспортной проблемы в широких масштабах и во всех городах, конечно, экономически нецелесообразно, хотя, с инженерной точки зрения, тут нет никаких непреодолимых препятствий. Современная (а тем более будущая) техника позволяет справиться с многими трудностями, связанными с грунтовыми, гидрогеологическими и многими другими чисто техническими задачами. Но есть ли в этом необходимость?

Для большинства наших городов — даже в отдаленной перспективе — использование подземного пространства в транспортных целях явно лишено всяких оснований.

В руках градостроителей имеется достаточно других действенных средств. Используя подземное пространство лишь на отдельных, наиболее напряженных направлениях, вполне можно рационально организовать городское движение, обеспечивающее безопасность транспорта и пешеходов. Формула В. Гартвига — «улица без всякого транспорта» — это все же миф для нынешнего и, по-видимому, для прогнозируемого развития градостроения.

Может быть, «глобальное» освобождение улицы от транспорта оправдано в связи с шумом? Отнюдь нет. С шумом также можно бороться вполне реалистически, с помощью высоких и густых озелененных полос, экранирующих звуковую волну, или же развернуть часть зданий торцами к магистрали. Трассы наиболее шумного грузового автотранспорта надо пускать в обход внутригородских дорог. Я уже не говорю о том, что со временем изменится и сам транспорт — станет не таким шумным.

Подземная урбанистика, однако, имеет значительные перспективы в другом отношении, с транспортом прямо не связанном. Опыт реконструкции Парижа, Вены, Лондона, Праги и ряда других столиц мира показывает, что под асфальт целесообразно убирать склады, гаражи, торговые центры и прочие объекты городского хозяйства. В США под землей построены даже музеи, лекционные и выставочные залы.

На Вроцлавской площади в Праге все торговые склады находятся на 2—3 этажа ниже тротуара, и мы видели, как их загружают ночью через особые люки и лифты. Прекрасно оборудованные лампами дневного света и кондиционированным воздухом, уютно обставленные, подземное кино «Альфа», ресторан «Татран» и многие другие охотно посещаемые жителями Праги места также служат примером удачного спуска на более глубокий уровень в стесненных условиях крупного города.

Любопытно, что в таком многолюдном городе Японии, как Осака, торговый центр, расположившийся ниже горизонта обычной застройки, имеет многокилометровые подземные улицы. Его 28 магазинов различного профиля посещают 800 тысяч человек в сутки.

Специальными исследованиями выявлены технические и экономические предпосылки использования подземного пространства в Москве. При этом учитывались нехватка территорий для нового строительства, рост перевозок и потребности в дорогах, автостоянках и гаражах, задача разуплотнения застройки, проблемы озеленения, улучшения воздушной среды в старых кварталах...

Словом, в крупном центре рационально и уместно размещать под землей не только транспортные и инженерные коммуникации, автопарки и стоянки, но и склады, холодильники, котельные и электростанции, прачечные и химчистки, предприятия торговли и общественного питания, кинотеатры и многие другие объекты. Это позволяет на 8—10 процентов сократить потребность в наземных территориях, снизить затраты на инженерные сети и даже повысить рентабельность предприятий обслуживания.

Г. ФРУМИН

КИЕВ

ЕСТЬ ОБЕЖАТЬ КРАЙНОСТЕЙ

Два-три яруса подземных автомагистралей, приспособленных для больших скоростей, не создающих своим шумом и движением неудобств для горожан, — этим, вероятно, придется со временем обзавестись каждому крупному центру.

Но только ли одни автомагистрали стоит убрать под землю? Архитекторы еще в сороковых годах предлагали проект города, полностью лежащего под землей. Это одна крайность. Другой крайности придерживаются те, кто утверждает: все подземное — не для человека.

Уже осуществлен ряд проектов подземных сооружений: переходы, тоннели-автомагистрали, магазины, бары, заводы. Без метрополитена мы не представляем жизни Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Баку. Уютно чувствует себя человек и в подземном зрительном зале, где, как известно, смотреть надо не в окна, а на экран или сцену.

Жилые дома, детские сады, ясли, школы, учебные заведения, стадионы, лечебные учреждения — вот первые претенденты на застройку поверхности земли.

Что же касается научных лабораторий, то часть из них, особенно с развитием техники искусственного освещения, вполне может расположиться на более низких городских этажах. Кстати, уже имеются постройки такого рода и в СССР, и в других странах.

Есть и такие объекты, которые можно строить под землей без ограничений. Первым делом — вокзалы, транспортные магистрали, склады, гаражи, мастерские, некоторые зрелищные залы и музеи. Существует много магазинов, торгующих при искусственном свете. Некоторые кафе, рестораны, бары, столовые могут находиться под землей.

Располагаясь на нескольких уровнях, связанных между собой коммуникациями, все эти сооружения образуют комплексы подземного урбанизма.

Х. ЛОТОШНИКОВ,
архитектор

РОСТОВ-на-ДОНУ

Рис. В. ПЕСКОВА

НУЖЕН ЛИ КОДЕКС ПРОСТУПКОВ?

В. КУРАЯНДСКИЙ, профессор, заслуженный юрист РСФСР

СТАТЬЯ ПЕЧАТАЕТСЯ В ДИСКУССИОННОМ ПОРЯДКЕ. РЕДАКЦИЯ ПРИГЛАШАЕТ ЧИТАТЕЛЕЙ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ОБСУЖДЕНИИ ВОПРОСА О СФЕРАХ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ И МЕР МОРАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ.

НА МОЕМ столе — материалы о людях, изобличенных в совершении говоря мягко, неблаговидных поступков. И фабула, и все другие обстоятельства, относящиеся к их действиям, весьма сходны, почти тождественны. Одинакова, как говорят криминологи, и личностная характеристика виновных. Неодинаковы лишь меры наказания, которым они подверглись. В одних случаях их действия были квалифицированы как уголовные преступления и соответственно им были определены наказания, предусмотренные Уголовным кодексом. В других — были расценены как заслуживающие лишь мер общественного воздействия, морального осуждения.

Приведу несколько примеров.

Шофер К., 30 лет, похитил из фургона автомашины 15 килограммов свинины стоимостью 18 рублей. Народный суд Ждановского района Москвы приговорил его к одному году исправительных работ. Другой шофер — Н., 36 лет, при перевозке фанеры похитил 32 листа стоимостью 47 рублей. Сотрудники Сокольнического райотдела милиции Москвы, расследовавшие это дело, решили, что здесь нет оснований для применения к виновному мер уголовного наказания. Материалы были переданы на рассмотрение товарищеского суда по месту работы, который оштрафовал Н.

Итак, за хищение в размере 18 рублей виновный понес уголовное наказание, длившееся год, и, кроме того, в течение еще трех лет за ним сохранится судимость — последствие весьма серьезное. В другом, подобном же случае, хотя сумма похищенного была в два с лишним раза больше, виновный отделался штрафом, наложенным товарищеским судом, не влекущим ни судимости, ни других ощутимых последствий уголовного наказания.

Или вот еще два однотипных по обстоятельствам дела.

Электрик плодоовощной базы Т., 31 года, похитил 7 килограммов огурцов и 4,5 килограмма картофеля на общую сумму 4 руб. 65 коп. Приговором народного суда Пролетарского района Москвы он был осужден к одному году исправительных работ. Когда же В., 41 года, похитил с базы 23 килограмма репчатого лука стоимостью 11 руб. 50 коп., товарищеский суд, куда были переданы материалы этого дела, вынес виновному товарищеское предупреждение.

Совершенно ясно, что в данных курьезных случаях ошиблись отдельные должностные лица: за хищение в сумме 4 рублей под суд отдавать нельзя, а за хищение в сумме 47 рублей судить по закону надо. Но, отмечая ошибки работников суда и следствия, в то же время нужно подумать и над уточнением толкования понятий уголовного преступления и проступка. Речь идет об уточнении, столь четком и исчерпывающем, которое полностью устранило бы возможность подобных ошибок, когда при сравнительно малозначительных правонарушениях вместо вполне оправданных мер общественного воздействия или административного взыскания применяется такая серьезная мера, как уголовное наказание и, наоборот, в случаях опасного нарушения советского правопорядка виновный достаточно строгого наказания не несет.

Я начал статью со случаев явно курьезных, для того, чтобы острее поставить вопрос о кодексе проступков.

Дело в том, что действующее уголовное законодательство иной раз предоставляет возможность в отношении лиц, совершивших некоторые уголовные преступления, применить меры либо уголовного наказания, либо общественного воздействия. Критерии, которыми должны руководствоваться при этом должностные лица, очень неопределенны. Действительно, такие категории, как «малозначительность» или «небольшая общественная опасность» преступления, могут оцениваться различными людьми далеко не одинаково. Иногда же решение столь важного для гражданина вопроса зависит от факторов далеко не правового характера: функционирует или нет на данном предприятии (в колхозе, домоуправлении и т. п.) товарищеский суд, сколь активно было заинтересованное лицо в мобилизации общественного мнения в свою пользу, сумело ли оно добиться соответствующих ходатайств, и т. п. Конечно, такого рода случаи — исключения. Но и как исключениям им не должно быть места при последовательном осуществлении принципа равенства всех перед законом.

Говоря об одинаковом действии права в отношении различных людей, В. И. Ленин указывал, что «всякое право есть применение одинакового масштаба к различным людям...»

Одинаковые масштабы предполагают, в частности, и нормы уголовного законодательства, предусматривающие ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта. Однако практика свидетельствует, что и здесь встречается весьма разномасштабный подход к вопросу о судьбе провинившегося. Вот два случая и две оценки их значимости. В первом — артист О., следуя в нетрезвом состоянии на своей автомашине, разбил другую автомашину, стоявшую у светофора. В результате один из пассажиров получил легкие телесные повреждения, ремонт машины стоил 764 рубля. В другом случае шофер автобазы «Скорая помощь» М., также в нетрезвом состоянии управляя машиной, при обгоне столкнулся с попутным автомобилем. Стоимость ремонта обеих машин составила 663 рубля, из людей никто не пострадал.

Казалось бы, два почти одинаковых случая, если не считать, что в первом был и потерпевший, да и сумма материального ущерба была несколько большая. Однако именно в этом первом случае материал был направлен на рассмотрение товарищеского суда, который объявил виновному «предупреждение». Во втором случае дело рассматривал народный суд, применивший к виновному такую меру уголовного наказания, как исправительные работы сроком на год и сверх того лишение права управлять транспортными средствами сроком на два года.

Примеров, однако, достаточно...

Усиление роли общественности в борьбе с правонарушениями — закономерный процесс развития нашего государства. Об этом говорится в Программе нашей партии, в материалах и решениях XXIV съезда КПСС.

Именно поэтому целесообразно внести большую ясность и четкость в разграничение компетенции государственных судов и таких общественных организаций, как товарищеские суды.

ПРИ РЕШЕНИИ этого вопроса, как мне думается, важно учитывать следующие исходные положения.

К компетенции государственных судов должно быть отнесено рассмотрение дел о правонарушениях такой степени общественной опасности, которая со всей определенностью обусловливает необходимость властного вмешательства государства в интересах охраны общества и применения мер государственного принуждения в форме уголовного наказания.

К компетенции общественных (товарищеских) судов следует отнести такие правонарушения, которые по степени своей опасности не достигают уровня уголовного преступления и, соответственно, требуют лишь морально-нравственного воздействия на сознание провинившегося человека.

Естественно, при этом нужно будет на основе законодательного решения перевести некоторые правонарушения, не отличающиеся особой общественной опасностью, из разряда уголовных преступлений в разряд проступков.

Потребуются, конечно, разработка и принятие Кодекса проступков, в котором четко и определенно будет дана и характеристика соответствующих правонарушений (проступков) и мер воздействия в отношении лиц, их совершивших. При этом роль общественности в борьбе с правонарушениями еще более возрастет.

В то же время еще неотвратимее будет следовать наказание за преступные действия, предусмотренные Уголовным кодексом.

Меня могут обвинить в формализме, сказать, что бывают ведь случаи, когда действия, подпадающие под признаки деяния, описанного Уголовным кодексом, не требуют применения к виновному именно уголовного наказания. Но, во-первых, любое правовое решение того или иного вопроса неизбежно, в хорошем смысле слова, должно быть формальным, то есть четко и определенно обрисованным и зафиксированным в законе. И, во-вторых, предлагаемое решение вовсе не исключает сохранения в действующем уголовном законодательстве возможности решения о прекращении дела в уголовном порядке. Но это будет делаться как исключение, о допустимости которого вопрос могут решать компетентные органы на основе четких указаний закона.

Что касается общего правила, то оно будет состоять в том, что за совершением преступления должны следовать уголовный суд и неизбежное применение уголовного наказания; соответственно при совершении проступка, если по закону он не влечет дисциплинарного или административного наказания, должны следовать товарищеский суд и также неизбежное применение мер общественного воздействия.

Введение Кодекса проступков, как мне представляется, совпадало бы с ленинской идеей привлечения общественности к борьбе с правонарушениями и одновременно с осуществлением принципа неотвратимости уголовного наказания.

Нельзя также проходить мимо положительного опыта других социалистических государств, которые имеют и успешно применяют в своей практике борьбы с правонарушителями кодексы проступков или особые законы.

Такие кодексы действуют в настоящее время в шести зарубежных социалистических государствах.

Группа научных сотрудников Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности в настоящее время осуществляет предварительные научные исследования, которые могут быть использованы в работе по созданию Кодекса проступков, если сама идея подготовки такого кодекса встретит одобрение. При этом учитывается накопившийся опыт деятельности товарищеских судов и других общественных организаций по применению мер общественного воздействия за различные правонарушения.

Работа эта еще не завершена, и об окончательных выводах и решениях говорить сейчас преждевременно. Предполагается, однако, что кодекс должен состоять из двух частей или разделов. В первом — должны рассматриваться общие вопросы, такие, например, как отграничение проступка от преступления, основания ответственности за проступок, виды и порядок применения мер взыскания за проступки и т. д.

Во втором разделе должны быть четко обрисованы виды правонарушений, отнесенных сейчас к категории преступлений (в частности, совершаемых не с умыслом, а по неосторожности); к ним должны быть отнесены правовые нарушения, содержащиеся в действующих положениях о товарищеских судах и о комиссиях по делам о несовершеннолетних; перечень этот может быть дополнен и новыми нормами (сквернословие, неуважительное обращение со старшими, с женщиной, невыполнение обязанностей по воспитанию детей, нарушение покоя граждан и т. п.).

* *

Естественно, что при создании Кодекса проступков большое значение могут иметь мнения и пожелания (причем не только специалистов-юристов), относящиеся как к самой идее кодекса, так и к решению конкретных вопросов, связанных с этой работой.

ЭТОТ ДОЛГ ЗА НАМИ ВСЕГДА

Дорогая редакция!

Известно, что Главное управление культуры Моссовета приняло решение предоставить инвалидам Отечественной войны первой и второй групп право приобретать билеты во все столичные театры без очереди. К сожалению, это очень важное для нас, инвалидов, решение не всегда выполняется. С тем, что оно не известно, например, администрации театра «Современник», я столкнулся сам.

С. ЦУКАНОВ,
инвалид Отечественной войны второй группы

Мы ознакомили с письмом тов. С. Цуканова начальника отдела театров Главного управления культуры Моссовета тов. А. Кулешова. Он сообщил нам, что «администрации тех театров, в которых нарушается решение Главного управления культуры Моссовета, дано строгое указание немедленно обеспечить продажу инвалидам Отечественной войны билетов вне очереди».

Так обстоит дело в Москве. А в других городах?

Наш корреспондент позвонил в Министерство культуры СССР. Начальник Управления театров Г. Иванов сообщил:

— Мы направили директивное письмо всем министерствам культуры союзных республик о предоставлении инвалидам Отечественной войны права приобретать билеты вне очереди во всех театрах и концертных залах страны.

* * *

● В «Литературной газете» были опубликованы статьи Маршала Советского Союза И. С. Конева («ЛГ», № 5) и писателя В. Соколова («ЛГ», № 13) о нашем священном долге перед ветеранами, инвалидами Великой Отечественной войны.

Некоторые факты, приведенные в этих статьях, обсуждались Постоянной комиссией социального обеспечения Московского городского Совета депутатов трудящихся.

В своем решении комиссия указала на необходимость «...установить контрольные сроки обеспечения жилой площадью семей инвалидов Отечественной войны, вставших на учет после 1 января 1971 года». «...Обязать председателей районных исполкомов взять под личный контроль выполнение решение исполкома Моссовета о предоставлении инвалидам Отечественной войны, взятым на учет до 1 января 1970 года, жилой площади в течение 1972 года».

Депутатская комиссия рассмотрела вопрос о затянувшихся сроках строительства в Москве восстановительных центров Министерства социального обеспечения РСФСР. Комиссия вынесла решение: «...принять меры, обеспечивающие выполнение плана строительно-монтажных работ 1972 года», возложенных на Главмосстрой, и «...разработать мероприятия по вводу в действие восстановительного центра слуха и речи в 1973 году и комплекса протезно-ортопедического восстановительного центра в 1975 году, а производственного корпуса этого центра для протезно-ортопедического предприятия в 1973 году».

● В своей статье Маршал Советского Союза И. С. Конев упрекнул, в частности, работников ряда учреждений Тушинского района Москвы в недостаточно внимательном отношении к нуждам инвалидов.

Заместитель председателя исполкома Тушинского райсовета тов. М. Е. Федотов сообщил редакции:

— Статья маршала обсуждалась на совещании главных врачей райздравотдела, руководителей торговых предприятий райпищеторга, отдела учета и распределения жилья. Райздравотделом создана комиссия для постоянного контроля за медицинским обслуживанием инвалидов Отечественной войны.

Магазины района взяли шефство над ветеранами.

В отделе распределения жилой площади все инвалиды войны и семьи погибших военнослужащих поставлены на особый учет и в ближайшее время будут полностью обеспечены жильем.

НА БУЛЬВАРЕ...

Фото В. КРУПСКОГО и В. КАВАШКИНА (АПН)

Аркадий ВАКСБЕРГ

БЕСТАКТНОСТЬ

В Отчетном докладе XXIV съезду КПСС товарищ Л. И. Брежнев говорил о мерах, принимаемых партией, «чтобы создать такую моральную атмосферу в нашем обществе, которая способствовала бы утверждению... уважительного и заботливого отношения к человеку...». Такое отношение — норма нашей жизни. Тем нетерпимее те отклонения от этой нормы, над которыми размышляет автор статьи.

МОЛОДОЙ московский инженер К. стал жертвой собственной смелости. Он ушел один в труднодоступные районы Хабаровского края и вскоре бесследно исчез.

Было сделано все, чтобы разыскать и спасти его. В организации поисков участвовали Академия наук СССР, ВЦСПС и Хабаровский крайисполком. Десятки часов над предполагаемым районом бедствия кружили вертолеты. Множество спортсменов, геологов, оленеводов прошли по тайге сотни километров в надежде напасть на след К. Все было напрасно: он, очевидно, погиб.

И вот я читаю статью Б. Москвина «...Но не одиночкам!», опубликованную в журнале «Турист». Странное чувство не покидает меня. Все вроде бы верно, я готов подписаться под каждой мыслью, которые так последовательно и энергично проводит автор. Он горячо развенчивает ложную романтику одиночного туризма по трудным маршрутам, он убедительно доказывает, что риск, которому турист подвергает себя в таких путешествиях, ничем не оправдан. Отчего же, чем дальше, тем больше, эта статья вызывает во мне протест? Отчего, дочитав до конца, я уже забываю о том, что по существу она полезна и справедлива?

Оттого, что в публицистическом запале автор избрал тональность, обидную для памяти погибшего. Для его родных и друзей. И даже для тех, кто никогда не знал инженера К., но кому небезразличны такие понятия, как человеческое достоинство и честь, доброе имя и долг живых перед теми, кого уже нет.

Позволительно ли даже ради правого дела писать о жертве несчастья, о погибшем, который, повторяю, не преступник и не бесчестный человек, что он «неуважителен», «самонадеян», что он «турирующий одиночка», нарушивший «закон человеческого общежития», и что вообще его поступок сродни «анархизму» и «авантюризму»? Можно ли, хотя бы и между строк, упрекать его, мертвого, что на поиски было израсходовано денег — много, полето-часов — столько-то, а сверх того усилия спасателей — усилия, которые ничем не измерить, не оценить? Разве это не норма нашей жизни — помогать попавшему в беду, не считаясь ни с деньгами, ни с силами, помогать, независимо от того, как и почему случилась беда? И разве когда-нибудь, даже спасенному, а не мертвому, у нас предъявляется счет, хотя бы и фигуральный, за расходы на поиски, в какую бы копеечку они ни влетели?

Ну и, кроме того, какой же К. турист в том смысле, в каком вообще употребляется это слово — даже и при самом широком его толковании? Что авантюрного в его поступке? Авторитетные научные организации дали ему специальные задания. Комитет по метеоритам Академии наук СССР поручил проверить сведения о падении железного метеорита в труднодоступных районах Хабаровского края. Известный академик обращался к местным организациям с ходатайством помогать путешественнику в его важной работе. Популярный журнал «Знание — сила» дал ему задание изучить все, что относится к так называемой «легенде гольца Кет-Кап». По месту постоянной работы ему был предоставлен дополнительный месячный отпуск — «имея в виду специальный научный характер задания», с которым он отправлялся в путь. Добавим еще, что К. был экипирован надлежащим образом, так, как ходят все бывалые таежники.

Неужто и впрямь такой человек заслуживает посмертной насмешки? Неужто он — лучшая «иллюстрация» для правильного — в общем и целом — тезиса о вреде одиночного туризма? Неужто именно на его примере надо предупреждать легкомысленных чудаков о том, что с природой шутки плохи?

Снова хочу повторить, что с легкомыслием на туристской тропе надо бороться. В этом смысле выступление Б. Москвина вполне своевременно и полезно. Но правомерно ли «подверстывать» к правильной идее драматичную человеческую судьбу, не имеющую ничего общего с этой идеей?

Статья Б. Москвина, естественно, вызвала много откликов. Часть из них тоже опубликована в журнале. Читатели, ничего не знавшие о К., приняли его таким, каким он был представлен в статье. Тон, избранный автором, породил такой же и у иных читателей. И вот уже у одной читательницы поступок инженера К. вызывает «негодование», она предлагает его «развенчать» и даже «вырвать почву из-под ног». А в другом отклике погибшему бросается упрек в том, что «он пренебрегал радушием и гостеприимством северян».

Нет, ничем не оправдать эту бестактность — ни благими намерениями, ни важностью проблемы, ни даже стремлением уберечь от ошибки других неразумных романтиков. Не оправдать потому еще, что достижение этой цели вовсе не требует поступаться правилами такта. Скорее наоборот: чем благороднее цель, тем большей щепетильности требует она в выборе средств.

Почтенный профессор протянул мне приказ по институту: «...Профессора освободить от работы с 1 сентября...» Даже причина освобождения указана не была. Я знал, что его уволили в связи с переходом на пенсию, хотя он покидать работу вовсе не собирался.

— Только, пожалуйста, — попросил профессор, — не придавайте особого значения формальным нарушениям. Обратите внимание на дату приказа: 26 августа. Я приехал из отпуска тридцатого, к началу учебного года, и нашел в почтовом ящике письмо... И все, голубчик... Пятьдесят два года работы на кафедре, и после этого приказ об увольнении — по почте. Вот так... Вы не можете мне объяснить: за что?!.

Увы, я не мог объяснить. Не может быть, подумал я, чтобы с профессором обошлись столь бестактно без всяких причин. Столь бестактно и столь неразумно.

— Профессор жалуется?— удивился в телефонную трубку директор института. — К нему же проявили внимание, премировали месячным окладом, за которым он, кстати, не явился... Вы что же, против омоложения кадров?

Видит бог, я не против «омоложения». Мне всего лишь невдомек, почему оно должно сопровождаться бестактностью и обидой.

Бестактность ранит того, кому она адресована, но унижает того, кто ее себе позволяет. Хотя вроде бы она признак независимости и силы, практически она всегда оружие слабых, не способных добиться иначе желанного для них результата. Но бестактность не только ранит. В ней тонет и то разумное, чем пытаются ее прикрыть, оправдать. Если руководитель лаборатории (привожу случай, рассказанный в одном из читательских писем) хочет достигнуть высоких научных результатов, понукая и подгоняя своих сотрудников, дрожащих от одного лишь его вида, то сомнителен и конечный эффект, которым он хвастается в своих отчетах.

Ибо для нас важно не только что, но и как.

А всегда ли в бушующих страстях производственных собраний, в спорах за «круглым столом», в полемическом задоре на печатной трибуне, отстаивая дорогую нам мысль, — всегда ли мы выбираем точные, необидные слова, критикуя, осуждая или просто возражая своему оппоненту? Ведь даже преступника, заслуживающего суровейшего из всех наказаний, нельзя оскорблять, нельзя задевать его личное достоинство, нельзя использовать выражения, унижающие его человеческое «я». Наказание — да! Но не грубость...

Это только кажется, что такт — лишь «оболочка», лишь некий «декор», которым «в интересах дела» можно пренебречь. В действительности, я думаю, нетрудно вычислить, во что обходится — для дела, а не для «эмоций» — это пренебрежение. Разве секрет, что человек, которого походя ранили окриком, грубостью, нечутким поступком, кого не к месту избрали мишенью для сатирических стрел или унылых проработок, долго не может обрести необходимую трудовую форму, что он подчас на целые месяцы остается выбитым из колеи? Пусть для иных его реакция на обиду покажется чрезмерной чувствительностью. Не у всех ведь задубела кожа, и еще неизвестно, непременно ли надо ей задубеть.

Урок от бестактности терпит не только обиженный, но и общество в целом. Наше общество строго взыскивает с каждого, даже ценнейшего и преданнейшего работника, если он не умеет бережно и чутко обращаться с людьми. Этого требуют наши великие завоевания в области духовной культуры, наше стремление обеспечить полный расцвет личности, создать такой нравственный климат, при котором каждый чувствует себя надежно защищенным от любой напраслины, от любой обиды.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
центральная контора «Академкнига»
В МАГАЗИНАХ «АКАДЕМКНИГА»
ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ:

Борисов В. М. Современная египетская проза. 1961. 127 стр. 40 к.
История немецкой литературы. В пяти томах. Т. IV. 1848—1918 гг. 1968. 614 стр. 3 р. 56 к.
История словацкой литературы. 1970. 471 стр. 2 р. 84 к.
Николюкин А. Н. Массовая поэзия в Англии конца XVIII — начала XIX веков. 1961. 278 стр. 1 р. 17 к.
Письма Ягича к русским ученым 1865—1886 гг. 1963. 528 стр. 2 р. 85 к.
Славянские литературные связи. 1968. 285 стр. 1 р. 88 к.

Заказы на книги направляйте по адресам: Москва В-463, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга—почтой»; Ленинград П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга—почтой», Киев, ул. Ленина, 42; Новосибирск 91, Красный проспект, 51, а также в другие магазины «Академкнига».

СЕМЬЯ: КАК БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ...

«ЛГ» УЖЕ СООБЩАЛА О ПРОХОДИВШЕМ В МОСКВЕ С 17 ПО 22 АПРЕЛЯ XII МЕЖДУНАРОДНОМ СЕМИНАРЕ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ СЕМЬИ. НА СЕМИНАР СЪЕХАЛИСЬ 150 УЧЕНЫХ ИЗ РАЗНЫХ СТРАН. НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ ЛАРИСА КУЗНЕЦОВА ОБРАТИЛАСЬ К НЕКОТОРЫМ УЧАСТНИКАМ СЕМИНАРА С ПРОСЬБОЙ ОТВЕТИТЬ НА НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ.

Профессор А. ХАРЧЕВ *(СССР)*:

НОВЫЙ ОБЛИК ВЕЧНОЙ ПРОБЛЕМЫ

— Семья и брак при социализме и капитализме. В чем их различие и сходство?

— Психика людей и психология человеческих отношений, как известно, есть в конечном счете отражение социально - экономического строя. Но они могут в какой-то мере изменяться и под непосредственным воздействием материально-технических факторов (индустриализация, урбанизация, рост информационных нагрузок). Поэтому отмечая и подчеркивая принципиальные, качественные различия буржуазной и социалистической семьи, мы должны оговориться, что это не исключает возможности сходства отдельных тенденций в этой сфере человеческой жизни.

Буржуазные социологи обычно абсолютизируют момент сходства, интерпретируя его как проявление пресловутой «конвергенции». Марксисты же четко различают принципиально новую, социалистическую сущность нашей семьи, с одной стороны, и многообразие (подчас противоречивое) явлений брачно-семейной практики, с другой.

Если учесть все эти обстоятельства, то надо сказать, что социалистический тип семьи отличается от буржуазного прежде всего тем, что брак при социализме освобождается от уродующего, «отчуждающего» воздействия собственнических отношений, что социалистический строй обеспечивает гармоническое сочетание интересов личности, семьи и общества, «снимая» присущие капитализму элементы антагонизма во взаимоотношениях между ними.

— Означает ли сказанное вами, что социалистическая семья вообще свободна от всяких противоречий?

— Не ловите меня на слове. Я говорил об антагонизме, который порождается частнособственническими отношениями и наиболее полно, остро проявляется в классовой борьбе. Поскольку семья возникает и существует в антагонистическом обществе, она неизбежно несет на себе печать этого общества. То, что писал Ф. Энгельс о несовместимости собственнического брака по расчету и чувства любви, остается в силе по сей день.

Но вот частнособственнические отношения ликвидированы, и вместе с ними социально-экономическая почва для браков по расчету. Значит ли это, что все браки сразу стали браками по любви? Если некоторые так и думали, то только принимая желаемое за действительное. Начнем с того, что, коль скоро сохранились нравственно-психологические пережитки, они так или иначе проявляются и в выборе супруга. Вряд ли можно подсчитать, сколько еще современных женихов и невест, принимая решение о вступлении в брак, ставят на первое место не любовь, а более прозаические соображения. Но факт существования таких браков доказывает хотя бы статистика бракоразводных дел и особенно характер некоторых из них (ведь порой суды превращаются в мелкие имущественные тяжбы).

Далее, сама любовь — отнюдь не сказочная Сивка-Бурка: позовешь — она уже здесь. Настоящая любовь требует не только определенных социально-экономических условий, но и большой нравственной и этической зрелости человека. Мне кажется, что психологи когда-нибудь установят зависимость между душевным богатством людей и силой, глубиной их любви. Сегодня же порой бывает трудно в отношениях между молодыми отличить настоящую любовь от своеобразного миража любви. А мираж быстро рассеивается. Вот вам еще одно весьма распространенное, мне кажется, противоречие современного брака.

Да и сама по себе любовь может быть источником противоречий. Ведь она, в основном, прерогатива сердца, а не разума, сердце же немного дальтоник: то, что разум стремится видеть таким, как оно есть, сердце видит или в слишком розовом, или в слишком мрачном свете.

Розовым светом обычно освещены связанные с браком ожидания, мрачным — те трудности, с которыми сталкивается молодая семья, особенно если принять во внимание неполную обеспеченность молодоженов жильем и далекую от идеала работу многих наших бытовых учреждений.

К тому же и «инерция ухаживания», к сожалению, подчас угасает слишком быстро после регистрации брака. В результате переход от роли влюбленных к роли супругов оказывается для молодых чреватым большими разочарованиями.

Эти противоречия между ожиданиями и реальностью брака могут серьезно травмировать даже сильное, подлинное чувство. Наконец, еще одно очень серьезное противоречие современной семьи: трудности совмещения для работающих на производстве женщин профессиональной и семейной функций.

— Какие тенденции в развитии отечественной социологии семьи вы могли бы отметить за последние годы?

— Это очень большой вопрос, поэтому я ограничусь лишь некоторыми соображениями.

Если еще в недалеком прошлом исследованием семьи занимались у нас лишь отдельные лица, то сейчас мы имеем уже несколько достаточно зрелых в профессиональном отношении групп: в Минске — под руководством профессора Н. Г. Юркевича, в Вильнюсе — под руководством кандидата философских наук Н. Я. Соловьева, в Тарту — под руководством кандидата философских наук Юло Вооглайда и т. д.

Развитие социологии семьи оказало значительное влияние на изучение этой проблематики и в таких науках, как этнография, правоведение, педагогика. В каждой из них стало больше внимания уделяться эмпирическим исследованиям, точности и надежности методики.

Все ярче проявляется стремление к сравнению, сопоставлению полученных результатов. Заметно выросла методическая культура советских работ по семье (это неоднократно отмечалось и нашими гостями на семинаре), хотя до «потолка» здесь еще далеко. «Потолок» надо, по-видимому, понимать чисто условно, так как и совершенству, и несовершенству, как известно, нет предела. Все эти прогрессивные процессы пошли бы гораздо быстрее (а следовательно, плодотворнее для теории и практики), если бы у нас существовал хоть один профессиональный (а не на «общественных началах») центр по социологии семьи.

Профессор Р. ХИЛЛ *(США)*:

ШКОЛА ТАНЦА

— Господин Хилл, какие основные тенденции в развитии науки о семье наметились за последние годы? Поскольку вы являетесь крупнейшим специалистом по социологии семьи, президентом Международной Социологической Ассоциации и экс-председателем Международного комитета по исследованию семьи, хотелось бы попросить вас ответить на этот вопрос пообстоятельнее.

— Первое. Социальные исследования семьи выросли до уровня вполне уважаемой научной сферы, над которой не смеются и не шутят. Излишние улыбки долго мешали нам объективно, беспристрастно и спокойно работать в довольно сложной и чрезвычайно тонкой области. Наконец-то труд по исследованию семьи стал для социологе эмоционально комфортным, и это, безусловно, способствует расцвету самой науки. Недаром исследования семьи стали всемерно распространяться, и в этом я вижу их вторую важную особенность. Сейчас трудно назвать какую-нибудь крупную страну мира, где не было бы хороших специалистов по этим вопросам. XII международный семинар в Москве — прекрасное тому доказательство.

Третье. Раньше в нашей науке преобладал отвлеченно-теоретический подход к многим темам. Мы много говорили об эволюции семьи, ее происхождении, историческом развитии. Сейчас есть стремление спуститься по лестнице абстракции вниз, на микроуровень каждодневности. Нас интересуют взаимоотношения и проблемы в современной, вполне реальной семье, состоящей из людей, что живут бок о бок с нами. Таким образом, наша наука постепенно приближается к своей основной гуманистической задаче: помогать человеку.

Четвертое. Не так давно многие теоретики утверждали, что семья в индустриальном обществе — изолированная от родственников нуклеарная группа (отец, мать, дети). Однако около двухсот исследований семьи и ее родства, проведенных специалистами за последние годы, показали, что нынешняя семья поддерживает довольно интенсивные отношения с родственниками и со «старой» семьей и что связи между поколениями отцов и взрослых детей не так уж слабы.

И последнее, пятое. Есть определенное движение в выработке новых методов исследований. Раньше мы широко опирались на анкетирование, интервью, выборочные опросы, а сейчас пытаемся создать в самой изучаемой семье, так сказать, экспериментальные условия. Мы предлагаем людям нечто вроде социальной игры на заданную тему. Предположим, составьте план летнего отдыха для вашей семьи (муж, жена и двое детей), чтобы этот отдых понравился каждому. Как люди будут решать этот вопрос, кого и что ставить на первое место, кого и что приносить в жертву? Наблюдения в условиях эксперимента дают порой абсолютно свежий и часто неожиданный взгляд на структуру привязанностей внутри семьи.

— Если бы вы принадлежали совсем к другой профессии и о социологии семьи знали лишь понаслышке, какие требования предъявляли бы вы к этой науке?

— Это каверзный вопрос. Я уже не могу не быть социологом семьи и не могу смотреть на семейные процессы отчужденным от науки взглядом. Хотя, с другой стороны, на свете, наверное, нет иного феномена, более «знакомого» всем и каждому, чем семья. Поэтому так много людей, которые хотят получить от социолога семьи прямые ответы на многие вопросы. Как не ссориться с женой? Как воспитывать детей? Как создать домашнее благополучие? Люди ждут, что мы дадим им рецепты семейного счастья... Однако погоня за рецептами и панацеями напоминает мне погоню за эликсиром жизни. Ведь медицина — наука древнейшая и хорошо развитая — почему-то до сих пор не объяснила человеку, как всегда быть здоровым, розовощеким, цветущим и при всех тридцати двух зубах. Хотя медицина давно определила и назвала та педали, нажимать на которые для человека желательно (гигиена, рациональное питание, режим труда и отдыха), отделив их от педалей противоположного свойства (стрессовые состояния, неумеренность в еде, злоупотребление алкоголем и т. д.). Я нарочно упрощаю аналогию, чтобы было предельно ясно: социология тоже может дать людям определенные ориентировки, но само решение всегда останется прерогативой личности. Мы можем предложить человеку некоторую подготовку, своего роде обучение по вопросам общения (многие люди, как выяснилось, плохо умеют или вовсе не умеют общаться, хотя искренне к тому стремятся), дать советы, как подходить к решению тех или иных проблем, как, например, составлять семейный бюджет, хотя окончательный выбор — повторяю — всегда остается за мужем и женой.

Такой тип «семейного» обучения обязательно предполагает супружескую ученическую пару. Одного тут никак не обучишь, ибо семьи строятся на союзе двоих. Такое обучение я сравнил бы с уроком танца, даже балета. Посмотрите, какие сложные взаимозависимости партнеров в балетных позах, движениях, вращениях, прыжках и поддержках! Ведь если партнер даст маху и не осуществит поддержку при головокружительном прыжке примадонны, она попросту разобьется. А в семейной жизни такое, к сожалению, случается: люди искренне хотят «танцевать» вместе (собственно, для этого они и вступают в брак), однако так неуклюже наступают иной раз друг другу на ноги, что, будь социолог учителем танцев, пришлось бы начинать с объяснения, где правая нога, а где — левая.

К примеру, если один супруг рассматривает детей как самый прекрасный и драгоценный товар в мире, а другой супруг считает, что куда лучше все остальные товары и жизнь предназначена как раз для того, чтобы наслаждаться ими, а не обременяться сосками и пеленками, тогда о каком совместном супружеском танце можно всерьез говорить? Очевидно, даже если в такой семье появятся дети, то это скорее будет фактическим решением вопроса, достигнутым отнюдь не на основе соглашения и единодушия. Таким супругам прежде всего следовало бы условиться, некой же способ, стиль жизни они выбирают, какие цели и ценности будут составлять каркас их семьи, какая музыка будет преобладать в их жизни... Социолог может лишь помочь этим людям понять себя, но музыку пусть они выбирают сами.

Вы хотели, чтобы в этом ответе я не был социологом, и предложили мне своего рода экспериментальную ситуацию («...если бы вы...»). Однако весь строй моих рассуждений выдал меня как социолога.

Профессор Н. ЮРКЕВИЧ *(СССР)*:

БЫТ, БУДНИ, ЛЮБОВЬ

— Как влияет научно-техническая революция на тенденции развития нашей семьи и семьи в мире капитализма?

— Некоторые зарубежные участники семинара пытались говорить о том, что развитие семьи в социалистических и капиталистических странах идет в одном направлении. Мое мнение не этот счет иное. Научно-техническая революция, с одной стороны как будто бы вызывает сходные последствия во всех странах мира. В частности, увеличивается удельный вес женщин, занятых на производстве, женщина перестает быть подчиненным членом семьи, увеличивается число разводов, падает рождаемость. Но, с другой стороны, не следует забывать, что условия, в которых происходит воздействие научно-технической революции на семью в социалистических и капиталистических странах, различны. Социалистический строй поддерживает прогрессивную тенденцию развития, а капиталистический — тормозит ее.

Участник семинара из Бельгии В. А. Дюмон указал в своем докладе, что средняя продолжительность рабочего дня работающих матерей на предприятии, которое было предметом его исследования, составляет 9 часов 30 минут, а вместе с временем, которое необходимо, чтобы попасть на завод и вернуться обратно, — 11 часов 06 минут. Средняя! Это так много, что советскому читателю невольно напоминает продолжительность рабочего дня в царской России.

У нас только детские ясли и сады, построенные в 1971 году, приняли почти полмиллиона малышей. А в Бельгии, как это следует из доклада господина Дюмона, работницы почти не пользуются детскими учреждениями. Конечно же, все это, как и соответствующая идеология, тормозит развитие семьи, отражается на самочувствии и счастье женщин, мужчин и детей.

А страдания, которые причиняют развязанные капитализмом войны...

Вместе с тем мне кажется совершенно несомненным, что возможности, заложенные в социалистическом строе, мы используем далеко не в полной мере: у нас в стране все еще нет разработанной в деталях долговременной политики в области семьи. А такая политика представляется для социалистического государства совершенно необходимой.

— Горячая супружеская любовь, конечно, первейший фактор семейного счастья. Но семейная жизнь складывается из будничных обязанностей. Могут ли будни способствовать счастью?

— Еще как могут.

Наши исследования (в частности, на Минском камвольном комбинате) показывают жесткую корреляцию между типом распределения внутрисемейных обязанностей и удовлетворенностью браком. Там, где домашние обязанности целиком или почти целиком исполняет жена, неудачных браков гораздо больше, чем в среднем. А там, где муж и жена делят обязанности поровну, резко увеличивается удельный вес счастливых браков. В частности, среди тех опрошенных на Минском камвольном комбинате женщин, в семьях которых обязанности распределяются справедливо, 60 процентов полностью удовлетворены браком, 27,1 процента — частично удовлетворены и только 2,7 процента—совсем не удовлетворены. Счастливых браков тут в 22 с лишним раза (!) больше, чем неудачных. Но многие ли мужчины, узнав, «как быть счастливым», меняют свое поведение в семье?

К счастливой семейной жизни нужно готовить человека с самого раннего детства. Но, опять-таки, многие ли женщины, в одиночку тянущие воз семейных обязанностей при муже, который читает газету, приучают своих сыновей делать в семье все то, что они хотели бы, чтобы делали их мужья? Ваши наблюдения подсказывают вам отрицательный ответ не этот вопрос? Мне — тоже. Но в таком случае может получиться, что и будущее поколение не научится быть счастливым. Ведь семейные обязанности, в частности по воспитанию детей, сохранятся при любой допустимой степени обобществления домашнего хозяйства.

Думается, что без резкой целенаправленной активизации педагогической деятельности в этой области — не только в школах, но и в детских садах — мы не сможем существенно и быстро продвинуться вперед.

Доцент Н. ИЛИЕВА *(БОЛГАРИЯ)*:

ДЕЛА ДОМАШНИЕ И НЕДОМАШНИЕ

— Мы постоянно говорим о расширении сферы услуг, об индустриализации быта. Какие же домашние дела останутся семье?

— Все домашние дела было бы разумно разделить на какие-то классы или группы в зависимости от возможности превратить их в «недомашние», то есть индустриализовать их. Скажем, группа первая поддается и уже поддалась сплошному «офабричиванию»: возникли фабрики-прачечные, химчистки, большие ремонтные предприятия, я не говорю уже о швейном производстве, пищевой промышленности и общественном питании. Торговля, пожалуй, тоже могла бы иметь еще более высокий уровень индустриализации, имею в виду детальную и разнообразную фасовку товаров, внедрение автоматики, механизмов и т. д.

Вторая группа домашних дел уже не так поддается индустриализации — это уборка помещения, разного рода коммунальные услуги, частично — уход за детьми, престарелыми и т. д. В эту группу входят все те услуги, которые могут эпизодически оказываться обществом семье, хотя в них доля ручного индивидуального труда достаточно высока.

И последнее—те сфера, где семья уже не имеет и не может иметь замены. Это эмоционально-культурная занятость семьи, ее досуг, ее влияние на детей, то есть все, что связано с личным, семейным общением. Этому, кстати, может помочь и хорошо организованный домашний обед, дающий повод для общесемейной радости. Так что не следует все семейные дела рассматривать под таким углом зрения, будто от них надо скорее избавиться. Есть целая группа дел, от которых семья — пока она существует как институт — избавляться не должна. Но как раз для того, чтобы эмоциональная жизнь семьи получила поддержку, семье нужно разгружаться от таких дел и забот, в которых элемент духовного общения сведен до минимума. Через отрицание многих семейных нагрузок — к утверждению и расцвету нагрузок эмоциональных.

Профессор Э. ГРОНСЕТ *(НОРВЕГИЯ)*:

ДУХОВНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

— Ваш доклад был посвящен неполному рабочему дню. Правда, вы исследовали исключительные и довольно редкостные случаи, когда оба супруга в семье работают частично. Такую постановку вопроса трудно принять целиком. Обоснуйте, пожалуйста, свою позицию.

— Эмоциональная жизнь в семье очень важна для преодоления многих антагонизмов в современном напряженном мире. Конечно, эмоциональные потребности людей и экономические потребности общества — вещи разные, но найти какие-то компромиссы между ними можно, особенно если учесть, что самым главным и самым важным стратегическим фактором для современной семьи является эмоциональная консолидация супругов. Современная семья строится на духовном притяжении сторон, на взаимопомощи и поддержке, что требует, конечно, определенных внешних условий и главное — времени. Неполный рабочий день открывает здесь большие возможности.

Многие функции семьи не могут быть переданы государству. Понятно, что при этом позитивные эмоциональные нагрузки предпочтительнее для семьи, чем нагрузки только рациональные и подчас — из-за недостатка времени — стрессовые. И важно помнить, что семья с преобладанием позитивного эмоционального потенциала сможет поставлять обществу таких людей, какие для общества наиболее ценны.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Профессор Оливера БУРИЧ *(ЮГОСЛАВИЯ)*:

СЛУЖЕБНАЯ «ВЕРТИКАЛЬ» ЖЕНЩИНЫ

— Не считаете ли вы, что социология семьи достигла того уровня, когда можно уже говорить о практической отдаче?

— Чтобы практика получила от нас точные и глубокие сведения и солидные рекомендации, мы должны проводить фундаментальные и не скоропалительные исследования. Однако практические деятели обычно хотят быстрых и желательно не очень дорогих рекомендаций, в которых заключались бы ответы на все вопросы. Но ведь для науки не всегда прозрачны сами вопросы, их аспекты и повороты, что же тогда говорить о срочных ответах? Многие вопросы и многие конфликты лежат совсем не тем, где это представляется «здравому смыслу», а истинная следственно-причинная связь явлений бывает гораздо глубже кажущихся подобий. И самое горькое то, что практик не всегда понимает ученого, а ученый во многом не может постичь, почему же практик так суетлив, торопливо и некомпетентен. Практик же полагает, что ученый усложняет и без того ясный вопрос и вообще напускает туману... А на деле все не так просто.

Казалось бы, многие общественные явления уже объяснены, и даже известен ход их дальнейшего развития. Но вдруг у этих явлений появляются неожиданные тенденции. В качестве примера может служить новое увеличение количества ранних браков в индустриально развитых странах и рост рождений, неожиданное оживление влияния родни не жизнь семьи «атомного» века, новая и сильная волна приверженности молодежи к своей семье. Точно так же и «положение женщины в обществе» вдруг выдвинуло новые вопросы, подвергающие сомнению многие прежние и, как думалось, незыблемые тезисы. Оказалось, что эмансипация женщины приобретает гораздо более сложный характер, чем следовало бы ожидать; что некоторые формы дискриминации женщин не только скрыто сохраняются, но и проявляются чрезвычайно хитро. Эти скрытые процессы обнаруживаются в общественном развитии и моей страны, которая по количеству женщин, занятых общественным трудом, относится к ряду развитых стран Европы и мира.

Когда занятость женщины в общественном труде находится в начальной фазе и в большом загоне, степень и темп вовлечения женщины в производство играют весьма значительную роль. Однако когда общее развитие женского труда в обществе достигает высшей ступени, то в строй вступают уже другие оценочные критерии — степень непосредственного участия женщины в тех сферах, где принимаются наиболее важные для общества решения, степень ее служебного продвижения «по вертикали». Сейчас создалось такое положение, что по отношению к общему числу образованных и квалифицированных женщин среди них слишком мало тех, которые занимали бы, скажем, директорские посты. И я должна подчеркнуть, что все это происходит в то же время, когда отмечается неуклонный рост образования и профессиональной подготовки женщин. Больше всего меня поражает тот факт, что женщин удивительно мало не руководящих постах даже в университетах и научных учреждениях, то есть там, где концентрация образованных женщин максимальна.

Интересно отметить, что это явление характерно даже для сугубо «женских» профессий, где мужчин попросту мало.

— Как же реагирует семья на это противоречие?

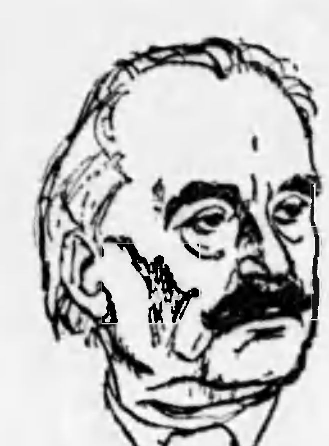
— Не одна я приметила, что при существовании чрезвычайно сложной ситуации в современном супружестве, когда женщина стала широко вовлекаться в общественное производство, некоторые мужчины (я имею в виду своих соотечественников) избрали для себя две морали: одну, вполне передовую, прогрессивную («я помогаю жене, пусть она работает») они проповедуют официально, а другой — консервативной («подай-ка мне туфли!») придерживаются на практике, дома.

Женщины же резко распадаются по своим взглядам на две группы — работающие и неработающие, причем работающие исповедуют демократические взгляды на быт, семью, разделение домашних обязанностей, а неработающие имеют взгляды сугубо традиционалистские. Значит, конфликт из семьи, где женщина занята на производстве, переносится в лоно самого общества, разные члены которого по-разному оценивают одно и то же явление. Из этого вытекает еще один конфликт, уже сугубо психологический, эмоциональный: чем выше образование женщины, чем больше она поглощена своей работой, тем труднее ей примириться с традиционными, консервативными взглядами на ее роль в семье, тем меньшее удовлетворение испытывает такая жена от общения с мужем, придерживающимся «двойной» морали. Она много ожидает от общения с супругом, но получает мало. Ее высокие требования к браку не реализуются. Очевидно, семья находится в разгаре своей трансформации, и поэтому мы наблюдаем в ней сейчас немало противоречий.

В КАМЕРЕ МОАБИТА

К 90-летию со дня рождения Георгия Димитрова

Ванцеслав НАЧЕВ,
болгарский публицист



У КАЖДОЙ эпохи есть свои особенные мгновения, которые ярче всего характеризуют соотношение общественно-политических сил. Нельзя представить себе историю нашего столетия без Лейпцигского процесса. Это был не обычный суд — на нем произошло столкновение двух противоположных идеологий, взглядов на будущее устройство мира. И хотя 1933 год ушел в прошлое, его уроки наводят нас на размышления, зачастую тревожные. Ведь человечество все еще не настолько мудро, как нам хотелось бы.

В Лейпциге, в зале имперского суда произошло столкновение коммунизма и фашизма. Это был первый серьезный поединок между ними, и «супермены» потерпели первое серьезное поражение. К чести болгар, человеком, который обнажил миру уродство «коричневого зверя» и заклеймил его, был Георгий Димитров, обвиненный в поджоге рейхстага. Позднее его мать скажет мудро и просто: «Мой сын Георгий не такой человек, чтобы устраивать пожары». Но вот Гитлер, тень которого легла на весь процесс, тоже произнес кое-что для истории: «Молю бога, чтобы пожар оказался делом рук коммунистов». Трудно ли было обернуть все дело так, чтобы «молитвы» фюрера были «услышаны»? Нет, конечно, тем более что под рукой была четко отлаженная полицейская и судебная машина. Машину пустили в ход, каждый винтик знал свое место. Продажные журналисты, провокаторы, «почтенные» юристы, высшие сановники — все включились в кампанию против «поджигателей» Димитрова, Попова и Танева.

На что рассчитывали фашисты? Прежде всего на полную изоляцию Димитрова от мира. Изоляцию обдуманную и точно срежиссированную, которая должна была подавить волю заключенного, превратить его в покорное, апатичное существо. Камера, отведенная для Димитрова, была сырой цементной дырой размером три на два метра, с окошком, забранным тройной решеткой, и дверьми, запирающимися на три засова.

И все же правда, затушеванная и искаженная цензурой, дошла вначале до Анри Барбюса, который потом сделал ее достоянием всего мира. «Дорогой друг Барбюс, — писал из тюрьмы Димитров — Я вынужден сообщить вам печальную новость. С 9 марта я нахожусь под арестом... Надеюсь, что ужасная ошибка выяснится, но, как это обычно бывает в таких случаях, дело, наверное, затянется надолго... Деньги у меня конфисковали, защитника у меня нет: ко мне никого не пускают; даже очки у меня отняли...»

Разумеется, Димитров нисколько не верил в то, что его арест был «ошибкой». Но по-другому он писать не мог. Мир нужно было информировать, нужно было перебросить первый шаткий мостик из камеры Моабита к совести человечества, пробить брешь в гранитной изоляции тюрьмы. Легко ли это было сделать? Анри Барбюс, друг Димитрова, поторопился ответить на письмо. Димитров не получил его, так как это «угрожало порядку и дисциплине в тюрьме».

Тонкая связующая нить порвана... Но ненадолго!

Димитрову не разрешали свиданий, ему не позволяли писать правду своим друзьям, ему не передавали их писем. Лишенный возможности разговаривать с живыми, Димитров общался с бессмертными. Не для того, чтобы бежать от одиночества, менее всего для этого, а чтобы умно, как следует подготовиться к большому испытанию — процессу. Долгими днями и ночами в Моабите в ручных кандалах, которые с него не снимали пять месяцев, Димитров читал Гомера, Сервантеса, Гёте, Данте, драмы Софокла, Шекспира. Они тоже были нужны ему для борьбы.

Димитров часто возвращался к шекспировскому «Гамлету», к трагедии далекого датского принца. Может быть, он чувствовал проходящие сквозь толщу веков невидимые нити, связывающие Эльсинор с Моабитом? Гамлет, ставший трагическим символом раннего гуманизма, был заключенным тесной и душной камеры Средневековья, как Димитров — Моабита.

Средневековье, увы, не мертвая историческая эпоха. Упорно, как бурьян, оно неожиданно может прорасти сквозь асфальт XX века. Фашизм по своей сути — чудовищный синтез новейших достижений науки и примитивного средневекового мышления. Димитров прекрасно понимал, в чьи руки попал. Позднее он говорил: «Я предпочел бы побои. Боль от удара палкой проходит быстро, но медленная инквизиция, ежедневное истязание цепями истощает силы гораздо больше. То, что я пережил в немецких тюрьмах, — усовершенствованная инквизиция, изощренное варварство»

Вот запись из его дневника: «Пятую неделю здесь!.. Как это горько и тяжко!..— И тут же рядом: — Никакой слабости!». Это слова Дантона, которые он произносит как заклинание по дороге на эшафот. Неужели Димитров внутренне подготавливался к тому, чтобы с достоинством уйти из жизни? Ничего подобного! Находясь в неимоверно тяжелых условиях, с надорванным здоровьем, понимая большую историческую ответственность, которая легла на его плечи, он готовился к борьбе для победы — победы демократических сил над темными силами фашизма. И не случайно человечество встало на защиту коммуниста Димитрова.

Несколько лет спустя Ромен Роллан, верный друг, скажет:

«Ваше творчество — не книги, а действия; они вошли в историю, стали неотъемлемой частью эпохи революции. Я счастлив, что я — с вами в рядах великой армии».

Случайными ли были связи Георгия Димитрова с лучшими представителями творческой интеллигенции Европы? Давно ли они возникли? Димитров питал постоянный и в какой-то мере профессиональный интерес к литературе. Еще будучи руководителем западноевропейского бюро Коминтерна он сблизился с Максимом Горьким, Роменом Ролланом, Анри Барбюсом, Стефаном Цвейгом, Иоганнесом Бехером, Жан-Ришаром Блоком, Вилли Бределем. Эти писатели были честью и совестью Европы. Художники-граждане, они не могли оставаться безучастными к проблемам своего времени, к судьбе Димитрова не только из чисто дружеских чувств. Они понимали: борьба заключенного в Моабите достойна и справедлива, понимали ответственность его исторической миссии — разоблачить подлинных поджигателей, показать всему миру глубоко античеловеческую сущность фашизма.

И в глазах человечества образ Димитрова стал символом сражающейся демократии.

В печати Ромен Роллан начал спор с главным прокурором на процессе д-ром Вернером и убедительно доказал невиновность Димитрова. В воззвании о спасении подсудимых французский писатель пишет:

«Мы обращаемся не только к прогрессивному общественному мнению всех стран, к миллионам людей, которые с тревогой следят за этим трагическим процессом, грандиозным поединком людей, лишенных защитников, которых они выбрали, против всех сил государства, эпопеей, в которой героическая фигура Димитрова с его духовной возвышенностью и энергией будет выделяться в будущем с огромной силой, что бы ни произошло...

Мы ждем от Германии торжественного признания несостоятельности обвинения».

А тем временем в Германии произошел такой «занимательный» разговор между Димитровым и «остроумным» судебным следователем.

— Я утверждаю, что Попов и Танев невинны, и готов отдать за это голову.

— Свою голову вы и так отдадите!

И все же стратегия изоляции, так тщательно разработанная в канцеляриях рейха, потерпела полный крах. Массивные сырые стены тюрьмы оказались не в силах остановить человеческую мысль.

Димитров не защищался — он атаковал противника в его же крепости.

Димитров говорил с миром!

Его презрительные, ироничные слова больно задели самолюбие напыщенного Геринга: «Вы боитесь моих вопросов, господин премьер-министр!». Реакция Геринга была хамской: «Вон отсюда, каналья! Мы еще поговорим с вами, когда вы будете вне власти этого суда!..»

После такого диалога даже самому непредубежденному человеку стало ясно, что моральный разгром настоящих поджигателей — бесспорный факт. Суд был вынужден вынести оправдательный приговор.

Димитров, получив советское гражданство, уехал в Москву. Грандиознейший процесс в истории XX века закончился для фашизма провалом.

«Дорогой тов. Георгий Димитров, — писал Ромен Роллан, — нет необходимости говорить Вам, как мы были счастливы, узнав, что Вы в Москве. В прошлом году нас постоянно угнетала мысль, что Вы находитесь в руках врагов, готовых погубить Вас. Ваше блестящее, мужественное поведение сделало для Вашего спасения больше, чем все наши усилия. Оно вызвало такой глубокий отклик в умах людей всего мира, что перепуганные враги были вынуждены отступить...

До последнего дыхания я буду поднимать голос в защиту дела пролетариата, во имя его победы во всем мире».

Вот что писал в ответ Георгий Димитров:

«Дорогой друг Ромен Роллан, дорогой друг Анри Барбюс!

После того как мне представилась возможность ознакомиться с документами мощного массового движения, возникшего в мире в связи с процессом о поджоге рейхстага, я чувствую потребность обратиться к вам с несколькими словами. Эти строки я адресую лично вам, тем, чья мужественная борьба против империалистической войны и фашизма всегда вызывала во мне большие симпатии, а также многим сотням и тысячам писателей, художников и ученых, которые в ходе этого движения открыто встали на вашу сторону...

Вам, мой дорогой Ромен Роллан и мой дорогой Анри Барбюс, и всем тем, кто в этом году стоял на страже, готовые оказать помощь, я выражаю благодарность от моего имени и от имени нашего Интернационала и с радостью думаю о тех днях, когда мы снова плечом к плечу встанем против нашего общего врага».

Этот, по словам Горького, образцовый революционер, прошедший сквозь огонь не одной битвы, был душевным человеком.

«Я помню его, — вспоминал Федор Гладков, — как пламенного революционера, как жизнерадостного человека, когда вскоре после Лейпцигского процесса он целый вечер был в среде советских писателей. Он много говорил тогда о литературе, о ее назначении, как силе воздействия на людей, о ее огромном воспитательном значении...

В последние годы я встречался с ним не один раз, и в личных беседах он был трогательно простым, проникновенным и сердечным. Его милая улыбка, чуть смущенная, но яркая, молодая, пленяла всех. Каждое его слово казалось от этого не только значительным, мудрым, но удивительно теплым, как слово человека, глубоко знающего человеческую душу».

Поль Элюар писал после смерти Георгия Димитрова:

«Он видел за всех. Он говорил за всех. Он был нашим общим голосом, справедливым и громким.

Димитров был яркой молнией в непрерывном движении человеческого света».

Пережив смерть, этот великий гражданин демократии и коммунизма продолжает идти рука об руку с нами, как вечный и неизменный спутник человечества...

СОФИЯ

«МАССОВАЯ КУЛЬТУРА» — ИНДУСТРИЯ МИФОВ

«Круглый стол» ученых и писателей социалистических стран в Софии

«Литературная газета» и болгарский еженедельник «Литературен фронт» организовали совместно «круглый стол» ученых, писателей и критиков социалистических стран, посвященный актуальным проблемам буржуазной «массовой культуры». Как и проведенный в конце 1971 года в Софии по инициативе Института современных социальных теорий болгарской Академии наук международный симпозиум на аналогичную тему, «круглый стол» явился одним из конкретных шагов в дальнейшей координации исследовательской деятельности ученых социалистических стран в области критики западной буржуазной культуры, усиление борьбы против ее идейно и художественно реакционных тенденций. Значение борьбы с буржуазной идеологией особо отмечалось в постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике».

В числе выступивших на заседаниях «круглого стола» были: писатель Богомил Райнов (Болгария); директор Института истории искусств Нора Аради (Венгрия); заведующий сектором эстетики Института философии и социологии Слав Кшемень-Ояк (Польша); директор Европейского центра по изучению проблем свободного времени, профессор Пржемысл Майдл (Чехословакия); критик Вера Ганчева (Болгария); заведующий кафедрой эстетики Бухарестского университета Ион Яноши (Румыния); научный сотрудник Института общественных наук при ЦК СЕПГ Клаус Цирман (ГДР).

Мы публикуем краткое изложение выступлений этих участников. По просьбе редакции заседание «круглого стола» вел старший научный сотрудник Института философии Академии наук СССР Александр Кукаркин.

А. Кукаркин. Как это ни парадоксально, но понятие «массовая культура» до сих пор сохраняет свою неопределенность. На Западе, где концепции массовой культуры усиленно насаждаются вот уже более двадцати лет, они остаются весьма расплывчатыми. Факт этот часто признают и буржуазные теоретики. Американский социолог Бернард Розенберг даже сравнивает массовую культуру с «белым пятном» на карте.

Мне думается, что этот парадокс объясняется достаточно серьезными причинами. Оставаясь на позициях идеалистического мировоззрения, буржуазные теоретики не вскрывают классовой обусловленности и направленности массовой культуры, что имеет решающее значение. Кроме того, буржуазные теоретики не заинтересованы в подлинно научной разработке проблем массовой культуры. Они предельно упрощают эти проблемы, сводя их исключительно к зависимости массовой культуры от современной научно-технической революции. Массовая культура объявляется закономерностью развития всей человеческой культуры. Таким образом, затушевывается коренная противоположность буржуазной и социалистической культур. Как не вспомнить здесь указание В. И. Ленина о том, что всякие разговоры о социально и идейно однородной внеклассовой культуре до победы социализма теоретически беспочвенны, а политически реакционны.

Термин «массовая культура» не раскрывает классового содержания этого феномена, а является скорее ложным, маскировочным определением. Он основывается на формальной, чисто количественной характеристике способа производства и потребления культурных ценностей, точнее — их заменителей. Массовый выпуск последних действительно стал возможен благодаря достижениям техники книго- и фильмопечатания, репродуцирования, звукозаписи, развитию радиовещания и телевидения.

Кстати сказать, у ложного термина «массовая культура» существует на Западе немало синонимов, столь же рекламно броских, сколь и неправомерных: «популярное искусство» (истинно популярными чаще всего бывают произведения подлинного, или «высокого» искусства); «развлекательное искусство» (развлекательными могут быть и произведения, имеющие антибуржуазную направленность); «коммерческое искусство» (с коммерческими побуждениями подчас создаются и духовно безвредные развлекательные произведения, причем иногда даже мастерами критического реализма). У «массовой культуры» есть, кроме того, немало прозвищ: «китч» (из немецкого музыкального жаргона; в какой-то мере соответствует нашему слову «халтура»), «полукультура» (своеобразное признание девальвации буржуазной цивилизации) и т. д.

Б. Райнов. В понятии «массовая культура» закономерно ставится под сомнение не только ее качество — «массовость», но и само определение «культура», поскольку она стремится не давать знаний о действительности, а, наоборот, уводить от нее. Не говоря уже о том, что в этой «культуре» не найдешь истинных художественных открытий. И если мы вынуждены все же пользоваться уже вошедшим в обращение термином, который ставим под сомнение, то должны прежде всего договориться, что имеем в виду совершенно конкретное историко-культурное явление — массовую буржуазную псевдокультуру.

Существование «массовой культуры» предполагает наличие и какой-то другой культуры, например элитарной. Положение на Западе именно таково: есть культура, предназначенная для широкого потребления, и есть — для узкого. Причем не потому, что последняя запрещена для народа, а потому, что она не представляет для него интереса. Впрочем, элитарная культура — явление достаточно сложное и заслуживает специального разговора.

Подобное разделение культуры в социалистических странах невозможно: у нас культура принадлежит народным массам. Мы осуществляем связь между народом и искусством не за счет снижения критериев творчества до требований создавать какие-то легко усваиваемые продукты, а путем повышения общего уровня развития масс.

Сказанное не означает, что у нас кое-где не появляются отдельные произведения, обнаруживающие подозрительное сходство с поделками буржуазной «массовой культуры», а иногда и с эрзацами элитаризма. Считать их чем-либо другим, а не следствием буржуазных влияний, нет никаких оснований. К этим отклонениям наша партия и общественность всегда были непримиримы.

Массовая культура, как правило, подменяет эстетическое наслаждение примитивной забавой. При этом путеводными нитями служат непритязательные вкусы мещанина. Средний продукт выдается за образец высокого качества, низкопробная поделка расценивается как средняя, а посредственной объявляется та, которая уже не соответствует сегодняшним стандартам. Что касается продукции, выделяющейся на общем ремесленническом фоне, то, очевидно, она заслуживает более детального рассмотрения и бережного к себе отношения. В самом деле, было бы ошибкой мерить все романы Сименона или Агаты Кристи одной меркой. Тем паче нельзя ставить их на одну доску с книжками такой посредственности, как Микки Спиллейн, отвратительного в своем садизме и антикоммунистической истерии автора.

Н. Аради. В нашей стране основное внимание уделяется сейчас не столько теоретической разработке проблем массовой культуры, сколько практической стороне повседневной культурной жизни. Этим занимаются и Институт истории искусств Академии наук ВНР, и Венгерский институт средств массовой коммуникации, радио и телевидения, и другие организации. В числе особо интересующих нас вопросов можно назвать проблемы культурного досуга, свободного времени, а также сбыта художественных произведений; степень и характер проникновения в нашу музыку, танцы, телевизионные программы западных модных веяний и вкусов; как и почему отдельные социальные изменения в современном мире обусловливают увеличение или уменьшение интереса к различным видам искусства и жанрам литературы. Вся работа в этих областях ведется искусствоведами и литературоведами в тесном сотрудничестве с социологами, психологами, историками.

С. Кшемень-Ояк. Я согласен, что теоретическую разработку проблем «массовой культуры» необходимо тесно связывать с практическими задачами культурного строительства в социалистических странах. Без учета этих задач теоретические работы могут приобрести несколько отвлеченный характер, и их актуальность, я сказал бы, острая злободневность окажутся приглушенными. Если у нас переводятся или демонстрируются импортные произведения развлекательных жанров, то почти всегда только из сравнительно лучших образцов. Иначе говоря, те произведения, которые не начинены вредными идеологическими зарядами и не служат рассадником полной эстетической безвкусицы.

Однако такой целенаправленный отбор может создать — и подчас создает — превратное представление у нашей публики о действительном соотношении лучшего и типичного в современной культуре Запада, о действительном характере и сущности «массовой культуры». Поэтому, наверное, ее критику следует сочетать с комплексным рассмотрением и всех других явлений культурной жизни капиталистического мира, как прогрессивных, так и реакционных, в частности декадентских. Кстати сказать, без такого комплексного рассмотрения невозможно раскрыть в полном объеме и саму «массовую культуру», которая паразитирует буквально на чем угодно. Она использует в своих целях даже снобистскую заумь модернистов, переваривает ее и выдает потребителям уже в качестве очередного боевика конвейерной культурной индустрии. Так, в частности, наводнили мир и синтетические «произведения»

ПЕРИСКОП «ЛГ»

На днях в Италии состоялись парламентские выборы. Более девяти миллионов человек отдали голоса коммунистам.
На снимке: предвыборные плакаты коммунистов. Фото из газеты «Унита»

«Свободу Анджеле Дэвис!» — плакат, выпущенный в ГДР.
Фото из американской газеты «Дейли уорлд»

Международные фестивали

Канн

НЕДЕЛЯ ПЕСТРЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

На набережной Круазетт, застроенной фешенебельными белокаменными отелями, слышится разноязычная речь. 19 стран участвуют в ежегодном каннском смотре мировой кинематографии. Предполагается, что в дни фестиваля в городских кинотеатрах и залах прокрутят около сотни лент — ведь фестиваль здесь не только конкурс, но также и международная кинoярмарка. На ней можно приобрести фильмы на все вкусы, в том числе и извращенные. Если два года назад такие фильмы показывали в небольших закрытых залах, куда допускали только представителей прокатных компаний и продюсеров, то теперь порнографию прокручивают в городе для всех интересующихся старше 18 лет.

Новый глава фестивального комитета Морис Бесси так определил требования, из которых исходил комитет при отборе конкурсных фильмов. «Мы стремились отбирать, — сказал он, — самые значительные современные фильмы».

Просмотр первых конкурсных фильмов показывает, что далеко не все кинематографисты озабочены постановкой важных проблем современности. Исключение, пожалуй, составляет фильм «Визитеры», посвященный такой волнующей миллионы людей проблеме, как Вьетнам. Он принадлежит американскому режиссеру Элиа Казану. Созданное на весьма скромные средства, это произведение проникнуто духом протеста против несправедливой и бессмысленной войны.

Лаконичными средствами художник рисует трагедию, переживаемую американским обществом. Яд насилия и беззаконие настолько сильно отравляет сознание солдат, что при возвращении к мирной жизни жестокость берет верх над честными побуждениями. Американцы становятся жертвой насилия, которое они применяют к другим народам. Элиа Казан не делает выводов, он предлагает сделать их зрителю, он побуждает их к размышлению и к действию: надо прекратить эскалацию войны во Вьетнаме.

После «Визитеров» во Дворце фестивалей показали много лент. Большинство из них оставляет чувство неудовлетворения, а подчас вызывает и недоумение.

Многообещающим поначалу казался фильм Питера Медака «Правящий класс» с Питером О'Тулом в главной роли.

Эта довольно злая сатира на современное английское общество мастерски сделана в своей первой части. Но потом действие затягивается, становится мрачным, в духе романов «черной серии».

Со своей безумной героиней познакомил зрителей американский режиссер А. Альтман, фильм которого «М.А.С.Х.» завоевал Золотую пальмовую ветвь на Каннском фестивале 1970 года. Его новый фильм «Видения» фигурирует в программе как ирландский, но ничего ирландского, кроме некоторых пейзажных съемок, в нем нет.

Героиня фильма Катрин страдает галлюцинациями. К ней, как наяву, является ее любовник, погибший три года назад. Она вступает с ним в беседу, а потом убивает, что не мешает ему снова воскреснуть. По ходу фильма героиня является сама к себе, как будто это другая женщина, с которой ей тоже нужно свести счеты, что она в заключении фильма и делает. Впрочем, тоже неясно — наяву или в очередном приступе галлюцинаций.

Режиссер Альтман, создавший этот фильм, заявил, что он закончил еще одну работу на тему о сумасшествии и две такие же картины у него запроектированы. Хичкок как-то сказал, что он снимает фильмы ужаса потому, что ужас хорошо окупается. Альтман, видимо, решил, что сумасшествие на экране тоже может стать золотой жилой.

Когда эта корреспонденция была уже написана, на фестивале показали фильм Франческо Рози «Дело Маттеи». На мой взгляд, это пока что лучший фильм фестиваля. Франческо Рози рассказывает о жизни и гибели Энрико Маттеи, известного итальянского менеджера, директора компании ЭНИ, который осмелился вступить в борьбу с крупнейшими англо-американскими трестами, захватившими добычу нефти на Ближнем и Среднем Востоке. Причины гибели Маттеи остались невыясненными. Но многие убеждены, что авиационная катастрофа, в которой он погиб, не была случайной. Показывая бесчисленных врагов Маттеи как внутри Италии, так и за ее пределами, Ф. Рози не оставляет у зрителя сомнений, что Маттеи был убит. Фильм от начала до конца смотрится с неослабевающим интересом. Это обличительная лента, сделанная в полудокументальной манере. Роль Маттеи великолепно исполняет Джан Мария Волонте, большой актер, выгодно отличающийся от многих собратьев по профессии строгим отбором ролей и сценариев.

И все же в общем можно сказать, что выдающихся фильмов в Канне мы пока что не увидели. Но еще не все авторы сказали свое слово.

В субботу состоялся показ советской картины «Солярис».

Ю. БОЧКАРЕВ,
соб. корр. АПН
и «Литературной газеты»
(По телефону)

Тегеран

НОВАЯ ТОЧКА НА КИНОКАРТЕ

Существует множество карт нашей планеты — политические, географические, экономические и физические. Интересно, пытался ли кто-нибудь составить кинематографическую карту мира? Лишь немногие столицы мирового кино совместились бы здесь со столицами государств. Да и другие отметки на кинокарте приходились бы в основном лишь на Европу и Америку. Азия и Африка глядели бы почти сплошным белым пятном.

Однако в эти дни наш условный кинокартограф может нанести на свою карту еще одну столицу, причем расположенную в центре Азии. Первый Тегеранский международный кинофестиваль, проходивший в конце апреля, дает для этого основание.

Почему именно Иран взялся за многотрудное дело организации ежегодного смотра мирового киноискусства, причем смотра по самому высокому счету?

Причины тому основательные. За последнее десятилетие иранский кинематограф переживает период бурного развития. Кроме двух государственных студий при телевидении, создающих в основном хроникальные и мультипликационные фильмы, в стране функционируют четырнадцать частных кинофирм, выпускающих в год свыше ста полнометражных художественных фильмов. Для страны с 30-миллионным населением цифра весьма внушительная, особенно если учесть, что внутренний кинорынок пока еще заполнен западными фильмами, а частности голливудскими. Для выхода на международную арену иранскому кино предстоит сделать немало.

Международный кинофестиваль, по замыслу его организаторов, должен стать школой для кинематографистов Ирана, помочь им завязать шире-

пресловутого поп-арта.

П. Майда. Действительно, массовая культура означает в первую очередь деформацию всего и вся. Взять, к примеру, проблему свободного времени.

Научно-техническая революция сделала машинный труд более рентабельным, чем труд человека, сократила рабочее время, значительно удлинила досуг. Досуг, просвещающий народные массы, опасен для эксплуататорских классов, и они подменили его потребительским, дурманящим сознание досугом. Иначе говоря, они используют и свободное время трудящихся в своих целях, продолжая другими средствами эксплуатацию масс.

При этом псевдокультура не только способствует порабощению тех, на чьих спинах держится вся пирамида классового общества, но одновременно и тех, кто непосредственно принимает участие в производстве продуктов этой культуры. Кстати сказать, здесь выявляется еще одно коренное отличие буржуазной культуры от социалистической: творцы ее сами являются в конечном счете объектом эксплуататорских манипуляций. И вообще, какие они «свободные художники», когда вынуждены работать «на потребу ширпотреба» и зачастую даже не знают результатов своего труда, обобществленного на предприятиях могущественной «индустрии развлечений»!

В. Ганчева. Один из ведущих современных буржуазных теоретиков, американский социолог Эрнест ван ден Хааг, риторически спрашивает: «Кто оказывается жертвой, когда убивают свободное время?».

В самом деле, когда телезритель смотрит, скажем, передачи о вампирах или экранизации романов Лесли Чертериза о немыслимых приключениях Саймона Темплера, по прозвищу Святой, он даже не подозревает, что становится психической жертвой жестокого предумышленного убийства, так сказать, позолоченным топором.

Другой жертвой псевдокультуры я назвала бы Искусство с большой буквы. Когда мы видим репродукцию шедевра Рембрандта на обертках мыла или когда чулки рекламируются с помощью цитат из Шекспира, — это неизбежно ведет к инфляции подлинных ценностей, составляющих неотъемлемую часть сокровищницы мировой цивилизации.

Наконец, еще одной жертвой оказываются те, кто помогает магнатам «массовой культуры» осуществлять свои цели, выступает в качестве создателей (иногда не без способностей) образцов и моделей «духовного» ширпотреба. Это наймиты без души, обслуживающие конвейер развлечений. В этом отношении показательно признание безымянного сотрудника французского концерна так называемой «прессы сердца» Дель Дука (всего там работает 250 авторов), заявившего, что у него больше времени отнимает перепечатка своих произведений на машинке, чем их сочинение.

Но все-таки главная жертва, конечно, это не творцы, а потребители подобной «культуры». Всевозможные мифы и псевдоромантические герои искажают реальную картину жизни, обременяют общественное сознание угодными хозяевам стереотипами для подражания и иллюзорными, зачастую превратными представлениями о счастье, долге, духовных и материальных ценностях. Мифологию массовой культуры буржуазного общества можно без особой натяжки назвать своеобразной религией XX века. Во всяком случае она целенаправленно стремится подменять общественные интересы дурманом мещанского тщеславия и мелочным, потребительским стяжательством.

«Массовая культура» представляет в ложном свете социальный и исторический опыт человечества, иронизирует над его естественной тягой к созидательной деятельности, затягивает индивида в подземелья чисто животной эротики, физиологического страха и непротивления враждебным стихиям дегуманизированного общества.

В общем, все средства используются для формирования у масс нужного типа мышления, навязывания определенных вкусов и идей. Именно поэтому «массовая культура» стала в наши дни эффективнейшим оружием империалистической пропаганды.

И. Яношн. К сказанному мне хотелось бы добавить только одно соображение: критику «массовой культуры» необходимо подкреплять противопоставлением ей позитивных гуманистических и эстетических идеалов. Ведь именно такими идеалами сильно марксистско-ленинское мировоззрение. И не только идеалами, но и конкретной программой и конкретными делами коммунистического строительства. Марксизм-ленинизм не только объясняет мир, но и преобразовывает его. Это означает, что он активно помогает преобразовывать и культуру, создает основополагающие принципы ее нынешнего и будущего развития. Мы знаем эти принципы: социалистический гуманизм и социалистический реализм. Наш долг философов, эстетиков, литературоведов, искусствоведов — раскрывать, как эти принципы реализуются на практике, будь то в «серьезном» искусстве или развлекательном, создаваемом для отдыха и своими средствами способствующем познанию и преобразованию действительности в духе наших светлых идеалов. Наше искусство для масс и искусство, творимое самими массами, суть антиподы буржуазной «массовой культуры».

К. Цирман. Будучи порождением империалистической стадии эволюции буржуазного общества, «массовая культура» со всеми ее пороками — явление преходящее. Силой же, определяющей дальнейшее развитие искусства и литературы, выступает прогрессивная, социалистическая культура.

Что касается непосредственно буржуазных концепций культуры, составляющих ответвление доктрин «индустриального общества» и «массового общества», то они призваны прежде всего подрывать влияние социалистической культуры, протаскивать с черного хода несостоятельные теории конвергенции, слияния капиталистической и социалистической систем на базе «единой мировой культуры», которая якобы возникла с появлением новых технических средств массовой коммуникации. Другая важнейшая цель теорий «массовой культуры» — стремление снять или хотя бы затушевать социально-культурные противоречия при империализме. Как известно, еще Карл Маркс указывал на враждебность буржуазного общества искусству. Как бы в ответ на это современный французский социолог Эдгар Морен утверждает, что новая массовая культура является единственным фактором, который объединяет все классы общества. Что эта культура возникла в ходе развития не капиталистического, а уже «индустриального» общества.

Если обратиться к фактам культурной жизни, например Западной Германии, то станет ясно, что мысль Маркса сейчас более справедлива, чем когда-либо раньше. Факты показывают, на каком в действительности «среднем» бескультурье производится такое объединение.

Вот несколько из них. По западногерманским данным, в ФРГ печатается дешевых литературных поделок, в том числе откровенно антигуманистических, милитаристских и антикоммунистических, в 22 раза больше, чем настоящих (даже в буржуазном определении) художественных произведений. Около 75 процентов молодежи и взрослых людей постоянно читают подобную массовую литературу. Проведенные недавно в ФРГ культурно-социологические исследования выявили наряду с этим, что не более 5—7 процентов населения имеют «постоянный контакт с квалифицированным искусством». Надо также иметь в виду, что большая часть распространяемых произведений искусства и литературы носит на себе печать «made in USA»: около 40 процентов телевизионных передач (особенно криминальных) ведется прямо из-за океана, около 35 процентов фильмов импортируется из Голливуда, примерно 32 процента всех дешевых книг карманного формата тоже поступает из Соединенных Штатов. Такие примеры — а их легко можно умножить — говорят еще об одной черте «массовой культуры»: ее все усиливающейся американизации.

А. Кукаркин. Буржуазная массовая культура выступает активным контрагентом социалистического искусства и литературы. Но кто же является «дружеским агентом» этой культуры, или ее «заслуженным собеседником», используя выражение А. А. Ухтомского, которое он ввел в одной из своих интереснейших записей о Достоевском? Под «собеседником» выдающийся физиолог подразумевал любой вид контакта человека с людьми, художественными произведениями, научными ценностями, который дает ему те или иные импульсы для собственного развития, формирования норм поведения и определения жизненных целей.

«Массовая культура», как здесь верно говорила В. Ганчева, тоже имеет своего «заслуженного собеседника», а именно — религию. Подобно религии, ее также характеризуют всеобщность, универсальность в условиях эксплуататорского общества. Она разобщает и даже противопоставляет трудовую и духовную деятельность (известные в истории человечества периоды расцвета искусств — будь то античная Греция или эпоха Возрождения — основывались прежде всего на том, что духовная культура, включая эстетическую потребность, сравнительно органично входила в трудовую жизнь народных масс).

В ней, в «массовой культуре», приобщение человека к миру иллюзорного опыта и красивых грез сочетается с открытой или скрытой пропагандой буржуазного образа жизни. Она создает стандартно-упрощенную «версию жизни», сводящую социальное зло к психологическим и моральным факторам, отказывается от рационального начала, манипулируя человеческой психикой, эксплуатирует эмоции и инстинкты подсознательной сферы.

Буржуазные теории утверждают, что технические средства массовой коммуникации породили в XX веке новый тип «глобальной» культуры и даже (по Маршаллу Маклюэну) «перестраивают схемы социальной взаимозависимости». Стремление скрыть общественно-экономические основы «массовой культуры» и фетишизация техники не случайны. Они призваны подчеркнуть «естественность» и незыблемость существования этой культуры, а также бесполезность всякой борьбы против нее. Между тем повседневная политическая и экономическая борьба трудящихся в странах капитала красноречиво свидетельствует, что «массовая культура» не сделала сознание всех людей управляемым. Хозяева «массовой культуры» стремятся к полному подчинению общественного сознания, но этого нет сейчас и не может быть в будущем.

Однако было бы большой ошибкой недооценивать силу и возможности «массовой культуры». Выступая на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в 1969 году, Л. И. Брежнев отметил: «ежечасно, и днем и ночью трудовой народ почти всего земного шара подвергается в той или иной мере воздействию буржуазной пропаганды, буржуазной идеологии. Наемные идеологи империалистов создали специальную псевдокультуру, рассчитанную на оглупление масс, на притупление их общественного сознания. Борьба против ее развращающего влияния на трудящихся — важный участок работы коммунистов».

ПЕРИСКОП «ЛГ»

ФРГ. Стенд в Ганновере: «Поставьте свою подпись в поддержку ратификации договоров».
Фото из бельгийской газеты «Драпо рунж»

Антивоенная демонстрация в США. Среди демонстрантов — известная американская певица Джоан Баез (крайняя слева).
Фото из французской газеты «Франс-суар»

ния связи с зарубежными мастерами. В состав жюри фестиваля были приглашены известные деятели мирового кино (от Советского Союза кинорежиссер Г. Чухрай). В конкурсе участвовало 26 стран Европы, Азии, Африки, Америки и Австралии. Эмблемой фестиваля стала древняя иранская статуэтка крылатого тура. Этот тур сопровождал нас в Тегеране буквально всюду. Он украшал зал Рудаки, где шахиня Ирана Фарах Пехлеви открывала кинопросмотр, появлялся на страницах газет и афишах...

Золотой тур — главный приз фестиваля — отправился в Советский Союз: он присужден картине Григория Козинцева «Король Лир».

Помилуй, ни один из конкурсных фильмов не шел в атмосфере такого напряженного внимания. Даже после заключительных кадров еще несколько мгновений стояла тишина. И лишь потом зал взорвался овациями.

«Великий Лир России», «Козинцев лучше англичан сумел отыскать путь к сердцу и миру Шекспира» — первая реакция тегеранских газет. По окончании фестиваля газета «Эттелаат» писала о гармоничности режиссерской и операторской работы, музыки Дмитрия Шостаковича и актерской игры. Кстати, еще один Золотой тур присужден советскому актеру Юри Ярвету — Лиру — за лучшее исполнение мужской роли.

Фильм итальянца Дамиано Дамиани «Предварительное следствие закончено...» получил приз за лучшую режиссерскую работу и, как отмечается в постановлении жюри, «за эффективное и смелое исследование важной социальной темы».

В основе новой работы Дамиани — подлинный случай. О плотине, похоронившей под собой более тысячи человек, писали итальянские газеты. А всесильная мафия приняла все меры к тому, чтобы подлинные виновники трагедии не были обнаружены. Но Дамиани, как и в предыдущих своих фильмах, идет от факта к обобщению, показывая классовые корни союза мафии и полицейского аппарата в Италии, обличая систему подавления человека в буржуазном обществе. Новый фильм Дамиани свидетельствует, что он продолжает работать в жанре политического кино, что фильмом «Внимание полицейского комиссара прокурору республики», удостоенным Золотого приза Московского международного фестиваля, он не исчерпал эту тему.

Из двух французских кинокартин, участвовавших в конкурсном показе, диплома за режиссерский дебют был удостоен фильм Нины Компанеец «Фаустина и прекрасное лето» — история 16-летней девчонки, открывающей мир. В фильме следует отметить поэтичность, великолепную операторскую работу, игру молодой героини.

Премии за лучшее исполнение женской роли была удостоена замечательная американская актриса и общественная деятельница Джейн Фонда (американский фильм «Клют»). О самом фильме многого не расскажешь — детектив как детектив. Однако игра Джейн Фонда — это явление высокого искусства.

Особо следует остановиться на иранском фильме «Весенний ливень» режиссера Бахрама Байзайи, удостоенном специального приза жюри. Сюжет картины незамысловат: молодого учителя переводят работать в кварталы бедноты. Знакомство с новыми ребятами, любовь и сестра одного из своих учеников, препятствия, встающие на пути двух молодых людей... Но для новых знакомцев учителя недолгая встреча с ним — словно весенний ливень, неротний и освежающий. Человечность и мягкий юмор Байзайи, проявившиеся в этой первой работе молодого иранского режиссера, принесли фильму заслуженный успех.

Дипломом была отмечена и работа молодого режиссера из Кувейта Халеда-аль-Сиддина «Беспощадное море», первая художественная лента, снятая в Кувейте. Это фильм о тяжелом труде искателей жемчуга, о крушении житейских надежд молодого парня. Фильм завершается символической сценой — мать погибшего ныряльщика, обнаружив в его одежде крупную жемчужину, швыряет ее обратно в море.

Отмечена была также актриса из Египта Фатен Хамама. На конкурсе короткометражных фильмов главный приз присужден индийскому фильму «Вилаап» режиссера С. Гаудхари...

До сих пор я говорил в основном о конкурсных картинах. Однако в дни фестиваля в кинотеатрах города демонстрировались и другие ленты. Нашу кинематографию представляли «Начало», «Белая птица с черной отметиной», «Дядя Ваня», и, нужно сказать, пользовались эти фильмы большим успехом.

Судя по тегеранской прессе, устроители вполне довольны результатами кинофестиваля. «Фестиваль показал, что Иран может стать со временем одним из представительнейших центров международного кино, привлечь выдающихся кинематографистов мира», — писала газета «Эттелаат».

Что ж, мы рады появлению еще одной кинематографической столицы, горды тем, что советское киноискусство выступило достойно на этом молодом кинофестивале.

Масуд МУЛЛОДЖАНОВ,
специальный корреспондент «ЛГ»
ТЕГЕРАН — ДУШАНБЕ

АМЕРИКА-72

Евг. ЕВТУШЕНКО

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 9-Я СТР.

В аттракционе рядом
на метлах ведьмы кружатся.
И призрак наплывает:
«Wellcome!»* пробасив.

Придумал добрый дядя
красивенькие ужасы,
а ежедневный ужас —
он слишком некрасив.

В том ужас ежедневный,
что крошечность безликая
гигантски обнаглела,
великое топча.

В том ужас ежедневный,
что, бреясь и мурлыкая,
палач в себе, любимом,
не видит палача.

В том ужас ежедневный,
что бомбы, воя, рушатся
и что без бомб, втихую,
едят людей живьем.

На завтрак — всмятку ужас,
в обед — салат из ужаса,
на ужин — снова ужас,
а все-таки жуем.

А этот добрый дядя,
играя с карапузами
в обманчивые игры,
искуснейший факир,
детей невинных мира
хотел бы сделать пупсами
с особым механизмом:
«Закрой глаза на мир!».

Америка Линкольна,
Уитмена и Диснея,
детей, студентов, белок
и лунных кораблей,
люблю тебя всем сердцем,
но сердце болью стиснуто:
вьетнамец из картона,
он камня тяжелей.

Нет, мир не так уж розов,
где чьи-то дети — смертники,
где крошечные страны —
веселый чей-то тир.
Встань, детвора Вьетнама,
России и Америки,
не дай бомбить убийцам
наш крошечный, но мир.
...Актеру в маске душно.
Актер под маской мается.
Актера подмывает
удрать, да побыстрей.
Актер снимает маску
миляги Микки Мауса
и говорит устало:
«Двойное виски... strait**».

ДИСНЕЙЛЕНД во Флориде

* Wellcome — добро пожаловать.
** Strait — чистый.

В долине теней

Куда ты бредешь, индианка,
вдоль снежной скалистой гряды,
заштопанное одеяло
прижав к исхудалой груди?

Какая скрывается драма,
невидимых полная слез,
под крышей седого вигвама
твоих поредевших волос?

Усталостью руки нагрузли.
В глазах угасающий свет:
ни горя в них нету, ни грусти —
вообще выражения нет.

Лицо твое, словно пустыня,
и как до сокрытых причин
того, что глаза отгрустили,
добраться по тропам морщин?

Туристские магазины,
где в руки суют с огоньком
индейские мокасины
с предательским штампом: «Гонконг».

Какой-то покрытые сыпью
и с гривами, словно мазут,
подростки индейские — хиппи
чинарики чьи-то сосут.

Мотельчик. Лжепламя в камине.
Засиженный мухами кекс.
Несут индианочки в мини
кровавейший макси-бифштекс.

Индейских костров над горами
не видно, и нет лошадей.
Лжепламя, лжепламя, лжепламя
в золу превращает людей.

И мимо чумных кадиллаков
себя по шоссе волоча,
куда ты бредешь, индианка?
Ты в гости? Ты ищешь врача?

Кричат, тормозя, моточерти:
«Куда тебе? Мы подвезем...»
«Я к смерти, сыночки, я к смерти...
Меня подвозить не резон...»

И все-таки, смерти помимо,
в старухе, бредущей бочком,
мерцает почти что незримо
какая-то цель — светлячком.

И все-таки от милосердья
отказывается в пути,
и все-таки ей перед смертью
куда-то, а надо зайти.

На полуанглийском так странно
бормочет в долине теней.
Орлиные перья тумана
покачиваются над ней.

Глядит на жалетелей сухо,
придумав от горя дела,
и не понимает старуха
того, что давно умерла.

АРИЗОНА

Второй фронт

Мы ждали второго фронта,
мы ждали второго фронта,
мы ждали второго фронта,
а он был так занят: «Дела...»
Притворно ленивый хитрюга,
он был непохожим на друга,
когда наша русская вьюга
в степях отпевала тела.

Он, фронтовик второй, словно франтик,
примеривал траурный бантик.
Он был не солдат — интендантик:
в бою помогают не так.
Мы были мальчишки, девчонки,
и липкие банки тушенки
из бабушкиной кошелки —
с Америкой первый контакт.

Ни роты, ни взвода хотя бы...
В Атлантике, видно, ухабы.
Ну что ж — партизанили бабы
и шли в плугари, в косари.
Старухи над рожью болезной,
мальчишки над стружкой железной,
вот кто был рукою над бездной
и фронтом вторым изнутри!

Но все же под криком совиным
мы, дети, по старым овинам
играли с Гекльберри Финном,
который, что кореш, был свой,
и если бы сложности века
зависели только от Гека —
оборвыша, но человека:
был раньше бы фронт второй!

Но к небу оружье вздымая,
друг друга к сердцам прижимая,
два фронта, вы встретились в мае!
Казалось, над Эльбой сидят,
как ангелы, русские дети
и американские дети —
всего человечества дети! —
на мокрых погонах солдат.

Был общий наш май искорежен,
холодной войной приморожен,
в такой холодильник положен,
чтоб снова — ни-ни! — не расцвел.
Запрятанный, как в Заполярье,
затянутый пасмурной хмарью,
он после подернулся гарью
вьетнамских пылающих сел.

И вот я в Америке. Сцена,
как остров. И грязная пена
несется, беснуясь растленно,
и на пол швыряет меня.
Фашистики, хамы, отребье
под ложечку бьют, словно в регби,
как будто бы не было Эльбы
и ангелов майского дня.

Бьют русское слово с размаху.
Эстрада похожа на плаху.
Нет места в поэзии страху,
но в ней защищенность нужна.
Поэты, советовал вам бы:
учите хореи и ямбы,
но прежде — карате и самбо,
иначе вам будет хана.

Под ребра бьют русское слово,
но собранно и сурово
солдатами фронта второго
студенты бросаются в бой.
Закон всех на свете побоищ:
кто вовремя рядом, тот стоящ,
и американская помощь
такая — она на большой!

Все вдрызг, как в портовой таверне,
но вижу в бушующей скверне
и Барри, и Берта, и Берни,
дерущихся, как на войне.
Боль гложет пронзительно, остро,
Но Сима и Хана — вы просто,
как фронта второго медсестры,
с бинтами спешите ко мне.

Поэзию хамы, кастраты
хотели столкнуть бы с эстрады
и были сплясать бы так рады
на трупах растоптанных строк.
Но ты поднимаешься снова,
все в ссадинах, русское слово.
Открытие фронта второго
прекрасно — когда оно в срок.

Джон да Марья

Миннеаполис —
там, где эти лодонки ударами с ног
меня сбили.
«Мы наплакались, —
говорит мне хозяйка. —
Мы думали
—вас убили».
Дочь—студентка.
Она флейтистка.
Ей лет двадцать.
Ее зовут
очень странно,
совсем неблизко,
переменно — то «Маша»,
то «Рут».
В этом тихом коттедже
Рут обносит коктейлями старших.
А глаза ее те же,
как у той,
с Патриарших,
где я ночью на велосипеде
проезжал
переулками мглистыми,
где так весело пели
спицы с мокрыми листьями.
Рут подносит к губам свою флейту.
Как спасительно Баха вдохнуть,
словно медленно входишь в Лету
по колени,
по пояс,
по грудь.
А у флейты, как иллюминаторы,
светят дырочки на боку.
Кто-то смотрит из них внимательно,
кто-то маленький там начеку.
И следит он из этой обители,
строгий гномик,
сидящий молчком,
чтобы музыку не обидели
сытым чавканьем
или смешком.
И в сонате —
дыханье столетий,
легкий лепет кастальских струй.
Как он чист,
поцелуй с флейтой, —
с человечеством поцелуй.
А отец молчаливый твой,
Рут,
с напряженно собравшимся лбом
в своем письменном роется вдруг
и протягивает фотоальбом.
Там,
у полусожженной рощицы,
он — сержантик,
юнец,
новичок.
С ним —
курносая регулировщица,
пилоточка —
набочок.
Она тоже вроде подросточка
с ним в обнимку над Эльбой стоит,
и армейская наша звездочка
у нее
во лбу
горит.
Подняла она озорно
расчехленный флажок для отмашки,
он —
бутылку с французским «Перно»,
а на фото:
«Джону от Маши».
Воздух пьют,
как березовый сок,
что-то молодо ожидая, —
двух народов победный цветок —
Джон да Марья.
...После наглого улюлюканья
там, где сволочь трусливо
кураживается,
где поэзия
то ли мукою,
то ли самоубийством кажется.
После скуки приема салонного,
где ласкают меня,
как ребеночка,
где накалывают на соломинку
то ли вишенку,
то ли бомбочку, —
после этого так прекрасно
оказаться,
бокал поднимая,
в доме чисто американском,
где хранится цветок
Джон да Марья.
Рут,
видения флейтой зови,
в этот вечер отцу не переча.
Может, не было вовсе любви —
только просто случайная встреча.
Ну, а может, была...
Был звон
обожженных войною ромашек,
но ни слова по-русски —
Джон,
по-английски ни слова —
Маша.
А победа переплела
руки девичьи и мужские
и друг другу перевела
и Америку,
и Россию.
Я не спрашиваю ни о чем —
как там было на самом деле...
Флейта,
флейта весенним ручьем,
и для музыки мир неразделен.
Эти чистые ноты не врут —
в них ручьи пробивают сугробы.
Ты сыграй мне грядущее,
Рут,
там, где нет недоверья и злобы.
Невозможного нет ничего
из того, что ночами нам снится,
если вновь у отца твоего
брызги Эльбы
блестят на ресницах.
Дайте каждому Эльбы глоток
на земном исстрадавшемся шаре,
и бессмертником станет цветок —
Джон да Марья!

САН-ПОЛЬ

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

ТОЛЬКО «СПАРТАК»?

Я обращаюсь в администрации «Клуба ДС», потому что не добился правды в других местах и мне уже некуда обращаться. Вопиющая несправедливость царит в музыкальной жизни.

Недавно в Большом театре я слушал балет «Спартак». Хорошо, что композиторы посвятили балет команде, которая чаще всех выигрывала кубок страны. Но не все болеют за «Спартак». Почему бы не создать балет «Динамо» (Москва)? Команда — в финале кубка обладателей кубков, а композиторы делают вид, что так и надо. В прошлом году динамовцы Киева стали чемпионами. А что композиторы? А композиторы ничего. Нет балета «Динамо» (Киев). А ведь па-де-де Бышовца и Колотова в исполнении Майи Плисецкой и Николая Фадеечева украсило бы традиции нашего знаменитого балета. Не могут написать балет, пусть пишут оперу, не могут оперу, пусть пишут симфонию «Динамо» (Киев) или ораторию.

А кто станет возражать против симфонической поэмы СКА (Ростов-на-Дону)? Да и болеро «Нефтчи» (Баку) или клавир «Динамо» (Тбилиси) украсили бы репертуар любого артиста. Я даже слышу, как Иосиф Кобзон, широко раскинув руки, поет старинное танго «Зенит» (Ленинград), а ансамбль «Березка» исполняет искрометную лезгинку «Торпедо» (Кутаиси).

Ждет своего воплощения на музыкальной сцене и игра сборной страны. Это должно быть нечто монументальное, размашистое, результативное, как игра сборной, о которой я мечтаю.

Степан ЧУПРУНОВ

КАЛУГА

БОЛЕЛЬЩИКИ—НА СТАДИОН!

Уважаемая администрация «Клуба 12 стульев»!

Ни для кого не секрет, что в последнее время у нас уменьшилась посещаемость футбольных матчей. Я предлагаю обсудить мои предложения, которые помогут привлечь любителей футбола на стадионы.

Необходимо срочно:

1) Практиковать перед началом футбольных матчей выступление популярных эстрадных ансамблей. Перед матчами ослабевших столичных команд («Торпедо», «Спартак» и др.) выпускать на поле Эдиту Пьеху или Муслима Магомаева.

2) Возобновить спортивную лотерею на входные билеты, разыгрывая каждый раз не менее 100 автомобилей «Жигули».

3) Разрешить приносить с собой и распивать на стадионах спиртные напитки.

4) Привлечь к судейству матчей высшей лиги судей женщин, желательно обаятельных. Предварительно на специальном семинаре объяснить всем футболистам, что при женщинах, даже если они судьи в поле, нельзя выражаться нецензурными словами.

5) В перерыве между таймами производить подписку на собрание сочинений Жорж Санд и других хороших и разных писателей.

Убедительно прошу сообщить, будут ли мои предложения доведены до сведения руководящих футбольных органов.

П. СОЛОВЬЕВ

ИВАНТЕЕВКА Московской области

Дм. ИВАНОВ, Вл. ТРИФОНОВ

ИРОНИЧЕСКАЯ ПРОЗА

СТОЛ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

ИЗ ДВУХ зол выбирают меньшее. Поэтому Богдановы передвинули обеденный стол налево от витрины книжного магазина, где постоянно торчали любопытные продавщицы, к стоянке такси, где никогда не бывало ни машин, ни людей.

— Так, конечно, намного уютней, — заметил Богданов и тут же инстинктивно отпрянул от пронесшейся мимо машины.

Ночью прошел дождь, и все на улице шарахались от транспорта, чтобы их не забрызгало.

— Ничего, привыкнем, — ответила жена и, обернувшись, улыбнулась регулировщику в «стакане», который теперь каждое утро отдавал супругам честь.

Потом они укрылись от прохожих за сервантом. Каждый раз, когда мимо проезжал грузовик, посуда в нем тонко позванивала. Мокрой расческой жена сделала Богданову пробор, а он застегнул сзади молнию на ее платье. Притихший сын стоял рядом.

— Уши? — спросила жена.

— Мыл, — мрачно ответил сын.

Семья Богдановых взялась за руки и вышла из-за серванта к столу. Люди на перекрестке как будто только этого и ждали. Не-

И тут же рядом затормозил троллейбус — дуги слетели с проводов. Люди, как мячики, запрыгали из него, едва не наступая Богданову на ноги. Под их взглядами Богданов торопливо погладил сына по голове.

— Отложим до вечера, — сказал он, кисло улыбаясь.

И разбил чашку.

— К счастью! — плаксиво сказала жена, не переставая улыбаться.

И вдруг Богданов тревожно завертел головой, стараясь отыскать те глаза, что ощутимо полоснули его по лицу. Но это мгновение было слишком коротким. Девушка пошла дальше, с ленивой красотой выбрасывая из-под короткого плаща длинные ноги. Мужчины оборачивались ей вслед, качали головами и говорили: «Черт возьми!»

Богданов подумал, что, пожалуй, эту девушку зовут Мариной, и что скорее всего именно с ней он познакомился когда-то в бассейне, и что именно ее телефон был записан в его прежней записной книжке, которую он однажды в минуту необыкновенного душевного подъема выкинул в соседнюю урну.

— В чем дело? — донесся до Богданова голос жены, и очередная улыбка обожгла его.

тылку «перцовки» Женька так и не решился достать из куртки. Как раз напротив стола надолго задержалась группа иностранцев в белых тюрбанах. Они жестикулировали, цокали языком, и разливать в такой обстановке было неудобно.

— Да, — сказал потрясенный Женька, — посреди улицы сидеть — это же надо иметь железные нервы. Того и гляди троллейбусом переедет!

— Это только так кажется, — ответил Богданов. — Здесь очень аккуратно ездят. Регулировщик рядом.

Но Талызин наглухо застегнул куртку, в которой топорщилась бутылка, плюнул, встал из-за стола и, оседлав свой мотоцикл, умчался.

Больше никто из знакомых к ним за стол не садился — стеснялись. Даже оказавшись на этом перекрестке, знакомые не подходили близко, а только кивали головой и делали приветственные жесты. Богданов с женой, всегда нарядные, глядели на них с застывшими улыбками.

Особенно трудно было по субботам: то их как постоянно торчащих на одном месте знакомый регулировщик привлекал в свидетели уличного происшествия, то рядом останавливалась рота солдат, решивших на пути в театр полакомиться мороженым. И прапорщик с загоревшим на стрельбище лицом с интересом смотрел на Полю, сидевшую на золоченом арабском пуфике. Поля выпросила пуфик у знакомых взамен выброшенной облезлой табуретки и сама набила его старыми чулками. Богданов постоянно боролся с желанием погнать пуфик ногами, как футбольный мяч. Но не мог этого сделать на виду у всех. Он мог только сказать, улыбаясь:

— Полина! Тебе не кажется, что для улицы это слишком откровенный туалет? Хоть колени прикрой.

— Я не могу сидеть на людях в старом халате, — с вежливой улыбкой отвечала жена.

«Почему? — с тоской спрашивал себя Богданов. — Почему так получается? Ведь еще месяц назад мы мечтали об этом самом центральном перекрестке. И вот мы здесь. Современная жизнь кипит кругом круглые сутки. Реклама мигает. «Жигули» проехали. Артист Олялин идет. И все-таки чего-то не хватает для полного счастья».

А тут еще притащилась теща, которую Богданов недолюбливал. Теща пришла с авоськами, распухшими от консервных банок, кульков и свертков. Она успела с утра выиграть несколько маленьких магазинных баталий, и на ее распаренном лице Богданов увидел победную улыбку.

— Так и есть! — сказала теща. — Так и знала, что сами сто лет не соберетесь!

Она вынула из свертка выгоревшие плюшевые занавески с бомбошками.

«Не буду связываться, — подумал Богданов, присобачивая занавески. — А как только уйдет — сдеру».

Теща дернула за шнур. Занавески плавно поехали с обоих краев гигантского окна. А когда они сошлись, отрезав оживленный перекресток с прохожими и троллейбусами, Богданов вдруг с изумлением впервые ощутил себя в своей собственной новой отдельной квартире.

Возможно, тещины занавески чуть-чуть подпортили внешний вид нового дома, который уже успели окрестить поэмой из стекла и бетона.

Богданов пнул пуфик, и на душе у него стало хорошо.

— Родная! — сказал он, стискивая жену в объятиях и совершенно не следя за выражением лица.

Потом он нагнулся и, улыбаясь, поцеловал тещину руку.

Потому что ему так хотелось.

Татьяна ШАБАШОВА

БЕГ

Спрашиваете, откуда ковер? Ничего коврик, а? Можно сказать, полит моим потом. Жене очень угодил. Расцеловала даже. Сервиз? Тоже я. Как? Очень просто. Бегал и достал. Что значит, «как бегал»? Говорю же вам, трусцой. Удивительно полезная штука! Надо только уметь ее рационально использовать.

Это я еще в позапрошлом решил заняться укреплением пошатнувшегося здоровья. Записался к участковому. Так, мол, и так, дайте, доктор, чего-нибудь психотерапевтического или медикаментозного для организма, сдавшего кандидатский минимум и ослабленного сидячим образом жизни. Доктор оказался женщиной, такой симпатичной эскулапочкой, осмотрела меня детально, начертила на моей груди решетку, велела растопырить пальцы, дышать и не дышать, измерила клизмочкой давление и сообщила, что я практически здоров, но мне показаны чистый воздух, положительные эмоции и спорт.

Помню, шел я домой задумчиво. «Как так, — думал, — получилось, что в моей жизни не нашлось места спорту? Почему не обрабатывал я мяча, не рвал финишных ленточек, не метал копья? Досадное, — думаю, — упущение. Но ничего. Я молод. Я выйду на старт. Я буду рвать и метать. Еще не все потеряно. Главное — начать».

Начал с бега на короткие дистанции — в булочную, за молоком, в прачечную или в «Бытовую химию» за «Дарьей». Это для начала.

Не сразу, конечно, все пошло, как по рекортану. Были трудности, были разочарования. В магазине, например, когда я спросил себе белые тапочки, продавщица долго надо мной смеялась, а потом съязвила: не хочу ли я птичье молоко в брикетах? «Птичье молоко, — отвечаю, — мы, между прочим, достанем! А вот где достать белые тапочки? Или кеды?» «Кед нет! — отрезает она мне. — Есть ботинки для турпохода!» «Но мне не нужны для турпохода!» — «Берите для фигкатания!»

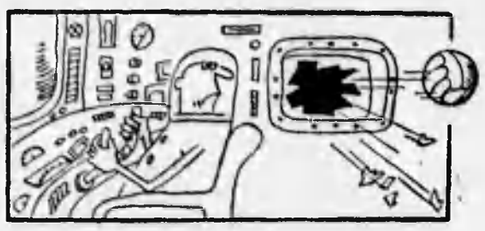
Не сразу дался и тренировочный костюм. Конечно, мне хотелось костюмчик с изюминкой, шерстяной, васильковый, с белой полосой. А мне предлагали толстые, бумазейные, старушечьих фасонов, погребальных расцветок, мальчиковых размеров... Тогда я решил бегать без специальной экипировки.

И дело не в том, в чем бегать, а как и куда. К тому моменту я уже наметил рационализировать трусцу. Не мотаться бесцельно вокруг куста, как некоторые, не трусить без толку вокруг да около, а бегать со смыслом, с адресом. И я стал бегать по магазинам. Сначала забегал только в спортивные и — представьте! — достал тапочки, а вскоре и костюм.

Много ценного почерпнул я за этот период интенсивных тренировок: подушки — в салоне «Ни пуха ни пера!», кастрюлю-скороварку, керамическую плитку, автомобильные камеры...

Как стал марафонцем? Вот так и стал. Секрета не делаю. Бегал. Тренировался. Себя не жалел. Трудно ли? Да как вам сказать? Привычка, закалка многое значат. Бегаю два раза в день — утром и вечером. Я теперь 42 км 195 метров играючи пробегаю. Куда бегаю? Так я же говорю: гараж получил. Гараж для своей машины. Теперь утром встаю, термос за плечи—и в путь. Бегу в гараж за машиной. Вечером ставлю свою лошадку в новенькое стойло и бегу обратно. Домой. Бегу, дышу, ориентируюсь по звездам. А жизнь ставит новые задачи, вот сейчас ремонт задумал, модные обои придется доставать. Это уже сверхмарафон. Не верите? Приезжайте в наш город — сами убедитесь.

НЫНЕШНЕЕ ЛЕТО АДМИНИСТРАЦИЯ «КЛУБА ДС» ВСТРЕТИЛА ПОД ЗНАКОМ НЕБЫВАЛОГО ИНТЕРЕСА К СПОРТУ. КАК, ВПРОЧЕМ, И МИНУВШУЮ ЗИМУ. «ЗИМОЙ И ЛЕТОМ — ОДНИМ ОЛИМПИЙСКИМ ЦВЕТОМ», — НЕРЕДКО ШУТИЛА В СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ АДМИНИСТРАЦИЯ, ИБО ГОД НЫНЧЕ ОСОБЕННЫЙ, ОЛИМПИЙСКИЙ. «СПОРТ — ЭТО НЕ ТОЛЬКО ФУТБОЛ», — ГОВОРИТ НАРОДНАЯ МУДРОСТЬ. ПРАВИЛЬНО. ВЕДЬ СПОРТ— ЭТО ЕЩЕ И ХОККЕЙ, НЕ ГОВОРЯ УЖ О ЛЕГКОЙ АТЛЕТИКЕ. А ВОЗЬМИТЕ СКАЛОЛАЗАНИЕ И Т. Д.! АДМИНИСТРАТОРЫ «КЛУБА ДС» ОЧЕНЬ ЛЮБЯТ СПОРТ И РЕГУЛЯРНО СЛУШАЮТ ПО РАДИО УРОКИ ГИМНАСТИКИ, ОНИ ПОЧТИ НИКОГДА НЕ НАРУШАЮТ СПОРТИВНОГО РЕЖИМА! СЛОВОМ, СПОРТ ВОШЕЛ В КАЖДЫЙ ДОМ, В КАЖДУЮ СЕМЬЮ АДМИНИСТРАТОРОВ, КОТОРЫЕ ГОРЯЧО ЖЕЛАЮТ ВСЕМ СПОРТСМЕНАМ СЧАСТЬЯ В БОРЬБЕ И УСПЕХОВ В ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ.



Футбол — П. РУДКОВСКИЙ (БОБРУЙСК)

Туризм — А. ПРОЗОРОВ (КУРСК)

Легкая атлетика — В. ИВАНОВ

СПОРТ, СПОРТ, СПОРТ...

ИЗ КИНОФИЛЬМА «СПОРТ, СПОРТ, СПОРТ!»

Авиаспорт — С. ТЮНИН

КОМИКС «КЛУБА ДС» — В. БАХЧАНЯН

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА РОГА И КОПЫТА

СПОРТИВНЫЙ ВЫПУСК

● ПУСТЬ ГОРИТ ЗЕМЛЯ ПОД НОГАМИ ХУЛИГАНОВ

Если бы старуха графиня, вместо того чтобы в праздности проводить время в аристократических салонах, занималась толканием ядра, то она без труда смогла бы обезвредить вооруженного хулигана Германна и передать его в руки правосудия.

● НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Корреспондент «Рогов и копыт» обратился к находящемуся на заслуженном двухнедельном отдыхе писателю Евг. Сазонову с просьбой поделиться своими мыслями о том, как повысить результативность в футболе. «Команды надо перевести на сдельщину», — посоветовал писатель.

● ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ?

«Сейчас судьи вынесут очки». «Он нанес ему обманные движения». «На ваших экранах отдыхает польский боксер». «Старшинов прерывает шайбу». «Судьям будет трудно вынести победителя». «Вот уже третью встречу команда проводит без голов». «Пошел второй тайм третьей половины матча». Почему, ну почему мы так говорим?

● ОБЪЯВЛЕНИЕ

Молодой перспективный кандидат наук дает уроки игры в преферанс. За время обучения выплачивается стипендия в размере половины проигрыша.

● РЕКОРД ВЗЯТ!

За три года работы в магазине «Мясо — рыба» продавец Костя Иволгин недовесил покупателям 305,5 кг мясопродуктов. Это на 2,5 кг больше, чем зарегистрированный рекорд Славы Пашина, стоявший непобитым с 1961 года.

ФУТБОЛЕСКИ

● *Если зрителей мало, то надо играть для собственного удовольствия.*

● *Наш пострел не поспел на прострел.*

Д. МИЛЬРУД

ОДЕССА

● *Ему наступали на ноги даже там, где еще не ступала нога человека.*

Ю. ШАНИН

КИЕВ

ПЕРЕСМЕШНИК

КОНКУРС ЗНАТОКОВ

«В спорте нет мелочей», — говаривал один известный тренер. И он был прав. Посмотрите на снимок. Ну что, казалось бы, общего между хоккеем и блюдом, аппетитно перенесенным на фотобумагу? «Ничего», — скажет профан, и он будет неправ, потому что вообще профаны редко бывают правы.

А на самом деле эти биточки рубленые съел замечательный нападающий, большой мастер хоккея. Съев биточки, он набрался сил и забил шайбу, решившую исход матча.

Посмотрите внимательно на снимок, дорогие читатели, и определите:

1. В каком году проходила эта интересная и напряженная встреча?

2. Кто забил решающую шайбу?

3. На какой минуте был забит гол?

4. С каким счетом окончился матч?

5. Кто забил остальные шайбы?

Двести читателей, которые правильно ответят на эти вопросы, получат фотографию биточков с автографом большого мастера хоккея.

Ждем ваших писем, наши дорогие подписчики и читатели. Не забудьте в углу поставить отметку: «На конкурс знатоков спорта». Последний срок отсылки — 1 июня. Дата определяется по почтовому переводу.

К НОРД-ВЕСТУ ОТ АЗИМУТА

С. ЛИВШИН

Одни в Гаграх греются, другие в Сочах лечатся, третьи в Кижах нежатся. И все радуются: сливаемся, мол, с природой!

Если бы моя суровая обветренность не мешала мне гордо улыбаться, я бы гордо улыбнулся. Или даже засмеялся смехом мечтателя над мечтами обывателя.

Настоящее слияние с природой — это романтика поиска тревоги риска. Это краеугольный камень, который стал для нас, бродяг-первопроходимцев, путеводной звездой.

Чуть свободная минута — крюки в руки, ледорубы в зубы, и вперед, навстречу риску поиска тревоги романтики. Пусть где-то рвут на себе мохер невесты, пусть вахтеры запоздало кричат: «А что у вас, ребята, в рюкзаках?» — мы уже спешим к норд-весту от азимута.

Как сейчас помню, я первым шел. В висках бешено стучало. Скольких смельчаков уже погубили эти зловещие пики! Я понимал, что каждый шаг грозит мне опасностью, потому что пошел я с трефы.

Только настоящий турист поймет, чего это мне могло стоить.

Тем временем полдень клонился к закату.

«Пора, — сказал я себе. — Надо поставить на карту все!»

И я поставил на нее печеночный паштет, шпроты в масле, исландскую сельдь в винном соусе, шесть видов плавленых сырков и колбасу по пять семьдесят кило.

— Только здесь, один на один с природой, по-настоящему раскрывается богатство человека, — задумчиво сказал Леша.

Кеша закусил губу. Его рука медленно потянулась к ледорубу.

— Не горячись, — мягко сказал Леша. — Я сам все нарежу.

Потом мы сидели и молчали. Нам было о чем помолчать. Сколько мы вместе хлебнули за эти годы!

— Леша, помнишь Дарьяльское ущелье? — тихо спросил Кеша.

— А ты, Кеша, помнишь Домбайское? — отозвался Леша. — А Тебердинское, а Осетинское крепленое, Терекское игристое, Останкинское плодоягодное?..

И мы запели наши заветные песни о тревоге романтики поиска риска. На звук песен стали сходиться люди. Но мы им быстро объяснили, что это наш звездный час, а не три часа ночи, и если они хотят спать, то пусть катятся из нашей туристской гостиницы в Гагры, Сочи и Кижи.

Потом мы штурмовали Эльбрус. Каждый метр давался нам с бою, потому что все остальные рестораны в городе уже были закрыты. Но мы все равно пробились на самый верх. И последнее, что я помню, это слезы жалости к тем, кому незнаком риск поиска романтики тревог.

ТОЛКОВЫЙ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ «КЛУБА ДС»

ЖЕСТЬ — мягкий жест.

ЗАБРАЛО — полисмен.

ЗАВИДУЩИЙ — лав, не имеющий персональной машины.

ЗАВТРАКАТЬ — мечтать о будущем.

ИЗВЕСТНЯК (разг.) *— популярный эстрадный певец.*

КАДРИЛЬ — перемещение кадров.

КАМАРИЛЬЯ — туча мошкары.

КАПЕЛЛА (мед)*. — пипетка.*

КАСТРЮЛЯ (ласк)*. — скопец.*

КОЛЕНКОР — юный корреспондент (в коротких штанишках).

КОЛЬЕ (собир.)*' — частокол.*

КОЛУМБАРИЙ (груст.)*' — пристанище всех бывших и будущих колумбов.*

КУРЯТНИК — комната для курения.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ

Цена 15 коп.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП, Москва Ц, Цветной бульвар, 30. Телефон для справок 295-00-00 доб. 63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, В. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, Р. САМАРИН, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А—06050 Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30. Зак. 326 ИНДЕКС 60067